

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 2 2018

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 2 2018

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Marianna A. Balasarian, Georgia, Doctor of Philology
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science
Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review
"East West" Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1
1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL The journal has Index Copernicus Value (ICV) 64.80 for 2016.

GIF® GLOBAL IMPACT FACTOR The journal has the GIF impact factor .211 for 2016.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Demography

Sukirman Sundarso,

Warsono Hardi,

Hayu Ida,

Public Administration Doctoral, Program

Diponegoro University, Semarang, Indonesia

E-mail: prodidap@gmail.com,

POLICY EVALUATION OF NON-FORMAL EDUCATION RELATE TO LIVE CAPABILITY IN BANJARNEGARA DISTRICT

Abstract: The problems of unemployment, poverty and children dropping out of school that is currently happening Government took steps concreteBanjarnegara district with a Non Formal Education Policy implementation life skills. This research aims to assess and measure the success of the Non Formal Education Policy life skills in Banjarnegara district. The results showed that non formal education life skills have yet to achieve the expected results, which can be seen from the results of interviews, data, and other supporting documents, namely the evaluation of *Regional Development Plan known as RKPD* of Banjarnegara district in the period 2016. In order it impact on community response against the non-formal education policy life skills is still low. It is due has not been in accordance with the existing standards in the regulation of such policies. Infrastructure needs improvement to make it more comfortable classrooms, replacing teachers or mentors suitably fake, do accreditation in each activity *Center Learning Community* known as (PKBM) existence, and doing the program's mentoring, coaching, and development for learners who have passed an examination.

Keywords: Public Policy, Non Formal Education Life Skills, Unemployment, Poverty and Children Dropping Out Of School.

I. Introduction

Education in Indonesia is faced by three important challenges. The first is caused by economy crisis, where the education should be defending the education development results have been reached. The second is anticipate global world education era should be defended to prepare human resource competency in order they will able to compete into global market competition era. The third is, relating to regional autonomy determined, need to be implemented transformation and sustainability of national education

system. Thus it is hoped able to realize an educational process that is more democratic, by taking attention on necessitites diversity and regional condition, students, as well as supporting community participation advantaging. To confront this various things the government have increased educational quality and giving an opportunity as broad as for community in achieving education.

The three challenges of education above may not necessarily be easily realized, this due to the condition of the Primary School dropout Rate, owned by

the nation of Indonesia is currently still relatively high compared to other Asian countries. Where

this can be seen from figure 1 in the following graph below.

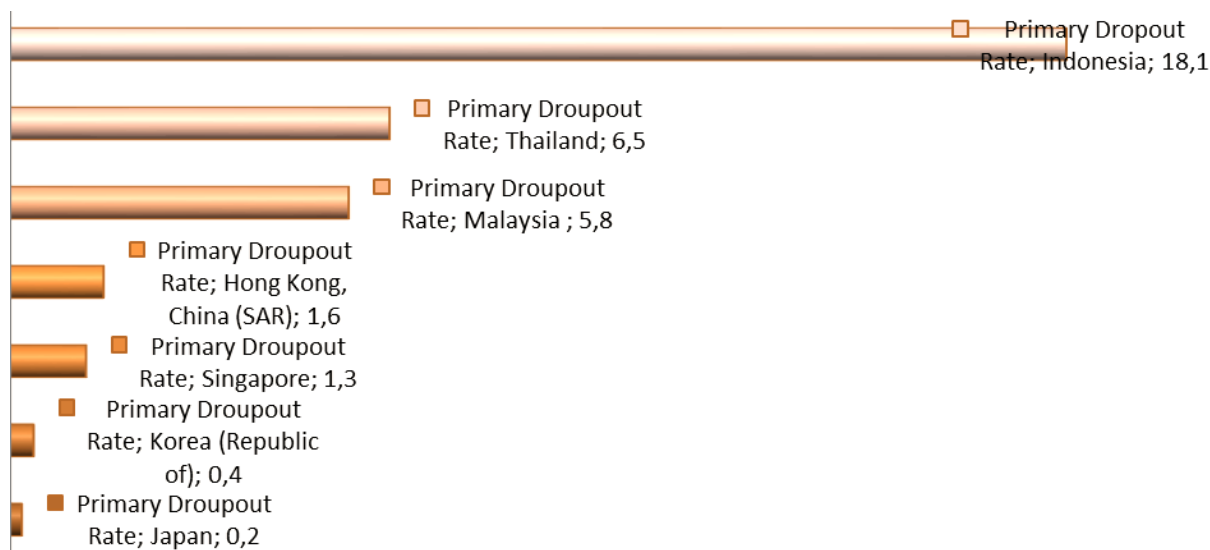

Figure 1. Primary School Dropout Rate
 Source: UNDP Report, 2016

Bases on the figure above it can be known that the education system today in Indonesia compared with countries have still become worried. Where the amount of dropout on primary school level have still high compared with neighbour country especially in asia continent. The smallest percentage of Primary School dropout in Asia continenet showed by Japan about 0,2% children dropout from primary school. Then followed by Korea by percentage about 0,4%

children dropout from school. And the last country who have smallest percentage of Primary School dropout is Singapore by percentage about 1,3%. While for Indonesia is still high categorized by percentage of Primary School dropout about 18,1% children that dropping out because of various factors behind that. Indonesia rank is still under position of Malaysia, Thailand and Hongkong.

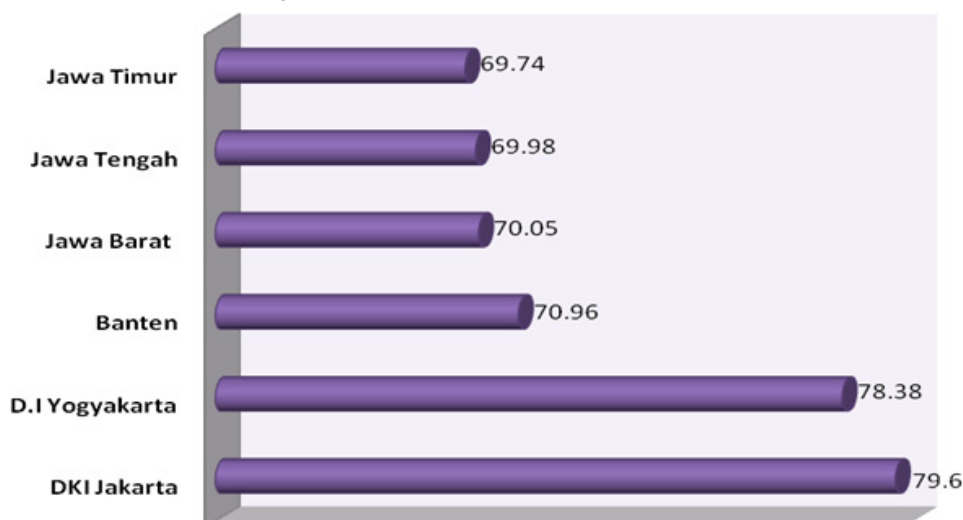

Figure 2. Human Development Index in Java Island
 Source: National BPS, 2016

Still the high Primary School Dropout Rate experienced by Indonesia currently indicates that the level of fulfillment requirement for education is still very low. It can be seen from the achievement of the results obtained from Human Development Index of some provinces in Indonesia, the breakfast buffet on the figure 2 below in particular is on the island of Java.

Human Development Index explains how residents can access the development results in obtaining income, health, education, and so on. Human Development Index were introduced by the United Nations Development Program (UNDP) in 1990 and is published regularly in the annual report of the Human Development Report (HDR). HDI was formed by three

basic dimensions: longevity and healthy life, knowledge (education), and a decent standard of living.

According to the figure above shows that it can be observed if Human Development Index today is the lowest in East Java Area by percentage as many as 69,74%. Then the province who indicate the lower HDI followed by Central Java Province by percentage as many as 69,98%. While the province that indicates the highest HDI is Jakarta by percentage as many as 79,6%.

The impact of the low HDI in Central Java Province today, influenced by the HDI result of Region/City in all of Central Java Areas. Where this condition can be seen from the graphic figure 3 below.

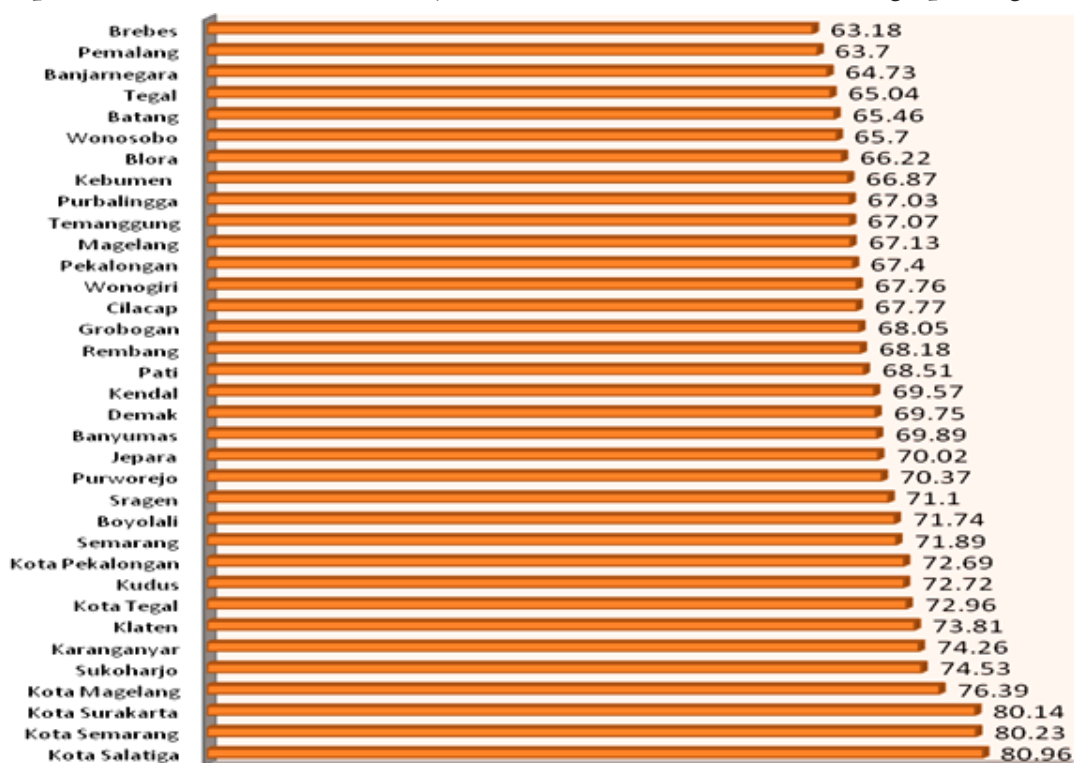

Figure 3. Human Development Index of Regional/ City in Central Java Province

Source: *The Amount Index of Central Java, 2015*

According to figure graph 3 above it can be noted that the human development index of County/City in Central Java Province the lowest is Brebes Regency with the index of 63.18. Later HDI County/City is the next lowest is Pemalang Regency with index amounted to 63.7. And the third lowest HDI is Banjarnegara District with index 64.73.

The low human development index (HDI) in Pemalang Region, Brebes Regency and Banjarnegara Region in Central Java province had expected by researchers due to three basic dimensions used to measure HDI has yet to be fulfilled optimally. One of the three basis dimensions that hasn't yet been fulfill optimally such as field of knowledge (education). Of

the three counties with the lowest HDI above, Banjarnegara District allegedly by the researcher level of fulfillment of the educational needs for citizens the lowest compared to the Brebes Regency, and Pema-

lang. Where the condition can be seen from the data of figure chart 4 illustrate about the real participation in three counties. It can be seen on a picture graph 5 below.

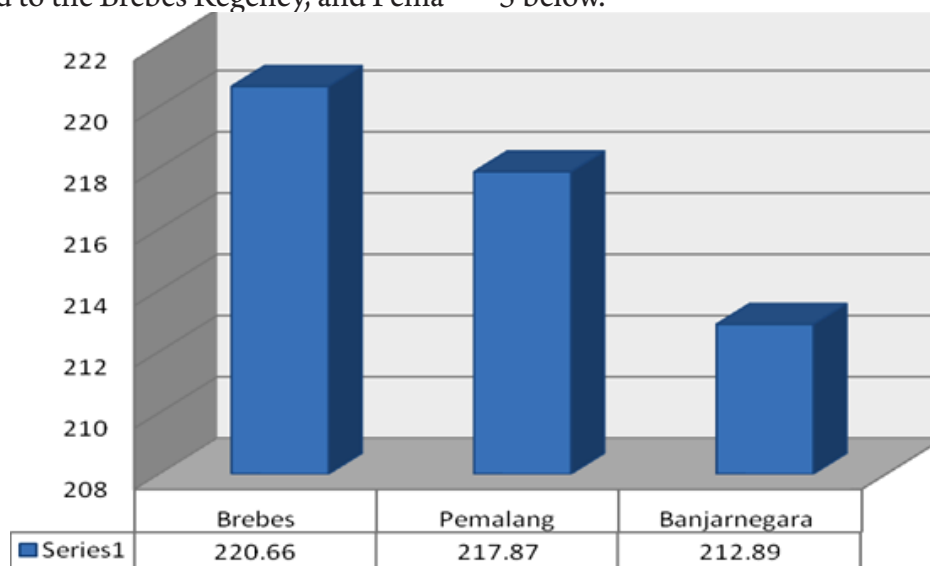

Figure 4. The Amount Of Real Educational Participation In Three Regions
Source: Central Statistics Bureau of Central Java Province (data managed), 2015

From the figure graph 4 it can be noted that the current Total Number of real School Participation existing in Banjarnegara district is the most inferior compared to Brebes and Pemaslang. Total Number of real Schools Participation in Banjarnegara district is 212.89, whereas in Brebes Regency is 220.66 and Pemaslang Regency is 217.87. The low Numbers of the real Participation in Banjarnegara district showed that the fulfillment of the requirement for community education in Banjarnegara district is still very lacking. To overcome these problems, especially in the field of education, the Government encouraged the Banjarnegara district an educational programs both formal or non-formal life skills for the community. Formal education is carried out by the Government of Banjarnegara district such as Elementary School, Junior High School, and Senior High School/Vocational School or Students who have been there in some College is an education that requires a long time and cost a fairly high society of Banjarnegara district. While formal education life skills is an education that does not require

a long time (2–3 month) and costs incurred is also not much/high as formal education in General. Not only is it a non-formal education to follow life skills that are in the midst of the current age of communities they are also not restricted. From the start the age of kids, teens to parents can follow suit. But it is presumed by researchers haven't quite effective because data written in accordance with Banjarnegara in numbers is still a lot of open unemployment is in the Banjarnegara district, which can be seen on a picture graph 5 below.

In (Figure 5) it can be noted that the percentage of Open unemployment rate (TPT) in 2009 amounted to 5.07%, in 2010 is down to 3.10%. In 2011 rose amount 4.97% then back into 2012 down again into 3.69%. The later in 2013 the open unemployment rate percentages in Banjarnegara district rise again into 4.16 and in 2014 dropped back to 4.06%.the instability of these conditions are suspected by researchers that non-formal education life skills that exist in Banjarnegara district currently running effectively. Thus causing the open unemploy-

ment rate percentages that existed in Banjarnegara district is still very volatile condition.

This take an interest for researchers in conducting a research on the evaluation of the non-formal education policy life skills in the form of courses and

training conducted by private parties or the State in reducing poverty levels and there is unemployment in Banjarnegara district at this time. This research aims to assess and measure the success of the Non Formal Education Policy life skills in Banjarnegara district.

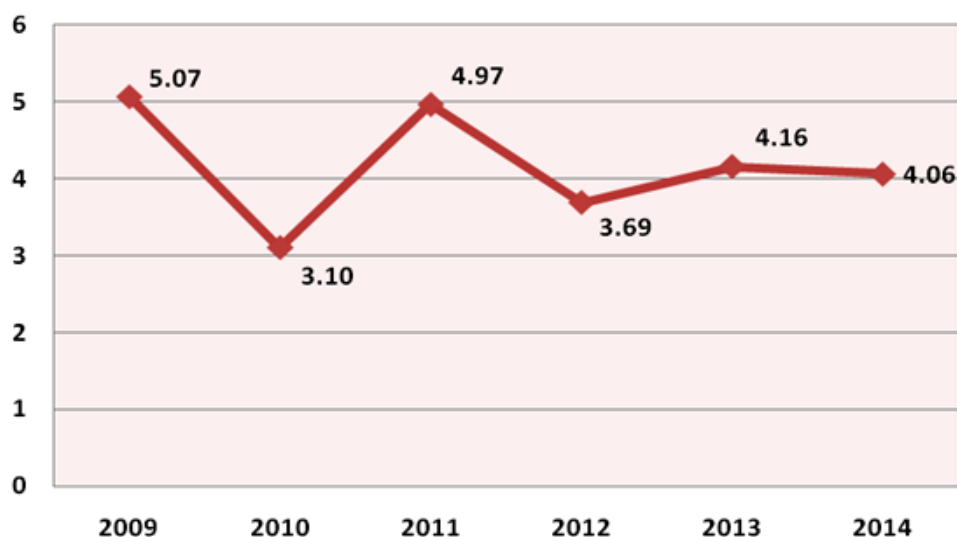

Figure 5. The Percentage Level of Unemployee General in Banjarnegara Region

Source: Central Statistics Bureau of Banjarnegara Region, 2015

II. Research method

This research chooses a case study with some data collecting technique to accomplish the research objectives. The data is collected by revealing phenomena that become the research focus. It is because the research is using the triangulation technique. This triangulation technique is conducted by combining some data collecting techniques, such as: in-depth interview, questionnaire, secondary data analysis, website investigation, including consult with cooperation pioneer.

III. Literature review

1. Public Policy Concept

The word of public policy is a word comes from english words namely "Public Policy". The word of "policy" translates into "policy" (Samodra Wibawa, 1994; Muhadjir Darwin, 18) and the other also translate into "discretion" (Islamy, 2001; Abdul Wahab, 1990). Although there is no "agreement", does the policy is translated into "Policy" or "Discretion", while it is tending to the future for policy

will be applied a word of policy then this theoretical framework, for public policy will be translated into "public policy".

There are several opinions of the experts below which can be reference in understanding the meaning of public policy: Thomas R. Dye defines public policy as follows: "Public Policy is whatever the government choose to do or not to do" (public policy is whatever the Government's choice to do something or not do something). According to Dye, if the Government chooses to do something, then certainly there is objective, since public policy is the "action" of the Government. When the Government chose not to do something and this is a public policy, which of course there is the goal.

James e. Anderson (1998) stated: "Public Policies are those policies developed by governmental bodies and official (public policies are the policies that are developed by the agencies and Government officials). David Easton gives a definition of public policy as follows: "Public policy is the authoritative

allocation of values for the whole society". (Public policy was allocated values are legitimate to all members of the community).

According to Chief J.O (1981) (into: Abdul Wahab, 2005), public policy is a potential action tending to certain aim addressed for a certain problem relates to affect majority communities. According to Nugroho (2008), public policy is a decision created by Country, especially government, as a strategy to realize this country goal related. Public policy is a strategy to deliver community in an early event, join in community at transition period, going towards community desired.

The specific characteristic of public policy is this political decision formulated by what does stated by Easton (into: Agustino, 2006) as "authority" onto political system namely: "the senior, the head of the head, executive, legislative, member of judiciary, administrator, counselor, emperor, and so on. "Then Easton stated that communitites having high integrity onto political system aimed to public policy formulation which is include communitites involve into political system affairs daily and having responsibility on a certain problem where at a certain condition they asked to decide a decision in the next day that is approved and baled the majority of communitites at the certain time".

According to W.I Jenkins (1978:2) in the book entitle Public Analysis stated that:

"Public policy is a set of interrelated decisions are determined by a political actor or group of politics actors with regard to selected destinations, along with ways to achieve it in situations where decisions It's basically still within the limits authority of the power actor".

Based on the opinion explained that public policy is a Government decision that are related to each other by aiming to achieve success a policy surely has Authority-an authority that has a certain boundaries. Some understanding of the experts above about the meaning of public policy can be concluded that: a. Public policy created by Government in the actions form of Government; b. Public policy either to do or

not to do something that has a specific purpose; c. Public policies aimed at the interests of the community.

Thereby according to Edi Soeharto (2004:23) can be concluded that public policy is a decision created or chosen then adopted by a government institution, both dignitary or government institution that is formed guidance or direction for every government apparatus, in order will be able achieve fluency and integration on policy goal achievement in reality, policy is often construed with other terminology such as objectives, programs, decisions, laws, provisions, proposals and grand designs. Public policy often associated with a decision or Ordinance of the Government for doing an act that is considered a good impact will bring to the lives of its citizens. Then with regard to this study can also be mentioned that Non Formal education program is a policy that has been created or selected by the Government of Banjarnegara district to be able to bring change to a better direction to residents who have not been able to continue their formal education during this time.

2. Public Policy Stages

Public policy such as defined by Howlett and Ramesh (1995) had a pattern called the policy cycle can be used to solve the problems of the public, namely: (1) stage of agenda setting, at this stage of the problem identified, (2) stages of policy formulation, it is the stage of drafting a proposal to address the problem, (3) the stage of decision making, are the selection of alternatives to solving problems best, (4) stages of policy implementation, is the stage of the implementation of the policy, and (5) stages of policy evaluation, the assessment phase is the result of policy implementation. Where in this study which will look at is a Non Formal Education policy evaluation of life skills in Banjarnegara district.

3. The Concept And Model Of Public Policy Evaluation

The evaluation is one of important step on public policy process, even though it is frequent neglected and only elapse on implementation way. Evaluation is an activity to assess performance level of a

policy. Public evaluation is implemented to measure the successful and failure of a public policy implementation. According to Muhadjir (into Widodo, 2013:112) stated “public policy evaluation was a process to assess how far a public policy able to “reach an achievement”, by comparing results gotten with goal or target of public policy that is decided.

Evaluation is one of level into public policy process, evaluation is a way to assess what does a policy or this program proceed well or not. Evaluation has various definitions, William N. Dunn, gave a meaning of evaluation word that: “generally the word of evaluation can be equalized with interpreting (appraisal), rating and assessment, the words that state an effort to analyze a policy in the short value meaning. Specifically, evaluation relates to information production about value or benefit of a policy result” (Dunn, 2003:608).

The explanation above illustrate that policy evaluation is a policy result where in fact it has value of result goal or target of policies. In the last term of a public policy process is policy evaluation. According to Lester and Stewart quoted by Leo Agustino into his book entitled *The Basis of Public Policy* that evaluation aimed to explore part of failure of a policy and to learn what does a policy has been formulated and implemented able to deliver result that is desired (into Waluyo, 2007:186). So that, evaluation is implemented because not all of public policy program reach an achievement desired.

According to Arikunto and Cepi Safruddin (Widoyoko, 2013:6) stated that the existence of evaluation results is the existence recommendations of the evaluators for decision making (decision maker) there are four possibilities that policy can be done based on the results of the implementation evaluation programs, namely:

1) Terminate the program, because it is seen that the program is not beneficial, or can't be completed as expected;

2) Revised the program, because there are less parts in accordance with expectations (there is a little mistake);

3) Continued the program, because the program implementation shows that everything is already proceed in accordance with expectations and deliver useful results and;

4) Spread the program (implementing the program elsewhere or replicate it again on the other time program), because these programs worked well, then good if implemented again in another.

Evaluate a program or public policy required the presence of a criterion to measure the program successful or public policy. In assessing a policy that has been executed, to consider some of the indicators, as if in a study saw only one flagellum indicators it can be dangerous. William N. Dunn split into six indicators to assess policy which has been executed and will be adopted by researchers in conducting the evaluation policy of non-formal life skills in Banjarnegara district. The six indicators are:

1. Effectiveness: relates to whether a project or program achieving the results or the expected result or achieve the goal as well as which had been formulated by the project or program.

2. Efficiency: used to answer the question how much of an effort is needed in order to achieve the results and objectives as expected.

3. Adequacy of related questions: how much of a satisfactory level of effectiveness needs, value or the opportunity of the parties involved in the program or project to solve a problem.

4. Equity: the ability to program in reaching out to a variety of different community groups (can be fair).

5. Responsiveness: used to answer the question how far the results of a program can satisfy needs, preference or values of certain community groups.

6. Accuracy of the rationality associated with substantial, for questions about the accuracy or appropriateness of a program does not deal with the individual criteria but one two or more criteria simultaneously.

IV. Result and discussion

The research result relates to policy Evaluation of Non-Formal education aimed to fulfill life propri-

ety in Banjarnegara District based on theory from William Dunn had been explored, there are six indicators evaluation according Dunn that can be created measurement into implementing of evaluation. Those six indicators are Effectiveness, Efficiency, Adequacy, Equality, Responsiveness, and Consistency. Where those evaluations result by applying those six indicators of non-formal education life skill in Banjarnegara District today which is assessed hasn't been succeed implemented, in order it isn't suitable with what does expected.

1. Effectiveness

The evaluation criteria previously according to William N. Dunn stated that it can be said good if this policy should be effectiveness implemented around community's life. This effectiveness relates to what does an object or program reach an achievement or impact that is desired or reach an achievement as well as has been formulated by those program or project. The goal that is expected from Non-Formal Education of Life Skill to give a service for participants in order it will be able to reach as follows:

a. Having the knowledge, skills and attitudes needed to enter the workforce either work independently (self-employment) and/or work in a produc-

tion/service company with an increasingly viable income to fulfill their necessity life;

b. Having a motivation and a high work ethic and able to produce excellent works and be able to compete in the global market;

c. Having a high awareness about the importance of education for themselves or for their family members;

d. Having the same opportunity to obtain education in order to realize the Justice of education in every walk of life.

The results of the first evaluation have been done by current researchers mentioned that according to the informant who successfully interviewed them almost in its entirety States if the non-formal education program is organized by life skills in Banjarnegara District Government through PKBM yet quite effective. Because of the non-formal education program life skills currently are able to achieve the goal as expected earlier. It is still, the pre-prosperous family to the abundance of evidence that these programs have not been effective enough in addressing some of these problems in Banjarnegara district. As indicated by the data in the form of a figure graph 6 below:

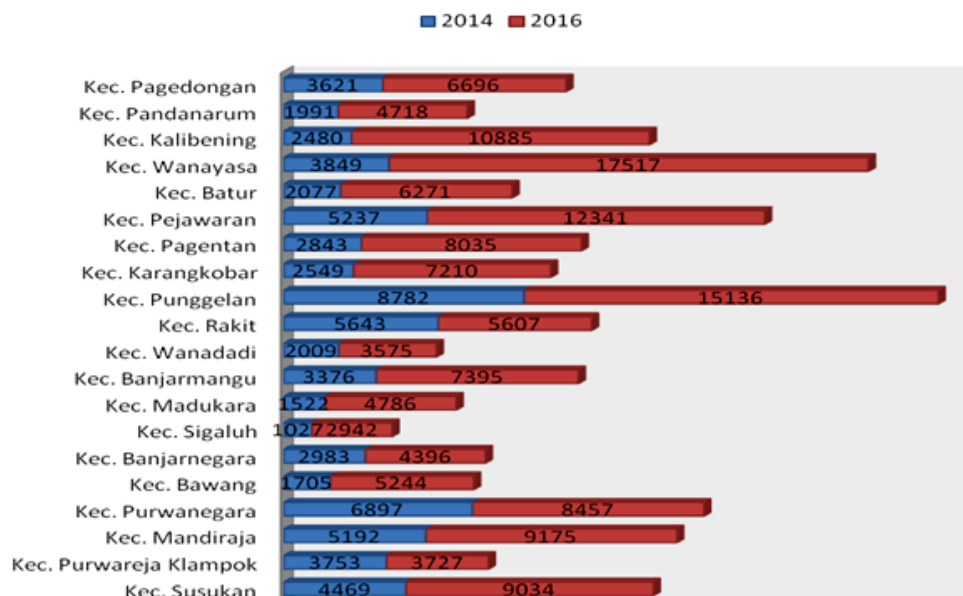

Figure 6. Incapacity Family in Banjarnegara District
 Source: Banjarnegara District in Numeral, 2017

According to figure 6 above it can be explored that the amount of incapacity family in every District hasn't been able formulated totally. Where the total number of incapacity families in 2014 as much 74,019 in 2016 and increased to 155,163 thousand inhabitants residing in incapacity family groups. Where many have family that every pre-prosperous community shown in Wanayasa Sub-district with the amount as much as 17,517 thousand inhabitants, then Punggelan District with the number reaching 15,136 inhabitants, and the third is a Kalibening District village with a population of 10,885 thousand residents in family groups pre-prosperous in 2016. This strengthens the researcher that currently the non-formal education life skills have not been in accordance with what is expected.

2. Efficiency

The second evaluation criteria according to William N. Dunn stated that it can be stated good if a policy should be efficient implemented around communities life. This efficiency is implemented to observe how much an effort from government to be needed for reaching an achievement and goal which is desired.

The results of the second evaluation has been done by researchers at the time were in the field can note that currently the non-formal education program life skills has not been sufficiently efficient. It is based on the results of the informant assessment at the time in interviewed by investigators and some pictures taken at the time of the interview in some Activity Center Learning Community.

The lack of conformity between the theories presented by Dunn with the practice at the time in the field of non-formal education policy program life skills many encountered problems. Dunn in his theory that the policy can be said to be efficient when many of the efforts undertaken by the Government to achieve the goals that have been set previously. Those are current Government Banjarnegara district and agency officials of Activity Center Learning Community yet many do attempt to achieve results as had been previously expected because the program has not been much welfare for learners have been following Activity Center Learning Community or society in General. As evidenced by the large number of poverty that still occur in Banjarnegara district, as can be seen on the data in the form of a Figure Chart 7 below.

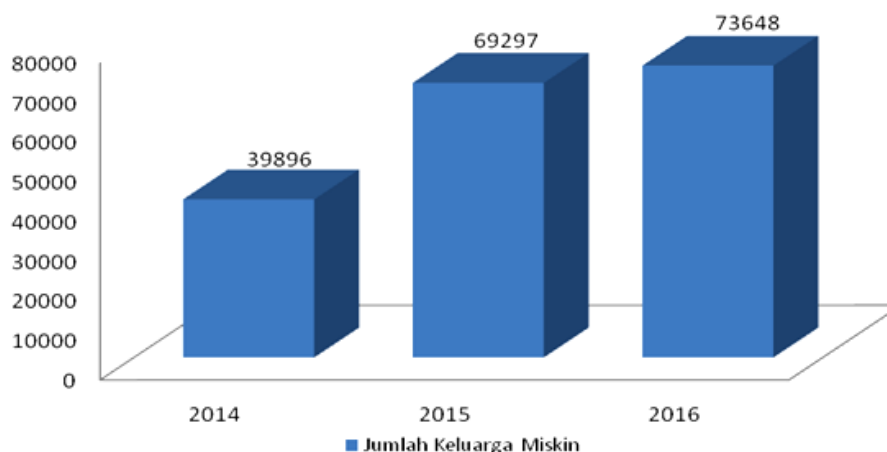

Figure 7. The Amount of Poor Families in Banjarnegara District

Source: Banjarnegara District in Numeral, 2017

Based on Figure 7 classifies that the number of poor families in Banjarnegara district during the period of 2014–2016 are always increasing. Where in 2014 the number of poor families in Banjarnegara

district is as much as 39,896 thousand inhabitants, later in 2015 had elevated into 69,297-thousand residents. From these data it can be noted that during the period of 2014–2015 an increase in the

poor population by as much as 29,401 thousand inhabitants. And in 2016 the population of poor in Banjarnegara district again increased to 73,648 thousand inhabitants. During the period of 2015–2016 in which an increase in the number of poor population as much as 4,351 thousands who are in poverty line in Banjarnegara district.

Those are still need a lot of work done by the Government through Banjarnegara District Office of education youth and sports of the non-formal education purposes in order for life skills can be achieved and sustained in the community.

3. Adequacy

The third evaluation criteria according to William N. Dunn stated that if it can be said the policy should be enough can satisfy the various parties involved are to be carried out in the middle of the community. Sufficiency relates to how far a satisfactory level of

effectiveness needs, value or the opportunity of the parties involved in the program or project to solve a problem.

The results of the evaluation to the three that have been carried out by researchers at the time were in the field can note that currently the non formal education program life skills not enough can satisfy society and informants that exist in this research. Some of the things that cause the emergence of community discontent against the non-formal education program life skills is the large number of infrastructure away from a sense of comfort and healthy at every potluck Community Learning Centre, still are independency at home citizens, many educators or teachers or mentors or suitably certified false, and also help the less current funding for the institutions of The Community And Learning Activities Center in Banjarnegara district.

Figure 8. The Condition of Community And Learning Activities Namely Ngudi Luhur In Pagentan District Banjarnegara Region

Source: Research Document, 2017

There is no synchronization between the theories presented by Dunn with the results of research conducted by researchers making the life skills education program in Banjarnegara district not enough can satisfy those communities and his protege par-

ticipant today. Where in theory the Dunn stated that program policy can be said being successful if it can give the satisfaction of needs for many parties. Non-formal education programs and life skills in giving Banjarnegara district has yet to be satisfied to the

community and this protege participant due to the still much complaints expressed by informants at the time interviewed by researchers infrastructure related to the classroom or learning process which is still far from decent words, educators, and funding assistance is less than the current Government. As can be seen in Figure 8 below.

4. Equality

The fourth evaluation criteria according to William N. Dunn stated that if it can be said the policy should simply be evenly spread out in the middle of the community. Equitable relates to the ability of programs in reaching out to a variety of different community groups (can be fair). The results of the evaluation to the four that have been carried out by researchers at the time were in the field can note that currently the non-formal education program life skills are already fairly evenly can be enjoyed by all ages at a cost that is affordable. According to the informant of the non formal education program life skills across agency of Community Learning Center destined for all the types of ages from children, adults, and the elderly. This is done so that parents who do not already have a diploma equivalence with the elementary, Junior High or Senior High School can reach program Packages A, B, C or C Students. And also other vocational programs can follow in order to change the social life and the economy of their families, or pass it on to their kids who want to be skilled in terms of tailoring, hairdressing, computers or food department, computer or automotive skill by affordable cost and not aggravating their present course or educational equality program Packages A, B, C or C Students in Community learning Activity Center around their current residence.

The existence of harmony between the theories presented by Dunn with the results of research conducted by researchers making the life skills education program in Banjarnegara district, according to the informants is already evenly can be followed all ages from children, adults and the elderly, and also the costs incurred by the learners per package edu-

cational programs are very affordable so as not to burden the learners currently in Banjarnegara district. Where in theory the Dunn stated that program policy can be said being successful if it can reach a range of community groups. And non- formal education policy has been able to reach out to various groups of people from the age of the children, adults and the elderly in Banjarnegara district.

5. Responsiveness

The five evaluation criteria according to William n. Dunn stated that good can be said when such policies get a good response at the time was carried out in the middle of the community. Responsiveness: applied to see how far the results of a program can satisfy needs, preference or values of certain community groups.

The results of the evaluation has been done by researchers at the time were in the field can note that currently the non formal education program life skills haven't quite gotten a good response from the public and there are informants in this study. This is due to the quality of non-formal education and the quality of life skills has not been in accordance with the standards of the Ministry of education has been established in the regulations a regulatory policy. The quality and the quality of education is still low cause society reluctant to get into the institutions of the Community and learning activities Center around their current residence. Longer institution activity center learning society is now tangible evidence that non-formal education life skill is far from getting a positive response, so that the public will think twice to get to the center of the activities of learning society such.

Yet the existence of harmony or synchronized between the theories presented by Dunn with the practice in the field of non formal education program makes life skills haven't gotten a good response from the public. In theory the Dunn stated that program policy can be said to be successful if for a good response from the public. Non formal education policy and life skill in Banjarnegara District is currently rated by the informant has not been enough to be

accepted by the community. Where it is proven by being longer in some existing Community Learning Centre in Banjarnegara District in the region because

of the quality and the quality is still low. As shown by Figure 9 below.

Figure 9. The Condition of Community Activity Organization Namely Handayani Which Is Look Quite of Course Activity

Source: *Research Document*, 2017

6. Consistency

Evaluation criteria that sixth according to William N. Dunn stated that good can be said when the policy is right on target at the time was carried out in the middle of the community. Consistency relates to rationality, for substantive to see the accuracy or the appropriateness of a program does not deal with the individual criteria but one two or more criteria simultaneously.

The results of the evaluation to the six that have been carried out by researchers at the time were in the field can note that currently the non-formal education program life skills according to the currently existing societies and informants in this study have not been right on target. This is because in reality the non-formal education program life skills that destined for the community cannot afford, and children are dropping out of school are also followed by most of the community is capable. Thus the policy of non-formal education program life skills aimed

at combating poverty, unemployment and as a container for the children who dropped out of school does not run in accordance with the appropriate. Because of the community that is able to also enjoy the policy of non formal education program life skills. so these things make it difficult for the Government in Banjarnegara district can reduce unemployment, poverty, family and child pre-prosperous dropouts which currently always goes up every year.

The lack of synergy between the theories presented by Dunn with the practice in the field make this program became yet right on target. Where in theory the Dunn stated that policy program will successfully implemented in the program policy has been right on target at the time was carried out in the midst of today's society. And in fact the non formal education program life skills in Banjarnegara district has yet to be reserved for classes who are unable, because of the capable also enjoyed it so it makes the District Government Banjarnegara difficult lowering poverty,

unemployment, and the son dropped out of school by using the non formal education program life skills are implemented through Community Learning Activity Centre spread throughout the region Sub District which is in Banjarnegara district at this time.

V. Conclusion and recommendation

The research that has been done shows that currently the six indicator evaluation policy of William N. Dunn used in research there are five indicators that do not comply with its implementation and one indicator has been appropriate. Those five indicator evaluation policy that is not in accordance with the practice in the field is an indicator of the effective, efficient, adequacy, responsiveness, and precision. While the one of indicator of evaluation policy in accordance with the practice was adequacy. Although this policy is already evenly can be enjoyed by all ages of children, adults and the elderly, but not yet quite effective and efficient, yet able to give satisfaction, so that is not a good response from the local community, because this policy has not been right on target.

The Government can make improvements to the implementation of life skills education program in Banjarnegara district with some input from the community. Where the current society wants to non formal education policy life skills can really help them.

Lift them out of poverty, into a prosperous family, and actually becomes the container for the children who dropped out of school.

The repair effort that needs to be done over a range of conditions the results of the evaluation of life skills education policy in Banjarnegara district, among others: the facility and infrastructure classroom as well as improved to make it more comfortable and healthy for learners who following courses at the Learning Activity Centre institution, replacing Teachers suitably fake with original or suitably teachers and competent in his field, Performing Accreditation to all Learning Activity Centre done by BAN-PNF, conducts mentoring, coaching, and development for learners who have graduated, maximize power to achieve program and strategies have been formulated previously, acting or direction of more being active, creative, and innovative. For example: do the promotion and dissemination to the communities closest to Learning Activity Centre, improving the quality and the quality of the institutions existing in Learning Activity Centre at every region. Banjarnegara and all of the above recommendations need to be optimized in order that the level of compliance with the policies that have been set by the Government be high.

References:

1. Abdul Wahab, Solichin. Pengantar Analisis Kebijakan Negara. Jakarta: Rineka Cipta – 1990.
2. Abdul Wahab, Solichin. Evaluasi Kebijakan Publik, Penerbit: FIA. UNIBRAW dan IKIP Malang.– 1997.
3. Abdul Wahab, Solichin. Analisis Kebijakan: Dari Formulasike mplementasi Kebijakan Negara, Jakarta: Bumi Aksara.– 2004.
4. Abidin Said Zainal. Kebijakan Publik. Jakarta: Yayasan Pancur Siwah.– 2004.
5. Agustino Leo. Dasar-Dasar Kebijakan Publik. Bandung: CV. Alfabeta – 2006.
6. Anderson James E. Public Policy Making: An Introduction, Boston: Houghton Mifflin Company.– 1998.
7. Arikunto Suharsimi. Prosedur Penelitian Suatu Pendekatan Praktek. Jakarta: Rineka Cipta.– 2002.
8. Arikunto Suharsimi dan Jabar, Cepi Safruddin Abdul, Evaluasi Program Pendidikan, Jakarta: Bumi Aksara.– 2004.
9. Miles B. Matthew and Huberman A. Michael, Saldana. Qualitative Data Analysis, Third Edition, Copyright SAGE Publications – 2014.
10. Burhan. Analisis Data Penelitian Kualitatif (Pemahaman Filosofis dan Metodologis ke Arah Penguasaan Model Aplikasi). PT. RAJAGRAFINDO PERSADA: Jakarta.– 2003.

11. Brinkerhoff R. O. et al. Program Evaluation: A Practitioner's Guide for Trainers and Educators. Fourth Printing. Massachusetts: Kluwer-Nijhoff Publishing.– 1986.
12. Carl Patton, David Sawicki, Jennifer Clark. Basic Methods of Policy Analysis and Planning, Penerbit: Routledge.– 2015.
13. Cronbach L.J. Course Improvement Through Evaluation, dalam Educational Evaluation: Theory and Practice. California, Belmont: Wadworth Publishing. Co.– 1963.
14. Dye Thomas R. Understanding Public Policy. Prentice-Hall.– 1981.
15. Dye Thomas R. Understanding Public Policy, Eleventh Edition, New Jersey: Pearson Prentice Hall.– 2005.
16. Danim Sudarwan. Pengantar studi penelitian kebijakan, Jakarta: Bumi Aksara – 2000.
17. Dunn William N. Pengantar Analisis Kebijakan Publik, Gajah Mada University Press: Yogyakarta.– 2003.
18. Hamidi. Metode Penelitian Kualitatif (Aplikasi Praktis Pembuatan Proposal dan Laporan Penelitian). UMM Press: Malang.– 2004.
19. Hadari Nawawi. Metode Penelitian Bidang Sosial. Yogyakarta: Gajah Mada University Press.– 1990.
20. Islamy M. Irfan. Prinsip-prinsip Perumusan Kebijaksanaan Negara. PT. Bina Aksara. Bandung – 2001.
21. Islamy M. Irfan. Prinsip-prinsip Kebijakan Negara, Penerbit: Bumi Aksara, Jakarta – 2001.
22. Suharto Edi. Analisis Kebijakan Publik, Bandung: Alfabeta.– 2005.
23. James P. Lester dan Joseph Stewart. Public Policy: An Evolutionary Approach, Australia: Wadsworth, second edition – 2000.
24. James E. Anderson. “Public Policy Making”, Holt, Rinchard & Winston, New York – 1979.
25. Kamus Besar Bahasa Indonesia, Departemen Pendidikan dan Kebudayaan.– 1997. Balai Pustaka, Jakarta.
26. Mitchell J. M. dan Mitchel W. C. Analisis Kebijakan Publik: Suatu Pengantar, Jurnal Ilmu Politik 3, Jakarta: Gramedia.– 1993.
27. Moleong Lexy J. Metodologi Penelitian Kualitatif, Cetakan X. PT Remaja Rosdakarya, Bandung – 1999.
28. Nigro Felix A., Nigro G. Lloyd. Modern Public Administration, Harper and Row, Publisher: New York.– 1980.
29. Nugroho Riant. “Kebijakan Publik, Formulasi, Implementasi dan Evaluasi, Jakarta: PT Gramedia”.– 2004.
30. Nugroho Riant.– 2006. Kebijakan Publik untuk Negara-Negara Berkembang (Model-model Perumusan Implementasi dan Evaluasi). PT. Elex Media Komputindo: Jakarta – 2008. Public Policy. PT. Elex Media Komputindo: Jakarta.
31. Nurcholis Hanif. Teori dan Praktik Pemerintahan dan Otonomi Daerah. PT. Gramedia Widiasarana Indonesia: Jakarta.– 2007.
32. Fadillah Putra. Paradigma Kritis Dalam Studi Kebijakan publik. Pustaka Pelajar. Yogyakarta.– 2003.
33. Jones O., Charles. An Introduction to the Study of Public Policy,(Belmont, CA: Wadsworth).– 1970.
34. Purwo Santoso. Analisis Kebijakan Publik (Modul Pembelajaran). Yogyakarta.– 2010.
35. Parson Wayne. Public Policy, Edward Elgar Publishing, Ltd. Jakarta: Prenada Media – 2005.
36. Quade E. S. Analisis for Public Decision, Penerbit: Nort Holland, New York.– 1984.
37. Robert Eyeston. The Treads of Policy: A study in leadership”Indianapolis.– 1997.
38. Rogers E. M., & Shoemaker F. F. Communication of innovations: A cross-cultural approach (2nd ed. of Diffusion of innovations). New York: Free Press.– 1971.
39. Soenarko S. D. H. Publik Policy, Pengertian Pokok untuk Memahami dan Menganalisa Kebijakan Publik. Surabaya: Airlangga University Press.– 2003.

40. Stufflebeam Daniel L. Educational Evaluation and Decision Making. Itasca, Illinois: F.E. Peacock Publisher, Inc.– 1971.
41. Subarsono Ab. “Analisis Kebijakan Publik; Konsep, Teori dan Aplikasi, Yogyakarta: Pustaka Pelajar.– 2005.
42. Sugiyono. Model Penelitian Evaluasi (Evaluasi Dampak Program) Jurusan Ilmu Administrasi Negara. Fisipol. UGM Yogyakarta – 1992.
43. Sugiyono. Metode Penelitian Kuantitatif Kualitatif dan R&D. Alfabeta. Bandung.– 2006.
44. Sugiyono. Metode Penelitian Administrasi. Bandung: Alfabeta.– 2006.
45. Sugiyono. Memahami Penelitian Kualitatif, Bandung, Alfabeta.– 2008.
46. Suharto, Edi. Kebijakan Publik dan otonomi Pendidikan. Ghalia Indonesia, Jakarta.– 2005.
47. Sutopo. Metodologi Penelitian Kualitatif, Surakarta, Sebelas Maret University Press.– 2002.
48. Tangkilisan Hesel Nogi. Implementasi Kebijakan Publik (Konsep, strategi dan Kasus). Lukman Offset YPAPI: Yogyakarta.– 2003.
49. Kebijakan Publik Yang Membumi. Lukman Offset YPAPI: Yogyakarta.– 2003.
50. Tayibnapi Farida Yusuf. Evaluasi Program, Jakarta: Rineka Cipta.– 2000.
51. Thoha Miftah, Ilmu Administrasi Negara. Jakarta: Rajawali Press, cet. Ke VIII.– 2003.
52. Wibawa, Samudra, dkk. Evaluasi Kebijakan Publik, PT. Raja Grafindo Persada, Jakarta.– 1994.
53. Widoyoko S. Eko Putro. Evaluasi program pembelajaran: panduan praktis bagi pendidik dan calon pendidik, Publisher: Yogyakarta: Pustaka Pelajar.– 2013.
54. Winarno Budi. Teori dan Proses Kebijakan Publik, Yogyakarta: Media Press.– 2005.

Section 2. Art

*Konvaliuk Uliana Volodymyrivna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
Ivano-Frankivsk (Ukraine), postgraduate student,
E-mail: konvalyk36@gmail.com*

SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT OF BUKOVYNA AS A DEVELOPMENT FACTOR OF UKRAINIAN POP SONGS ART OF 60S-90S OF THE 20TH CENTURY

Abstract: In this article, we investigate social and cultural environment of Bukovyna as a development factor of Ukrainian pop songs of 60s-90s of the 20th century. It is considered to be a systemic phenomenon that unites culture; different forms and products of spiritual, esthetic and intellectual (first of all artistic) human activity (literature, music, art, theatre, cinema and so on); society (institutions and some individuals); mass media which guarantee a permanent cyclic dynamics. Unification of different cultures and nationalities of Bukovyna has produced a significant result. A certain social and cultural environment, created in this region in 1960s-1990s, was favorable to the appearance of the Ukrainian pop singers and composers generation who have created hundreds of pop song masterpieces, popular not just in Ukraine but abroad as well. The song “Chervona ruta”, written by V. Ivasyuk, was the beginning of the Ukrainian pop songs in the seventieth and has become a song emblem of the First Ukrainian Musical Festival (1989). The mentioned festival was an awaking of the Ukrainian democracy and a new page of the Ukrainian pop songs epoch.

Keywords: social and cultural environment, Ukrainian pop songs, pop singers, Bukovyna.

*Конвалюк Уляна Владимировна,
Прикарпатский национальный университет имени Василия
Стефаника, г. Ивано-Франковск (Украина), аспирант
E-mail: konvalyk36@gmail.com*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА БУКОВИНЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ПЕСЕННОЙ ЭСТРАДЫ 60–90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Аннотация: В статье рассмотрена социокультурная среда Буковины как фактор развития украинской песенной эстрады 60–90-х годов XX века, как системное явление, соединяющее собственно культуру; разные формы и продукты духовной, эстетической и интеллектуальной (прежде всего художественной) деятельности человека (литература, музыка, искусство, театр,

кино и др.); социум (институты и отдельные личности); средства массовой коммуникации, обеспечивающие ему постоянную циклическую динамику. Синтез разных культур и национальностей Буковины дал весомый результат. Созданная здесь в 1960–1990-е годы социокультурная среда содействовала появлению когорты украинских эстрадных певцов и композиторов, создавших сотни эстрадных песенных шедевров, популярных не только в Украине, но и далеко за ее пределами. Песня В. Ивасюка «Червона рута», знаменовавшая начало украинской эстрады в 1970-е годы, стала песенной эмблемой Первого украинского музыкального фестиваля (1989), открывшего весну украинской демократии, новую страницу украинской песенной эстрады.

Ключевые слова: социокультурная среда, украинские популярные песни, популярные певцы, Буковина.

Эстрадология, как новое современное направление в искусствоведении Украины, актуализирует изучение становления и развития украинской песенной эстрады во второй половине XX века. Эстрада, как и любой другой вид искусства, может полноценно функционировать в социокультурной среде. Разная трактовка этого феномена подана в трудах зарубежных (Д. Дики [13], А. Моль [10]) и украинских (Е. Кавуннык [3], С. Лытвын-Киндратюк [8], В. Мельник и А. Яртысь [6]) ученых. Цель статьи – уточнить терминологию поднятой проблемы; на примере Буковины, как одного из важных регионов в создании современной украинской эстрады, проанализировать социокультурную среду Буковины как фактор развития песенной эстрады 1960–1990-х годов. Источниками для исследования послужили научно-популярные издания М. Поплавского [12], М. Масля [9], И. Лепши [7], Н. Бакая [1], Я. Кибич [4], справочные издания [2; 11].

Социокультурная среда, имеющая основное формообразующее влияние на личность, не имеет точной научной трактовки. Е. Кавуннык пишет, что «среду» как место пребывания, нахождения, проживания человека обозначает такая детализация: «культурная», «пространственная», «предметная», «окружающая». <...> Искусствоведы же дают и такую конкретизацию: «звуковая», «литературная» [3, 30]. Исходя из ряда традиционных аспектов существования определений

среды, автор предлагает следующую типологию среды: «локально-территориальная (сельская, городская); регионально-территориальная (львовская, польская, т.п.); среда культуры и искусства (культурная, музыкальная, литературная, искусства); профессионально-специализированная (научная, образования, медицинская и т.п.); историко-политическая» [3, 30]. Исследователи подчеркивают, что «культура была и остается средой, в которой осуществляется развитие, совершенствование одухотворения человека, социализация человеческой личности, то есть привлечение индивида к системе ценностей, которые значимы для определенного общества, нации, человечества. Человек является творением культуры и одновременно ее творцом. Накопление культуры – это продвижение человека на пути к Истине, Добру и Красоте» [6, 13–14]. То есть, формирование и развитие личности осуществляется в среде, которая обозначена как культурная. *Культурную среду* толкуют как «широкое понятие, характеризующее всю совокупность присущих данному обществу культурных ценностей, обычаев и привычек, которые необходимо учитывать при разработке проекта для того, чтобы обеспечить его поддержку со стороны населения и общественного мнения страны» [5]. Более узкое понятие *музыкальная среда* понимают как «совокупность всех музыкальных аспектов культуры города (села, региона), которая формируется благодаря деятельности музыкантов-профессионалов и любителей,

представителей академической и традиционной музыкальной культуры» [3, 40].

Структура среды культуры и искусства предложена в институциональной теории американского философа Джорджа Дики. В книге «Круг искусства: теория искусства» ученый определяет его как совокупность пяти основных принципов: 1) художник – это индивид, который сознательно участвует в создании произведения искусства; 2) произведение искусства – это артефакт, созданный для того, чтобы быть предоставленным публике мира искусства; 3) публика – это группа индивидов, готовых понять предоставленный им объект; 4) мир искусства – это общность всех систем мира искусства; 5) система мира искусства – это границы для представления художником произведения искусства публике из мира искусства [13].

Детальная разработка отдельных компонентов среды культуры и искусства содержится в книге Абраама Моля «Социодинамика культуры» [10]. Автор анализирует особенности структурирования современной культурной среды в условиях значительного влияния средств массовой коммуникации, в частности факторы формального и неформального структурирования среды культуры и искусства (наличие картинных галерей, студий, издательств, творческих центров, школ и др.). Одна из основных идей книги – это положение о динамике циклов коммуникации культуры и отдельных ее элементов (каналов) и разработка на этой основе их социокультурных схем-контуров. Среда культуры и искусства, как считает С. Литвин-Киндратюк, выступает компонентом макросреды культуры, тесно связанного со средствами массовой коммуникации. Это обеспечивает ей постоянную циклическую динамику [8, 65]. Среда культуры и искусства выступает также как структурированная группа людей, объединенных одной общей идеей, которая направлена на улучшение материальных и нематериальных, духовных ценностей личности, нации, общества. Одним из средств для достижения этой идеи-цели являются

образцы искусства. Представителями этих произведений искусства являются отдельные личности, сформировавшие свое мировоззрение в кругу деятелей искусства, поделаяющие их идеи.

Проанализировав выше изложенные формулировки, приходим к заключению, что **социокультурная среда**, на наш взгляд, это системное явление, соединяющее собственно культуру; разные формы и продукты духовной, эстетической и интеллектуальной (прежде всего художественной) деятельности человека (литература, музыка, искусство, театр, кино и др.); социум (институты и отдельные личности); средства массовой коммуникации, обеспечивающие ему постоянную циклическую динамику.

Взяв за основу такое понимание социокультурной среды, рассмотрим ее на примере одного из регионов Украины, сыгравшего важную роль в становлении и развитии песенной эстрады второй половины XX века. Буковина – полиэтничный регион Украины, музыкальную культуру которого в течении трех последних веков рядом с украинцами создавали румыны, евреи, австрийцы, немцы, поляки и представители других народов. Буковина 60–90-х годов прошлого века стала в своем роде источником певческих талантов, создавших своим творчеством основу современной украинской эстрады. Известный украинский композитор, певец, народный артист Украины Николай Мозговой так объяснил буковинский феномен, свидетельствующий о том, что каждый второй популярный украинский певец является уроженцем этих мест: «На Буковине переплелись самые различные культуры. Однако в Черновицах не было революционного движения, коммунистического, бандеровского тоже. Там жили деятели искусства и коммерсанты. Первые музыкальные школы после войны открывали в Черновицкой области мой Отец и его одноклассники. С трех-четырёх лет помню, как Степан Сабадаш, покойный Румянцев (директор Черновицкого музыкального училища), мой Отец, Дмитрий Гнатюк

обучали сольфеджио, истории музыки. С детства я рос в их окружении, слушал фронтовые, украинские песни. Никто детей не делил на москалей, жидов, мадьяров, молдован. Преимущество Буковины в том, что там и сегодня нет радикальных явлений в политике, тем более в искусстве. Тогда все рвались к участию в школьных олимпиадах, которые рождали и подносили художественную самодеятельность. С нее вышли и Соня Ротару, и Лиля Сандулеса, и я – уроженцы одного района» [9, кн. 2, 96]. Народная артистка Украины Лиля Сандулеса тоже имеет свою версию буковинского феномена: «Чудесная природа, сохраненные традиции, переплетение разных культур и национальностей, дружба и оптимизм нашего края всегда содействовали этому. И не удивительно, что каждый второй популярный украинский певец – буковинец» [9, кн. 2, 244]. Заслуженная артистка Украины Аурика Ротару тоже подчеркивает уникальность края: «Буковина всегда была кузницей талантов, и их у нас было всегда много. Сама природа подталкивает к пению. А многонациональность нашего края вносит свой колорит и свою многокрасочность» [9, кн. 2, 217]. Заслуженный артист Российской Федерации Александр Серов вспоминает Буковину, где работал музыкальным руководителем ВИА «Черемош»: «Черновицы – украинский Париж – первый город запада Украины, где начинал в 1978-м. Люди там очень добрые <...> Черновицы вспоминаю только хорошо, хотя оттуда и шел, и возвращался назад» [9, кн. 2, 265].

На Буковине родились и развивали свой талант такие корифеи украинской эстрады как Герои Украины Дмитрий Гнатюк (начинал свой творческий путь актером Черновицкого муздрамтеатра, а песня «Черемшина» буковинских авторов В. Михайлюка на слова М. Юрийчука в его исполнении облетела весь мир; в его репертуаре были песни еще одного буковинского композитора, заслуженного деятеля искусств Украины Степана Сабадаша – «Маричка», «Очи волошкови»,

«Писня з полоньны»), София Ротару, народные артисты Украины Иво Бобул, Лидия Видаш, Павло Дворский, Лиля Сандулеса, Назарий Яремчук, заслуженный деятель искусств Украины Валерий Громцев, заслуженные артисты Украины Иван Дерда, Аурелия и Лидия Ротару, певица Светлана Кобевко. В пригороде Черновиц родился легендарный продюсер Пинхас Фалик. В Черновицах начинал свой творческий путь всемирноизвестный оперный певец Василий Герелло. С Буковиной тесно связана творческая жизнь народного артиста Украины, лауреата Национальной премии Украины имени Тараса Шевченко Василия Зинкевича. Он закончил Выжницкое училище прикладного искусства (1968), был художественным руководителем народного самодеятельного ансамбля «Смеричка» (г. Выжница), в 1973–1975 гг. – солистом этого коллектива как профессионального при Черновицкой филармонии.

В одном интервью София Ротару говорила: «Любовь к родному краю <...> для мене не только чувство Родины. Это и источник моего творчества, которое наполняет сердце и душу особенной энергией. Буковина – это мой родной дом, здесь живут те люди, которые меня воспитали, дали все то, чего я достигла. Я благодарна и своим родителям, своим учителям, и друзьям, которых у мене много на берегах Черемоша и Прута» [7, 32]. Мы считаем, что с этими словами могут солидаризоваться многие эстрадные певцы, чей творческий путь начинался на Буковине.

Для полноценного функционирования социокультурной среды указанного периода была необходима музыкальная инфраструктура (учебные заведения, учреждения культуры (дома культуры, филармония), средства коммуникации (радио, телевиденье), и основное – творческие личности (композиторы – творцы песен, поэты – авторы литературных текстов, менеджеры, звукорежиссеры, дизайнеры одежды и др.).

Социокультурная среда Буковины формировалась не только в областном центре (Черновицы),

но и в районных городах (Новоселица, Выжница). Так, на районном смотре школьной художественной самодеятельности в Новоселице успешно выступила девятиклассница из с. Маршинцы София Ротару. Жури рекомендовало ее для участия в областном смотре, а народный артист СССР Д. Гнатюк тогда сказал своим землякам: «Это ваша будущая знаменитость. Запомните мои слова» [7, 32]. В Выжницком Доме культуры была создана легендарная «Смеричка» (1967), здесь начали свое творческое восхождение творческие личности – супруги Лев и Алла Дуткивские. Как пишет М. Поплавский, «Вижница стала небольшой Меккой – со всей округи молодежь съезжалась потанцевать почти запрещенные тогда твист, шейк, рок-н-ролл. Группа «без названия» становилась популярной под неудовлетворенное нареkanie местных чиновников, а ее руководитель Дуткивский уже создавал для коллектива новую программу из собственных произведений, где слились в одно целое и народные гуцульские мотивы, и западный драйв – меньше чем через десять лет это назовут «революцией в советском эстрадном творчестве». А революцию эту в СССР в начале 70-х совершают Владимир Ивасюк и София Ротару – птенцы гнезда Льва Дуткивского» [12, 8]. В. Зинкевич как-то говорил, что «все мы закончили вижницкую консерваторию Льва Дуткивского» [12, 12].

Учебными заведениями, в которых получали свое профессиональное образование будущие деятели музыкальной культуры, были Черновецкое музыкальное училище им. С. Воробкевича (здесь обучались эстрадные певцы И. Бобул, Л. Видаш, С. Кобевко, Н. Мозговой, С. Ротару, А. Ротару, композиторы В. Громцев, В. Ивасюк, С. Сабадаш, режисер О. Савчук), Черновицкое училище культуры (здесь обучались В. Герелло, Л. Сандулеса). Продолжительное время (1952–1965) музыкальное училище возглавлял пианист, хормейстер, педагог Леонид Румянцев. Его воспитанниками были певцы, народные артисты Украины Д. Гнатюк,

П. Ончул, С. Ротару, Л. Видаш. В училище в эти годы продуктивно работал эстрадный ансамбль.

Важную роль в профессионализации эстрадного исполнительства сыграли детские музыкальные школы (ДМШ), открытые на Буковине во второй половине XX ст. Надо отметить, что продолжительное время Черновицкую ДМШ № 1 возглавлял известный скрипач, народный артист Украины Георгий Гина. Он работал преподавателем музыкального училища, художественным руководителем и дирижером камерного оркестра областной филармонии. В этой школе училась певица С. Кобевко. В ДМШ в Кельменцах обучался П. Дворский [1, 17–18].

Важную роль в развитии украинской эстрады сыграли Дома культуры. В Черновицах такие учреждения работали при различных институциях, в том числе: Дом офицеров (здесь играл выпускник Черновицкого культпросветучилища, сегодня – известный аккордеонист, народный артист Украины Ян Табачник. Он был аккомпаниатором для начинающих певиц, в том числе Л. Видаш), ДК текстильщиков (здесь работал ВИА «Карпаты» под руководством Валерия Громцева (1968–1974). Известными были ДК в Выжнице (здесь был создан ВИА «Смеричка» в 1966 г.), Кельменцах (здесь работал первый эстрадный оркестр на Буковине, в котором играл П. Дворский [1, 18].

Составляющей социокультурной среды были творческие коллективы высших учебных заведений. Так, в Черновицком университете в 1960-е годы работал эстрадно-молодежный оркестр «Карпаты», в котором играл на трубе Анатолий Евдокименко и начинала петь студентка музучилища София Ротару, ставшая вскоре его женой. Анатолий был всем: «продюссером, режисером, первым критиком и первым советчиком, охранником, директором» [9, кн. 3, 281].

Ян Табачник, побывавший во многих станах мира, вспоминает еще одну составляющую социокультурной среды Черновиц – «музыкальную биржу». В 1960–1970-е годы на центральной

площади города при любой погоде в обед «собиралась шумная компания музыкантов разного возраста, разных вкусов и национальностей. <...> Каждый из музыкантов, приходящих на «биржу», имел свою команду. Если кому-то были нужны музыканты на свадьбу, на какое-то празднование, то найти их можно было именно здесь. <...> Это историческое место, где собирались большие музыканты города. <...> Лучшие коллективы, которые были в этой стране, украшали музыканты с Буковины. Биржа была самым высшим худсоветом» [9, кн. 2, 303–305].

Центральное место в инфраструктуре социокультурной среды занимала филармония. Концертный зал украинского музыкального общества, открытый в Черновицах в 1877-м году, в 1940-м преобразовался в Черновицкую областную филармонию [11, 8–9]. Высокий уровень ее профессиональной деятельности обеспечивали директора: И. Фердман, В. Лещов, М. Лемешко, Б. Крыжанивский, М. Николаев, А. Каренин, М. Костинский, Б. Кириенко, В. Будневич, Л. Царькова, В. Дзюба, Г. Клымчук, П. Коваленко, Э. Бондарев, В. Старшинов, В. Кошман, П. Казимирчук; заместители: П. Фалик-Рейфер, М. Поморянский, Р. Софьяник, В. Калинин; художественные руководители: В. Лещов, Я. Геккер, М. Николаев, А. Серебри, П. Емец, В. Ломанец, заслуженные артисты Украины Виктор Будневич, Анатолий Сорокоумов, режиссер-постановщик и художественный руководитель Остап Савчук). Благодаря Игнату Климчуку, возглавлявшему филармонию в 1959–1975 гг., был основательно пересмотрен ее творческий состав. Директор пригласил на должность лекторов известных преподавателей университета О. Пулинца и А. Добрянского, на должность художественного руководителя – А. Сорокоумова. Творческий состав филармонии пополнился молодыми специалистами с высшим образованием – выпускниками Киевской, Львовской и Одесской консерваторий. Среди них были широко известные сегодня

в стране певцы, заслуженная артистка Украины Нина Каплиенко, профессор Краковской музыкальной академии (Польша) Семен Шкурган. На должность художественного руководителя Буковинского ансамбля песни и пляски пригласили выпускника Львовской консерватории Андрея Кушниренко. Благодаря инициативе директора в творческий коллектив филармонии пришли молодые талантливые певцы и композиторы С. Ротару, В. Ивасюк, Л. Дуткивский, Н. Яремчук, В. Зинкевич. При непосредственном участии Г. Климчука состоялось становление ВИА «Червона рута», «Черемош», «Смеричка» [2, 124].

Эстрадным гуру Черновиц продолжительное время был Пинхас Фалик-Рейфер. В течении трех десятилетий он был заместителем директора филармонии, «талантливым организатором и легендарным продюсером XX века, одним из тех, без кого эстрада вообще не может существовать. Неугомонный и неутомимый Пинхас Абрамович Фалик навсегда вошел в историю национального искусства как предусмотрительный и далекосмотрящий импресарио мирового уровня. Он действительно был менеджером от Бога» [9, кн. 2, 331]. Благодаря его организаторским способностям и продуманной стратегии развития Черновицкая филармония по кассовым сборам удерживала первенство (!) в Советском Союзе [9, кн. 3, 284]. Своими первыми шагами на эстрадный олимп ему обязаны такие буковинские самородки, как: С. Ротару, Н. Яремчук, В. Зинкевич, ВИА «Смеричка» и «Червона рута». П. Фалик не только рассмотрел их талант, но и помог сделать первые шаги на профессиональной сцене. Благодаря его авторитету в Черновицы приезжали самые известные мировые гастролеры: Давид Ойстрах, Святослав Рихтер, Мстислав Ростропович, Эмиль Гилельс, Махмуд Эсамбаев, Клаудио Вилла, Джери Скотт, Клавдия Шульженко, Леонид Коган и много других. С особенной нежностью и теплом его вспоминают украинские и русские (в частности, Эдита Пьеха) эстрадные певцы, звукорежиссер В. Стрихович.

Профессиональный уровень буковинских певцов закалялся в художественных коллективах Черновицкой филармонии (эстрадный ансамбль «Буковина» (рук. Ю. Смелянский), ВИА «Черемош» (рук. – Л. Затуловский, П. Теодорович, А. Серов, О. Тищенко), «Живая вода» (рук. Ю. Шарифов), ВИА «Смеричка» (рук. Л. Дуткивский, Н. Яремчук), ВИА «Червона рута» (рук. А. Евдокименко) и др. В творческом составе этих коллективов пели сегодня известные артисты: С. Ротару, Н. Яремчук, В. Зинкевич, П. Дворский, Л. Артеменко, В. Морозов, О. Хома, И. Братущик, И. Бобул, Лидия, Аурика и Евгений Ротару, Л. Сандулеса, белорусский и украинский эстрадный певец Валерий Дайнеко (солист ВИА «Песняры») и др. Солистами Черновицкой филармонии были Л. Артеменко, И. Бобул, П. Дворский (1976–1994), И. Дерда, В. Зинкевич, С. Ротару (1971–1975), Л. Сандулеса (1977–1981, 1987–1990), Н. Яремчук (1974–1995), Аурелия и Лидия Ротару (1970-е годы). Буковинские эстрадные певцы получили признание на многих международных и всеукраинских песенных фестивалях и конкурсах.

Ключевую роль в развитии украинской эстрады на Буковине сыграл известный украинский композитор, режисер, педагог, народный артист Украины Лев Дуткивский. В 1966-м году он создал биг-бит группу «Смеричка» в Выжницком РДК, которая впервые использовав электроинструменты, стала одним из первых ВИА в бывшем СССР. Позже Выжницю назовут «колыбелью современной украинской эстрады» [4, 42]. Для ансамбля Л. Дуткивский написал и сделал аранжировки многих известных песен: «Снежинки падают» (1966), «Желание» (1967), «В Карпатах ходит осень» (1968) на слова А. Фартушняка, рок-композицию «Черемош седой» (1969) на слова Н. Негоды, блюз-балладу «Скрипка без струн» (1971) на слова А. Драгомирецкого и др. «Эти произведения с элементами рок, поп музыки, джаза и украинского фольклора определили творческое направление

«Смерички», дали украинской эстрадной песне в 1960–1970-е годы новую музыкальную волну» [11, 56]. Усердный труд и энтузиазм руководителя и участников ансамбля сделали его популярным и неповторимым. В 1973 году Л. Дуткивский возглавляет его как профессиональный коллектив Черновицкой филармонии. Он является одним из основателей нового направления в украинской эстрадной песне. В. Громцев считает, что Л. Дуткивский был стратегом, далекомыслящим деятелем от Бога, «фирмачем»: «Это ж надо в буковинском райцентре создать на базе не музыкального, а художественного училища самодеятельный коллектив, которому уступали все профессиональные столичные. Какие песни, какие тексты, музыка, какая экспрессия, какая мужская и женская красота! <...> созданное им – подвиг. Как украинца, как патриота, как гражданина...» [9, кн. 1, 165]. Руководимый Л. Дуткивским ансамбль стал лауреатом многих Всесоюзных телеконкурсов («Песня-71», «Песня-72», «Алло, мы ищем таланты...»), успешно гастролировал республиками тогдашнего СССР и за рубежом (1973–1982). Своеобразный музыкальный стиль и манера исполнения ансамбля завоевала молодого Владимира Ивасюка, принесшего свои первые песни Л. Дуткивскому. Композитор вспоминал: «Своеобразный стиль исполнения и талантливая трактовка фольклора завоевали меня, когда я впервые услышал ансамбль на сцене. В «Смеричку» я принес свои первые песни. Ими были незабвенные «Червона рута» и «Водограй» [7, 13]. Благодаря Л. Дуткивскому и руководимому им ансамблю «Смеричка», начинался профессиональный взлет и популярность солистов «Смерички» В. Зинкевича, Н. Яремчука, П. Дворского, композитора В. Ивасюка, певцов: С. Ротару, Л. Артеменко, И. Бобула. Л. Дуткивский был для них многолетним учителем и наставником.

Мировую славу Буковине и Украине принес композитор, поэт, певец Владимир Ивасюк (1949–1979). Уроженец г. Кицмань учился в Черновицком медицинском институте, где работал

с аматорскими коллективами. Его песни впервые получили крылья на буковинской земле в исполнении С. Ротару, Л. Видаш (ей В. Ивасюк подарил песню «Я пойду в далекие горы»), С. Кобевко. В. Ивасюк творчески сотрудничал с композитором Валерием Громцевым: был участником ВИА «Карпаты» под его руководством, соавтором (автором текста) общего шлягера «Оставленные цветы» (С. Ротару переименовала песню на «Желтый лист»). Как пишет М. Маслий, «Громцев подсказывал, поправлял и помогал Володе в написании «Червонной руты» и «Водограя». Первое официальное авторское исполнение этих песен Владимиром Ивасюком состоялось при участии Валерия Громцева, ВИА «Карпаты» и Ляли Кузнецовой» [9, кн. 1, 159]. С. Ротару подчеркивает важное значение творчества В. Ивасюка для своего становления: «На песнях Владимира Ивасюка я выросла как профессиональная певица. Они и принесли мне первое признание» [7, 11].

Авторами поэтических текстов популярных произведений для эстрадных певцов края были буковинцы Василий Бабух, Николай Бакай, Василий Васкан, Владимир Вознюк, Богдан Гура, Анатолий Добрянский, Михаил Ткач, Николай Юрийчук. Большинство из этих авторов были студентами или выпускниками филологического факультета Черновицкого университета. Они сотрудничали с местными композиторами: Владимиром Ивасюком, Павлом Дворским, Иваном Дердой, Львом Дуткивским, Василием Михайлюком, Николаем Мозговым, Степаном Сабадашем.

Еще одной составляющей социокультурной среды были местные радио и телевиденье. Ключевыми фигурами здесь выступают Василий Селезинка и Василий Стрихович. В. Селезинка с 1963-го года работал на студии Черновицкой государственной телерадиокомпании, готовя авторские программы при участии певцов Буковины. Заслуженный деятель искусств Украины Василий Стрихович был «черновицким асом звукозаписи» [9, кн. 1, 163]. Сорок лет его творческо-

го пути от звукорежисера к главному режисеру (1966–2006) связаны с Черновицким областным телевиденьем. М. Маслий называет его великим магом телевиденья от Бога [9, кн. 2, 295], ведь ему посчастливилось записывать фонограммы самых популярных украинских песен XX века. В. Стрихович записывал фонограммы к одному из первых музыкальных телефильмов «Червона рута» (1971), где впервые снялись С. Ротару, В. Зинкевич, Н. Яремчук, В. Ивасюк, ВИА «Смеричка», «Карпаты». Именно он пригласил ВИА «Карпаты» и начинающего композитора-певца В. Ивасюка в программу «Камертон хорошего настроения» (1969 г.), в которой Володя впервые исполнил свою песню «Милая моя» (позже получила название «Я пойду в далекие горы»). В этой же программе в сентябре 1970-го года с Театральной площади Черновиц в прямом эфире на всю Украину прозвучали произведения В. Ивасюка «Червона рута» и «Водограй». Солисткой была Ляля Кузнецова, с которой он спел дуэтом, а аккомпанировал ВИА «Карпаты», известный своими музыкантами [9, кн. 1, 164].

Важным компонентом социокультурной среды украинской эстрады были художники-модельеры и сценографы. В первую очередь это заслуженный деятель искусств Украины Алла Дуткивская, окончившая Выжницкое училище прикладного искусства (1970). В 1973–1976-е гг. она работала художником-модельером Черновицкой областной филармонии. Как новатор, А. Дуткивская начала в Украине «новое направление в моделировании сценических эстрадных костюмов. Вместе с С. Ротару, Л. Дуткивским, В. Ивасюком, В. Зинкевичем, Н. Яремчуком, а также ансамблем «Смеричка», художник была тем творческим ядром, которое в 70-е гг. сломало старые стереотипы украинской эстрады как в музыкальном стиле, так и в художественном проектировании сценической одежды. Взяв за основу народную одежду и современный силуэт, Дуткивская первой в Украине внедрила сценические стилизованные эстрадные костюмы»

[2, 90]. Она изготовляла комплекты костюмов для ВИА «Червона рута», «Смеричка», «Живая вода», «Черемош», певцов С. Ротару, Н. Яремчука, П. Дворского, И. Бобула. Некоторое время художником-модельером был певец В. Зинкевич.

Квинтэсенцией национального движения стал Первый украинский музыкальный фестиваль «Червона рута» (17–24 сентября 1989 года) в Черновицах, участниками которого были 49 ансамблей популярной музыки, 36 солистов, 30 рок-групп, 45 исполнителей авторской песни. «Все музыкальные дороги в эти теплые осенние дни вели в Черновицы: барды и джаз-банды, тростные музыки и рок-группы, рок-н-ролл и рок-энд-блюз, фолк-кантри-псевдоэтнографизм и блюз-хард-рок, поп-эстрада и соул-панк-джаз-рок, хэви метал и песня-баллада – чего только не было» [9, кн. 3, 332]. На фестивале впервые в истории советской Украины с официальной сцены прозвучал гимн «Ще не вмерла Украина». Фестиваль подитожил так званный «золотой век украинской эстрады», «изменил мировоззрение целого поко-

ления и выявил, какая музыка нужна украинскому обществу» [9, кн. 3, 329].

Подводя итоги, надо отметить, что синтез разных культур и национальностей Буковины дал весомый результат. Созданная здесь в 1960–1990-е годы социокультурная среда содействовала появлению когорты украинских эстрадных певцов и композиторов, создавших сотни эстрадных песенных шедевров, популярных не только в Украине, но и далеко за ее пределами. Социокультурная среда Буковины обеспечивалась многоуровневыми духовными контактами творческих личностей в разных видах деятельности: образовании, искусстве, коммуникации, досуге. Приметно, что анализируемый период характерный «перетеканием» культурной жизни из сел и районных городков в областной центр. Песня В. Ивасюка «Червона рута», знаменуя собой начало украинской эстрады в 1970-е годы, стала песенной эмблемой Первого украинского музыкального фестиваля, открывающего весну украинской демократии, новую страницу украинской песенной эстрады.

Список литературы:

1. Бакай М. П. Лицар української естради: художньо-документальна повість про життя і творчу діяльність П. Дворського. – Снятин: Прут Принт, – 1998. – 116 с.
2. Богайчук М. Література і мистецтво Буковини в іменах: словник-довідник. – Чернівці: «Букрек», – 2005. – 312 с.
3. Кавунник О. Музичне середовище Ніжина в контексті національних культуро-творчих процесів ХІХ – початку ХХІ століття: монографія. – Київ: НАН України, – 2016. – 328 с.
4. Кибич Я. Назарій Ярумчук. Я піснею вернуся до життя. – 2-ге вид., доп. – Вижниця: «Черемош», – 2011. – 328 с.
5. Культурне середовище. Вікіпедія. [Електронний ресурс]. URL: http://uk.wikipedia.org/wiki/Культурне_середовище
6. Лекції з історії вітчизняної та світової культурології / А. Яртись, В. Мельник. – Львів: Світ, – 2005. – 567 с.
7. Лепша І. 100 облич української естради. – Чернівці: Молодий буковинець, – 2010. – 392 с.
8. Литвин-Кіндратюк С. Культурно-мистецьке середовище: традиції і сучасність // Вісник Прикарпатського університету. Мистецтвознавство. Вип. 1. – Івано-Франківськ: Плай, – 1996. – С. 61–69.
9. Маслій М. Золотий вік української естради (1960–1980-ті роки). Кн. 1–3. – Чернівці: Букрек, – 2016. – Кн.1. – 400 с.; Кн. 2. – 416 с.; Кн. 3. – 400 с.
10. Моль А. Социодинамика культуры / перевод с франц.; вступ. ст., ред. и примечания Б. В. Бирюкова, Р. Х. Заринова, С. Н. Плотникова. – Москва: Прогресс, – 1973. – 406 с.

11. Музична Буковина. До 70-річчя Чернівецької обласної філармонії / упоряд. О. В. Савчук. – Чернівці: Букрек, – 2010. – 72 с.
12. Поплавський М. Антологія сучасної української естради. – Київ: Преса України, – 2003. – 240 с.
13. Dickie George. The Art Circle: a Theory of Art. Ann Arbor: University of Michigan Press, – 1984. – 116 p.

*Mambetkadirov Gayratbai Amanbaevich,
Department of Fine Arts and Engineering Graphics,
Nukus State Pedagogical Institute. Ajiniyaza, Nukus
E-mail: gmambetkadirov@mail.ru*

FOLKLORNO-MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE CREATIVITY OF SCULPTORS OF KARAKALPAKISTAN

Abstract: The article considers Karakalpak sculpture always drawing themes for its creativity from the surrounding life, folk customs, folklore and ancient mythology. The sculpture of Karakalpakstan has a relatively young history, but it is a bright and original phenomenon. The development of sculpture in Karakalpakstan was largely promoted by the rich traditions of folk art carving wood. For a long time Karakalpaks appreciated and honored this material. The carving traditionally adorned the wooden objects of the national life – the doors of the yurt, chests, cradles, tool boxes, tables and dishes, saddles, carts, boats, etc. In the work of Zh. Kuttymuratov and D. Toreniyazov, images from folk mythology and in the field creativity sculptors of plastic research.

Keywords: metaphorically, original, rationalism, typification, mythology.

*Мамбеткадыров Гайратбай Аманбаевич,
Кафедра изобразительного искусство и инженерный графики,
Нукусский государственный педагогический институт
им. Аджинияза, г. Нукус
E-mail: gmambetkadirov@mail.ru*

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СКУЛЬПТОРОВ КАРАКАЛПАКИСТАНА

Аннотация: В статье рассматривается каракалпакской скульптуры всегда черпающий тематику для своего творчества из окружающей жизни, народных обычаев, фольклора и древней мифологии. Скульптура Каракалпакстана имеет сравнительно молодую историю, но представляет собой яркое и самобытное явление. Развитию скульптуры в Каракалпакстане во многом способствовали богатые традиции народного искусства резьбы по дереву. У каракалпаков издавна ценили и почитали этот материал. Резьба традиционно украшала деревянные предметы народного быта – двери юрты, сундуки, колыбели, ящички для инструментов, столики и посуду, седла, телеги, лодки и др. В творчестве Ж. Куттымуратова и Д. Торениязова заметное место занимали образы из народной мифологии и в области творчестве скульптуров пластических исследований.

Ключевые слова: метафорически, самобытное, рационализм, типизации, мифология.

Скульптура Каракалпакстана имеет сравнительно молодую историю, но представляет собой яркое и самобытное явление. Развитию скульпту-

ры в Каракалпакстане во многом способствовали богатые традиции народного искусства резьбы по дереву. У каракалпаков издавна ценили и почита-

ли этот материал. Резьба традиционно украшала деревянные предметы народного быта – двери юрты, сундуки, колыбели, ящички для инструментов, столики и посуду, седла, телеги, лодки и др. Мастера каракалпакской скульптуры всегда черпают тематику для своего творчества из окружающей жизни, народных обычаев, фольклора и древней мифологии.

Первым и ведущим скульптором Каракалпакстана стал Жолдасбек Куттымуратов (1934–2016 гг. ж.), хотя он получил художественное образование по специальности – живописец. Самыми экспрессивными по выразительности из скульптурных образов, созданных Ж. Куттымуратовым, являются его знаменитые композиции «Аму-дарья» (1965–67 гг.) и «Ветер» (1967–68 гг.).

Рисунок 1.

Скульптуры были созданы из мощных корней деревьев, которые сами и подсказали талантливому скульптору решение портретных образов. Скульптор удачно использовал для изображения волос женских образов корни дерева, причудливо расходящиеся в разные стороны. В беспокойном, сметенном движении и переплетении прядей густых волос, в таинственной красоте девушек выражены образы переменчивой «Реки» и вольного «Ветра», какими их метафорически изображают народные предания. В старинных преданиях каракалпаков встречаются реликты поклонения обоженным природным стихиям воды и ветра,

которые воплощены в образе своенравной и могучей богини воды и плодородия – непокорной реки Аму-дарья, и в образе духа ветра – Айдар.

Образ «Аму-дарья» Ж. Куттымуратова это аллегория водной стихии, портретный образ молодой женщины с холодной непреступной красотой. Образ передаёт нрав самой крупной реки Средней Азии, несущей свои мутные волны с плодородным илом, орошая земли, пробираясь через огромную территорию пустынь Кызыл-кум и Кара-кум к морю Арал. Скульптор сознательно оставляет необработанными ответвления корневища, его замысловатую «дикую» форму. Известно, что в годы создания данной скульптуры Аму-дарья ещё была полноводной круглый год, и ещё воспринималась в народе как символ непокорной и своевольной стихии.

По иному решен образ в скульптуре «Ветер». На этой скульптуре мы видим молодую девушку с прикрытыми глазами веками. Скульптор тщательно моделирует лицевую часть портрета, полируя её поверхность. Густые и упрямые пряди волос девушки свободно развиваются, и очень красноречиво передают черты, которые в народной поэтике приписываются духу ветра – вольность, непредсказуемость и неумную силу.

Скульптурные произведения «Аму-дарья» и «Ветер» отличаются изумительной пластикой и простотой формы, особой одухотворенностью образов. Как отмечал сам скульптор, эти женские образы были вдохновлены самой жизнью, и возникли на основе наблюдений за натурой, имеют конкретные прототипы. Но, необходимо отметить, скульптору удалось добиться высокой степени обобщения и типизации этих образов, предать им монументальную и символично-ассоциативную выразительность.

Другой известный скульптор Каракалпакстана – Дарибай Торениязов (1928–2003 гг. ж.) не имел художественного образования, но его работы раскрывают незаурядность его таланта. В творчестве скульптора непосредственность

и некоторая наивность соединялись с чисто профессиональными качествами: пониманием законов скульптурной формы, умением обобщать, чувством материала и т.д. Как часто бывает у художников-самоучек, его работы немного наивны и подчеркнута поэтичные, например это скульптурные образы – «Охотник» (1972 г.), «Птица Сирина» (1976 г.), «Батыр» (1979 г.). Удивительно, но произведения Д. Торениязова были композиционно продуманные, что указывает на его яркую природную одаренность, умение воплотить идею в материале, способность синтезировать фактуру дерева с воплощающимися в нём образами, выраженную творческую интуицию, неизменно подсказывавшей скульптору удачные и экспрессивные ракурсы и объёмы.

Рисунок 2.

Обобщая этнические типажи, позы, жесты, отражающие национальные черты, или создавая фольклорно-мифологические образы, скульптор Д. Торениязов достиг мастерства в передаче портретных образов. Надо подчеркнуть несомненное влияние на творчество Д. Торениязова – народной резьбы по дереву, и в целом прикладного ис-

кусства каракалпаков. Рассматривая его произведения, можно выявить, что скульптор во имя выразительности отказывался от второстепенных деталей конкретики места и времени события, от иллюстративности изображения. Это позволяло мастеру выявлять в образах только самое важное и свойственное.

Одним из наиболее сильных произведений Д. Торениязова стала – «Птица-сирин» (1976 г.). Это изображение сказочной птицы с головой женщины, мощным хвостом и лапами навеяно древневосточной мифологией. Известно, что Сирин вошла в мифологию славянских народов под влиянием греческих мифов о сиренах, и изображалась как райская птица с головой девы. Видимо, название скульптуры дано для широкой зрительской аудитории, однако в каракалпакской мифологии есть аналогичный образ – птица Кумай, ипостась древнетюркской богини Умай. У тюркских народов Кумай представлялась в виде прекрасной птицы, невидимой людям (её описывали как деву-лебедь, в ином случае – снежный гриф, а в целом как птицу-деву). Считалось, если на кого-то упадет тень Кумай, тот непременно обретёт счастье и богатство.

В произведении Д. Торениязова, посвященном фольклорному образу богатыря – «Батыр» (1979 г.), покоряет сочетание эпической силы и доброты. Вся композиция строится на округлых, как бы, мягких формах. Это образ сильного духом юноши. Интересно. Что мощное тело богатыря трактовано неожиданно – со склоненной к земле головой, в задумчивой позе с опущенными руками, которыми он прижимает к своим коленям маленьких овечек. Глаза богатыря закрыты, он сосредоточен на собственных переживаниях, это короткий момент человеческой усталости, момент необходимый для концентрации духовных сил. Тонкая психологическая характеристика образа выделяет в этом монументальном образе ноту незащищённости бесхитростной сущности батыра. Здесь на память

приходит каракалпакская поговорка: «Батыр деген панг годек» («Богатырю свойственна детская наивность»). Однако, этот образ наполнен внутренней силой духа и особой природной мудростью, способной находить душевное равновесие в простых проявлениях жизни.

В целом творчество двух самых известных скульпторов Каракалпакстана оставило яркий след в изобразительном искусстве Узбекистана, стало примером воплощения мастерства пластической выразительности и психологической наполненности образов. Творчество Жолдасбека

Куттымуратова отличается стремлением к категориям высокой эстетики и лирического восприятия действительности, что во многом сближает его творчество с произведениями другого «певца идеала лирической женской красоты Востока» – художника Чингиза Ахмарова. Для творчества Дарибая Торениязова свойственны экспрессия ракурсов и динамичная пластика, нередко в его образах сквозит улыбка и добрая ирония. В творчестве Ж. Куттымуратова и Д. Торениязова заметное место занимали образы из народной мифологии каракалпаков.

Список литературы:

1. Савицкий И. В. Резьба по дереву. – Т. – 1965. – 96 с.
2. Хакимов А. А. Современная декоративная пластика республик Средней Азии. – Т: – 1992. – 124 с.

Section 3. Historical Sciences

*Sizenko Andrey Grigorievich,
Associate Professor, of Philosophy and social
and humanitarian disciplines Department
Academy of Construction and Architecture
Don State Technical University
E-mail: sagandr@mail.ru*

*Borodulina Natalia Vladimirovna,
Chief Librarian, of Department of old
and rare books of Rostov region
Don State Public Library
E-mail: nat-borodu@yandex.ru*

ADVERTISING MAGAZINES AND NEWSPAPERS IN THE PERIODICAL PRESS OF ROSTOV-ON-DON IN 1914–1917

Abstract: The article for the first time examines the issues on the part of advertisements of the Central Newspapers of the city of Rostov-on-Don in the second half of 1914–1917, which make it possible to see more fully the supply of printed materials for the population.

Keywords: the city of Rostov-on-Don, “Southern Telegraph”, “Priazovsky Krai”, advertising, magazines, books.

*Сизенко Андрей Григорьевич,
доцент, кафедры Философии и социально-гуманитарных дисциплин
Академия строительства и архитектуры Донской
государственный строительный университет,
E-mail: sagandr@mail.ru*

*Бородулина Наталья Владимировна,
главный библиотекарь, по работе
с книжными памятниками Ростовской области
Донская государственная публичная библиотека,
E-mail: nat-borodu@yandex.ru*

РЕКЛАМА ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОСТОВА-НА-ДОНУ В 1914–1917 ГГ.

Аннотация: В статье впервые исследуются вопросы, посвященные части рекламных объявлений центральных газет города Ростова-на-Дону второй половины 1914–1917 гг., которые

дают возможность увидеть в более полном объеме предложения печатной продукции для населения.

Ключевые слова: город Ростов-на-Дону, «Южный телеграф», «Приазовский край», реклама, журналы, книги.

Пресса во все времена играла важную роль для всех слоев населения. В годы Первой Мировой войны, как и прежде центрами печати оставались города Москва и Санкт-Петербург. Большая часть периодических изданий публиковалась именно здесь, а потом рассылалась по Российской империи. Свыше ¼ всех периодических изданий приходилось на Санкт-Петербург, а на обе столицы – более 1/3 [1].

Цель данного сообщения, показать какие из большой массы центральных периодических изданий, выпускавшихся в России в годы Первой Мировой войны, попадали и рекламировались в газетах, выходивших на территории Области войска Донского. На примере нескольких ростовских газет мы рассмотрим рекламу отечественной прессы. Это газеты такие как «Приазовский край», «Южный телеграф» и «Утро Юга».

«Приазовский край» – ежедневная газета политическая, экономическая и литературная. Редактором и издателем газеты был секретарь Нахичеванской городской управы, владелец хромо-литографии и типографии Серафим Христович Арутюнов (1848–1911). Он перекупил у Ф. Траилина право на издание малоодоходного «Донского поля», переименовав его в «Приазовский край». В конце XIX в. эта газета была лидером среди газет на Юге России, она распространялась на территории Донской, Кубанской, Терской и других областях Российской империи. С 1913 г. выходила в двух изданиях: утреннее издание являлось повторением вечернего, с прибавлением.

Другая газета, которую мы рассматриваем, – это «Южный телеграф». Она выходила в Ростове на Дону с 1896 г. и была ежедневной. Издателем-редактором был И. Я. Алексанов.

И третья газета – «Утро Юга», она, как и предыдущие газеты была общественно-политической

и литературной. Выходила в Ростове-на-Дону с 1913 по 1915 гг. ежедневно.

Остановились мы именно на этих газетах, так как они лучше всего по полноте и сохранности представлены в фондах Донской государственной публичной библиотеки (ДГПБ).

Во время Первой Мировой войны 1914–1918 гг. в донской периодической печати рекламировали печатные материалы, направленные на различные слои населения. Это общественно-политические, женские, профессиональные, детские и другие издания.

Практически в каждом номере центральное место занимали события войны. На театр военных действий отправляли одних из лучших корреспондентов. В семейном журнале «Женщина» читателям предлагали рассказы, стихи и романы о войне. Причем война – глазами женщин и детей. Общее название «Война прежде, теперь и потом» [7]. Журнал «Русский паломник» давал не только постоянный обзор боевых действий за неделю, но и особое иллюстрированное приложение «Война» [9]. Литературная газета «Раннее утро» издаваемая Московским товариществом Н. Л. Казецкого предоставляла телеграфные известия со всех фронтов. Так на русском театре работали 10 корреспондентов, на европейском – 12 и на Балканском – 6. К ежедневным обзорам приводилось большое количество героев войны, убитых офицеров и солдат, чертежей, планов и карт. Отдельно указывалось на размещение карикатур и шаржей на злобы дня [2].

В газете «Утро Юга», выходившей в Ростове-на-Дону, был широко представлен отдел телеграмм от специальных корреспондентов, не только с театров военных действий, но из Петрограда, Москвы, Киева, Одессы, других крупных городов

России и из иностранных держав. Это, по мнению редакции, давало возможность читателям иметь представления о всех событиях своевременно и в достаточно полном объеме [13].

В каждом номере газеты «Южный телеграф» на последней странице предлагалось приобрести карты европейской войны в красках со 100 национальными шелковыми флажками воюющих держав. Цена большого размера – 2 руб. 75 коп., малого – 1 руб. 70 коп., пересылка из Москвы составляла 25 коп. [5].

Особое место в системе рекламы литературы уделялось детям различного возраста. Это «... двухнедельный, роскошный, ... с картинками в красках и подарками» журнал «Жаворонок», издаваемый в Петрограде под редакцией Н. В. Корецкого [6]. При подписке на 1915 г., читателям предлагалось помимо 24 номеров, фототипии для детской комнаты, 12 книжек с рассказами, модель аэроплана Блерио, точную модель глобуса для склеивания, модель здания Государственной Думы, модель Александрийского императорского театра, поделки для украшения ёлок и многое другое [6].

Аэроплан Блерио – разведывательный самолёт, на котором французский авиатор Луи Блерио впервые в истории авиации пересёк пролив Ла-Манш. Серийный выпуск самолёта и его модификаций был налажен во Франции.

За все это годовая подписка, вместе с пересылкой, составляла 5 руб. в год.

Для самых маленьких читателей книгоиздательство «Школа» в Москве издавала журнал «Малютка». Журнал был допущен Министерством народного просвещения для пополнения библиотек детских садов и приютов [8].

Под редакцией П. М. Ольхина издавался еженедельный журнал «Задушевное слово», который делился на две возрастные аудитории: для детей младшего возраста (от 5 до 9 лет) и старшего возраста (от 9 до 14 лет) [2].

На 1916 г., и только до 22 декабря 1915 г., была открыта льготная подписка на детские журналы

«Светлячок» и «Путеводный огонек» издаваемые в Москве [2].

Один из старейших российских журналов «Вокруг света» предлагал своим подписчикам на 1915 г. 50 выпусков номеров, а также на выбор три абонементов. В первый абонемент входили 36 книг полного собрания сочинений и стихотворений Виктора Гюго с критико-биографическим очерком. Во втором абонементе было 12 книг собрания писателя Брэт-Гарта, посвященные природе американского дальнего запада, разбойничьим и охотничьим приключениям и калифорнийским золотоискателям. 12 книг богато иллюстрированных сборников «Мировая война» и 12 книг сочинений французского географа Элизе Реклю «Народы и страны Западной Европы». В третий абонемент входили приложения первого и второго абонементов.

Френсис Брет Гарт (1836–1902) – американский прозаик и поэт, который прославился реалистическими описаниями жизни золотоискателей в Калифорнии. Жак Элизе Реклю (1830–1905) – французский географ и историк, член Парижского Географического общества, убеждённый вегетарианец и анархист.

Подписная цена трех абонементов составляла 12 руб. в год [10].

Ценителям художественной литературы донская печать предоставляла широкий выбор: еженедельные журналы «Всемирная панорама», «Родина», «Пробуждение» издаваемые в Петрограде. Причем в последнем из них была «... громадная галерея картин в красках» [12].

Под редакцией С. П. Мельгунова и В. П. Северского в Москве выходил исторический журнал «Голос минувшего». Реклама говорила о том, что «... будет иметь ввиду интересы широких кругов интеллигентных читателей, обращая внимание на темы, способствующие историческому пониманию текущей жизни» [3].

Целый ряд периодической печати посвящался различным профессиям и специализациям. Для

тех, кто занимался сельским хозяйством – универсальный иллюстрированный журнал «Сельский хозяин», естественно-исторический журнал «Природа», а в Петрограде в издательстве П. П. Сойкина под редакцией П. Н. Штейнберга выходил журнал «Прогрессивное садоводство и огородничество» [10].

В Харькове Совет съезда горнопромышленников Юга России выпускал журнал «Горнозаводское дело» (бывший «Горнозаводской листок»). Редактором журнала выступал член Государственного Совета Н. Ф. фон-Дитмар. В Нахичевани-на-Дону при Управлении Владикавказской железной дороги издавался «Вестник Владикавказской железной дороги», где помещались оригинальные и переводные статьи, а также перепечатки, касающиеся железнодорожного дела и связанные с рассмотрением вопросов различных отраслей железнодорожного хозяйства и техники [11].

Популярно-юридический, уголовно и общественно-литературный журнал «Жизнь и суд» был единственным в своем роде издаваемым в Российской Империи [4]. На страницах журнала помещались бесплатные ответы на все вопросы подписчиков по судебным, административным и другим делам. Помимо этого, как приложение, «... ценная юридическая библиотека 24 книги большого формата необходимая каждому гражданину. Все книги общедоступно изложены и снабжены образцами деловых бумаг и прошений».

Учителям и для тех, кто занимался самообразованием выходил ежемесячный журнал «Знание для всех» с красочными картинками, картами, чертежами и иллюстрациями в тексте. Журнал «Русская школа» рассматривал вопросы образования и воспитания, школьные реформы, школьные системы, методику преподавания разных предметов, народное образование за границей и многие другие насущные темы [2]. Периодический журнал «Для народного учите-

ля», издаваемый товариществом И. Д. Сытина, помещал систематические обзоры школьного дела и внешкольного образования в России. Печатали пьесы к детским спектаклям, обширные программы к праздникам [4].

Упомянутый уже выше журнал «Женщина» действительно можно было считать семейным, в широком смысле этого слова. Помимо описаний последних мод из Парижа, Лондона и Нью-Йорка, советов по рукоделию, подписчицы получали ценные приложения – 4 литературно-художественных альманаха, 3 тома юмористических сборников с рассказами и юморесками, 5 томов произведений Марка Твена для детей старшего и младшего возраста, 2 тома одноактовых пьес «Веселые миниатюры» для домашних и любительских спектаклей, 100 картин лучших иностранных художников, 96 страниц нот для роялей и пения, новинки русских и итальянских композиторов. За всё это, читателям необходимо было заплатить 8 руб. с пересылкой [7].

Помимо журнала «Женщина», в Москве выходил еженедельник «Журнал для женщин», где освещались вопросы моды, гигиены, косметики, кулинарии, цветоводства, домашнего птицеводства. Существовал так же «Журнал для хозяек» [7].

В 1915 г. была открыта подписка на первый в России художественный журнал изящных искусств и литературы «Мир красоты». Девиз издания: «Красивая жизнь, красота души, красота ее природы, в искусстве и во всех ее проявлениях» [9]. Отделы журнала посвящались литературе, живописи, моде, театру, спорту и т.д.

Таким образом, несмотря на разгоравшуюся Первую Мировую войну, донская периодическая печать предлагала своим читателям огромный выбор журналов на любой вкус. И сегодня дореволюционные газеты России представляют незаменимую источниковедческую базу, которая со всей полнотой раскрывает мир русской истории.

Список литературы:

1. Золотарев А. М. Заметка о периодической прессе в – 1902 г. // Русский вестник. – 1903. – № 1.
2. Приазовский край. – 1915. 06.12. № 322.
3. Приазовский край. – 1915. 08.12. № 323.
4. Приазовский край. – 1915. 10.12. № 325.
5. Южный телеграф. – 1914. 05.10. № 4127
6. Южный телеграф. – 1914. 01.12. № 4182.
7. Южный телеграф. – 1914. 21.12. № 4183.
8. Южный телеграф. – 1914. 25.12. № 4210.
9. Южный телеграф. – 1914. 06.12. № 4187.
10. Южный телеграф. – 1915. 03.01. № 4211.
11. Южный телеграф. – 1915. 01.02. № 4239.
12. Южный телеграф. – 1916. 07.01. № 4645.
13. Утро Юга. – 1915. 03.01. № 2.

*Suleimanova Rima Nugamanovna,
doctor, of historical sciences,
head of department of the Contemporary history of Bashkortostan,
Institute of history, language and literature,
Ufa Federal Research Center, Russian Academy Sciences
E-mail: rnsulejman@mail.ru*

DISCUSSION OF THE BASIC PROVISIONS OF THE LAW ON CIVIL EQUALITY IN THE I STATE DUMA

Abstract: The article considers the beginning of the activity of the first in the history of Russia parliament – the State Duma, the formulation and discussion of the main provisions of the draft law on the equality of all citizens before the law.

Special attention will be paid to delegates' discussion of the issue of granting women equal rights with men, especially political rights.

Keywords: State Duma, Russia, the bill, the citizens, the equality, the women.

The beginning of the XX century was a time of major shocks and cardinal changes in Russia. Influenced by the events of the first Russian revolution of 1905–1907 revived social life, the new trends that have taken place in it have caused a noticeable rise in the activity of the population. Governor A. S. Klyucharev described the “Public fermentation” of this period in Ufa province as follows: “... on the pretext of explaining the manifesto on October 17 in the village of Yaroslavka, Zlatoust County, on November 27 last year teachers gathered the people in the auditorium... Warned listeners that now because of the manifesto, you can talk about everything, even about what you were punished for before...” [1, 125–126].

Right up to the beginning of the 20th century, the rights and freedoms of the individual in Russia were infringed, most men and women did not have electoral rights, did not participate in the formation of government authorities. Therefore, this crucial time has become an important stage for Russian people to resolve an important issue of granting civil and political rights. This necessity was closely connected with the “reorganization of the entire state life of Russia on a democratic basis”, which occurred under the influence of revolutionary events. Civil and political activation

of society, the growth of revolutionary and opposition sentiments in it also affected women, so the issue of their legal equation with men came to light.

In April 1906 in Russia, the First State Duma was convened. Contemporaries called it “the Duma of people’s hopes for a peaceful path”. However, her legislative rights were limited even before the convocation. The manifesto of October 17, 1905, signed by Emperor Nicholas II, changed the status of the Duma. From the law-deliberative body it was supposed to turn it into an organ of people’s representation, which would be endowed with legislative functions. This sounded in the throne speech of the emperor on the opening day of the State Duma.

The elections to the Duma of the first convocation were held in February-March 1906. However, according to the “Regulations on Elections to the State Duma”, not all segments and categories of the population could participate in them. So, “females” were also excluded from the number of voters [2, 11]. Only a small part of women, who had a property qualification, were allowed to “provide it to participate in elections to their husbands and sons” [3, 1]. As can be seen, they did not receive even passive suffrage. famous publicist P. G. Mizhuyev concluded, that the expectations and

hopes of Russian women did not materialize [4, 71]. All this caused the urgent need for profound changes in the women's issue in the legislation. In the domestic social and the scientific thought of the early XX century, there are increasing proposals to reform the electoral system of Russia, which must be implemented "one of the first things ... granting Russian women political rights identical with men" [5, 5].

The State Duma at its first meeting on May 2, 1906, began editing the address in response to the throne speech of Emperor Nicholas II. It concerned the removal all of limitations and privileges, equality of all citizens before the law and representation of the people on the basis of universal of suffrage [6, 5]. However, this caused an mixed reaction from the delegates. Some of them welcomed innovations in the electoral law, others expressed a certain restraint, latter expressed categoric denial. Let us turn to the discussion of the basic provisions of the on civil equality, which occurred at the Duma meetings in May 1906.

Delegate Ryzhkov, elected from Ekaterinoslav province and member of the labor group, in the bill proposed to include an item on granting Russian women a suffrage. He said: "... speaking of the fact that the suffrage should be reformed ... we forget in this first Russian parliament about the Russian woman ... we forget that the son of a slave can't be a citizen". He was supported by 6 members of the labor group and a representative of the Cadet Party. Deputy P. Aleksinsky (from the Vladimir province) in his speech stated: "... Women's injustice is a humiliation not only for women, but even more for men". Anikin (from the Saratov gubernia) also expressed his support: "In a free country everyone is free, I think that women should be approved in civil rights". With them the delegate Onipko (from the Stavropol province) agreed: "I petition that ... the suffrage should be equal, direct, with a secret vote, and equal for all nationalities, for all religions and equal for both sexes" [6]. And in the debate on the bill such statements were many.

It should also be stated, that questions about the equality of all citizens of Russia before the law, the issue of granting women equal rights with men, have become the subject of stormy considerations and discussions at the State Duma. In the publication of verbatim records of the Duma meetings it was stated that "the debates that took place in the Duma loudly said that the question of the equality of women is already ripe, ... is posed by life itself, thus, the arguments of opponents will disappear as if the question "untimely, not the next, can be postponed to other, more peaceful times" [6, 3].

However, in the debate on the main provisions of the bill there were other statements, in particular from the Cadets. Prince Shakhovskoy, who represented Yaroslavl Province, directly stated: "I consider it important to postpone the decision on the issue of direct voting and women's rights, because I can't in any way accept as convincing those arguments that we listened to here, ... that I can't in any way acknowledge the force of the arguments that we listened to here, ... I'd prefer to that the Duma adopt a resolution on both issues after a more solid and thorough consideration of this issue". Z. Frenkel (from the Kostroma province) warned deputies that "we can't judge so easily ..., we are elected from such a province where the issue of women's suffrage in wider populations does not admit of doubt, but there are other areas where the population does not want unanimous direct elections". But even more forthright was the deputy Kruglikov, elected from the Voronezh province, who said: "When we were sent here, many peasants did not know about the general suffrage, without gender difference. Women not up to the general suffrage, women have us to take care the household, look at the children's and behind the stove" [6, 14, 16-17].

May 15, 1906 at a meeting of the State Duma, the chairman read out a statement of 111 deputies on the drafting of a number of bills, "based on the following basic position: All citizens of both sexes are equal before the law". Then they were joined by 40 more

deputies who signed this statement. They were asked to elect a commission of 33 members of parliament. At the head of the whole work was a delegate elected from St. Petersburg, L. E. Petrazhitsky. He was an active supporter of granting political rights to Russians, he stated: "... it is desirable that women are engaged in politics, and the more they engage in it, the better for the state, society and progress. ... Therefore, we should not be embarrassed that mothers will be interested in politics; over against, it is important that mothers themselves are interested in public affairs and could instill the same interests for children ... The interests of the common good and culture require from us that we provide women with political, that is, public rights and duties" [6, 22, 42].

However, the answer was followed by objections. So, M. Kovalevsky (from the Kharkov province) openly said about the "unprofitable consequences" of the recognition of equal rights for both men and women. Graf Heyden, who was elected from the Pskov province, declared that one should not hasten, for "the more important the issue, the more dif-

ficult it is, the more careful and more thorough it must be" [6, 32, 33]. As a result, the prepared bill was sent for revision. However, on July 8, 1906, the First State Duma was dissolved and its activities ceased [7, 292]. Therefore, many decisions of deputies were not implemented, including equality of all citizens before the law, granting women political rights, etc.

In spite of that the activity of the first parliament in the history of Russia was short-lived, the fact that important issues were discussed at its meetings confirmed that in the society under the influence of the events taking place in the empire, in which the revolution of 1905–1907 played an important role, serious changes took place. However, despite the progressive positions of certain factions and deputies of the State Duma, its activities in development main provisions of laws on the equality of all citizens before the law, on recognizing women as equal, were of little consequence. She failed to fulfill the important task that was set before her at the beginning of the activity – "to become a body of people's representation with legislative functions".

References:

1. Collection of documents and materials on the revolutionary movement of 1905–1907. in Bashkiria. Ufa: Bashknigoizdat,– 1956.– 294 p.
2. Laws on elections to the State Duma. SPb.: Print. "Public benefit",– 1906.– 104 p.
3. Mikhailova V. Russian laws on women. Moscow: Print. Moscow. publishing house,– 1913.– 118 p.
4. Mizhuyev P. G. The women's issue and the women's movement. SPb.: Print. Altshuler,– 1906.– 72 p.
5. Yuzhakov S. The woman is a voter. (On the issue of the reform of Russian electoral law). – M.: Typolithography of the Russian Association,– 1906.– 16 p.
6. The women's question in the State Duma. From the verbatim records of the meetings of the State Duma. SPb.: Print. N. N. Friedberg,– 1906.– 59 p.
7. Stites R. The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism and bolshevism,– 1860–1930. Trans. with English. – Moscow: ROSSPEN,– 2004.– 616 p.

Section 4. Linguistics

*Wang Weiping,
Associate Professor, Zhejiang International
Maritime College, Zhoushan, Zhejiang, China*

*Chernytskyi Volodymyr,
Professor, The National University of Shipbuilding,
Nykolayev, Ukraine
E-mail: chernytskyi@yandex.ua*

REVIVING WITHERED IMAGE (METAPHOR AS A MEANS OF COGNITIVE VISUALIZATION IN EDUCATIONAL TECHNIQUES)

Abstract: The use of a metaphoric transfer as a means of visualization is analyzed in the field of English for specific purposes (ESP) teaching and learning process. Internal and external visualization has been considered as an educational technique of shipbuilding terminology acquisition in the process of mastering occupational communication competences. The main approaches were observed on the basis of the Joint Sino-Ukrainian Educational Project implementation on the platforms of the Zhejiang International Maritime College (China) and the National University of Shipbuilding (Ukraine). All theoretical statements of metaphoric transfer are accompanied by practical examples from ESP studies in the environment of Chinese and Ukrainian students study process. Special emphasis has been attended to the techniques of visualization in the field of term forming, their identification, retention and explication. They are orientation metaphors, identification of forms and shapes, terms created in result of somatic lexis transfer, classification systems generation.

Keywords: educational technique, ESP, metaphoric transfer, retention, explication, somatism, terminology acquisition, visualization.

Introduction

The notion of a metaphor, in its quotidian use, implies an allegorical character of its function, an ability to transfer the names of notions or features of certain notions, to other ones on the basis of their similarity or, sometimes, contrast. This stylistic figure has been conventionally understood as a central trope of poetics or literary figurative style since Aristotle.

The potential of metaphorical transfer formations in poetry and fiction is endless, whereas the

endurance of its manifestation in the realm of artistic image creation is not so eternal. The fiction history witnessed and abundance of cases when the charm of a once original, fresh and strikingly bright meaning, its visual, audial or kinesthetic feelings, born as a result of a transfer, gradually grew dim, obliterated or utterly erased from imaginative memory paradigms due to its frequent use. For the moment, let us note a particularly simple examples: ‘water current’ or ‘water flow’ for describing time,

'utterance of waves' as a dynamic audial image of repeated sounds of waves falling on the shore, 'ship of the desert' instead of 'a camel', 'head' in the sense of being a leader of a group or an organization, 'green-eyed monster', – a visual image coined by Shakespeare for 'jealousy'.

A live language metaphor, unlike a poetic one, is never subject to such a 'deadly oblivion'. Quite recently the results and technique of a metaphor's simile formation have become the focus of cognitivism owing to an unexpected illumination of its constant participation in the development of language and speech, preservation of old and creation of new matrices or archetypes of the human thought, first indicated by Lakoff, G. and Johnson M. [1, 2].

We have deliberately saturated this introductory passage of the synopsis with the fertile substrate of imagination-appealing lexis to pay homage to the metaphor service for the human artistic conscience and contrast it with a more clear-cut style of a research. This contrast is believed to contribute the transition to the second, more profound interpretation of a metaphor as a specific form of cognitive thought and demonstrate its educational role in ESP teaching and learning. It is this function of a metaphor that was factored out into the article heading.

The objective of our research is a demonstration of a non-traditional use of visualization as a form of the metaphoric transfer of notions in the process of ESP teaching and learning. This objective anticipates the consecutive solution of a number of minor practical tasks that faced us while seeking improvement factors within the educational environment of Chinese and Ukrainian students participating in the Joint Sino-Ukrainian Project implementation on the platforms of Zhejiang International Maritime College (China) and the National University of Shipbuilding (Ukraine).

Some of the stages of the project observation and development were described earlier [3–5]. Here we are making an attempt of substantiating a new approach to the application of a metaphor as an instru-

ment of the educational cognitive technique aimed at the improvement of mastering ESP competences in the shipbuilding and marine power engineering terminology acquisition. During the analysis of terminological word usage we'll consider those metaphors that are strongly drawn to the so called epiphor i.e. habitual, even worn out ones in contrast to those that are inherent in fiction. And it is teaching terminology in the process of acquisition of professional English that is the reason of such approach in our research.

The rationale of the new consideration of a metaphor's use as an instrument of cognitive process was disclosed in a well-known works of Lakoff, G and Johnson M. indicated above and later developed by an American psychologist Jerome Seymour Bruner [6], Dutch cognitivist Ankersmit [7], Russian philosopher Kedrov K. [8] and others.

Without going into detail, the principal concept of a metaphor of the above authors is that "most of our ordinary conceptual system is metaphorical in nature" [1–9] and that metaphors, being linguistic expressions, reflect the human conceptual system [1–10]. Since a metaphor has been already recognized as one of the most important instrument of verbalizing both our inner thoughts, and the outer world, we can make an assumption that it could be also an important instrument of the educational process.

Generally speaking, learning a foreign language is essentially a process of constant metaphorization – a permanent transfer, identification and retention in the course of reciprocal interaction between the two language systems of verbalization, – the source language (a mother tongue) and the target one (a foreign language). Investigation of this process comprises uncountable revelations in the field of educational technique application in the course of ESP teaching and learning.

Referring to the process of terminology forming as a metaphorical transfer in one language system only, we can add one more element to this chain of study stages: explication of notions as an element of ESP educational technique. It concerns the case

of identification of nearly complete (both inner and outer) visual image loss of a formerly 'live' term. There is a set name for this phenomenon in applied linguistics – polysemy disambiguation. For example, Panamax has become a set name for the ship's type which can pass through the Panama canal. This ship's type appeared due to the reconstruction of the canal. The result of restrictions imposed by Classification Societies the maximum beam of the largest vessel was defined in view of the new width of the canal. Very soon, in line with this word-building model, a number of new types of vessels emerged: Rivermax, Suezmax, Capesize, and other container ships and oil tankers. This row included Aframax type. It was often misunderstood and identified as a vessel satisfying restrictions of sailing in the vicinity of African shores. But the explication of the abbreviation helps to eliminate this ambiguity: Aframax is a type of tankers relating to LR2 class along with AFRA Classification (Average Freight Rate Assessment). And this is only one of many examples when an explication of meaning, which often goes along the reverse path of a metaphor transfer, i.e. backwards from the sign to the image, provides an efficient restoration technique for ESP terminology acquisition.

Descending by "the steps" of the language structure, defined by F.de Saussure [9], with its intrinsic interconnections between the signifier and the signified, we have undertaken an attempt to specify our study to the role of the visualization as a means of cognition. The next stage was to instantiate our argu-

ments with the examples from authentic materials for acquiring ESP competences in shipbuilding.

Let us start with the analysis of the whole phenomenon of metaphorical transfer as the reason and the result of inner and outer visualisation in greater detail, starting from fundamental cognitive process description, 'solidification' of the image name in the set terminological unit, its retention as an element of a language systemic pattern. And, in the reverse direction – from classification schemes of a terminology system or its fragment, through the analyses on different levels, to the final explication as a means of description and understanding in educational process.

Structurally, we have divided the material into four meaningful subtitles: visualization as a cognitive process and practical examples of its use in visualizing general and branch terms; use of somatisms in shipbuilding terminology system acquisition; cognitive and educational role of terminology system classification.

1. Visualization as a cognitive process

Visualization as a significant, if not the most fundamental technique for terminology acquisition, is also metaphorical in its character. Most newly devised words, being metaphoric derivatives from fundamental signifiers, entered general and specialized terminological fields due to the science and technology development. They were formed, solidified and, finally, identified in result of an image transition to an object, process or action.

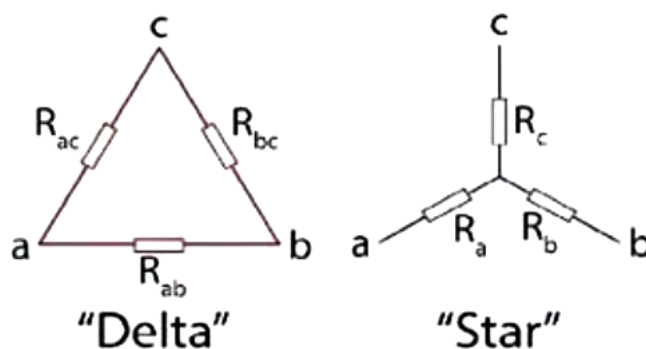

Figure 1. Principal schemes of Delta and Star connection

Let us disclose this process by the vivid example from the history of electrical engineering. When an electrical engineer Dolivo-Dobrovolski, who was the first to suggest the idea of a three-phase current application, had to solve the problem of connecting 3-phase generator windings, he performed it in two ways. One of the connections bore the resemblance with a triangle, and another one with a star. The result of this inner visualization was a metaphoric transfer of the two well-known geometrical figures into the images that corresponded to their contours. Then he depicted them on the paper schematically and assigned the names of 'a triangle' and 'a star'. Further on these connection nominations started their 'terminological life' and entered the majority of languages. In the language of the author (Russian), the name of a 'triangle' connection till now co-exists with the name of a 'Delta' type, accepted in most West European languages, as the upper-case Greek letter Δ is a perfect isosceles triangle but much more compact and vivid in its form. The second name has been preserved in the original or literal translation in all modern languages, though it does not bear as perfect resemblance (it is essentially a three-point figure in contrast to more conventional pentagonal, six- or seven-point stars) as the delta or the triangle. For us the most important fact is that these two images were generalized due to their nomination by well-known figures. In other words, the integrating act has been created between the inner image and its semantic presentation. It also helped greatly a convenient and fast way of information reference to these types of connections for their easy generalization and retention (memorization). (It is worth mentioning that in modern Greek the notion of metaphor still retained its first literal meaning: "Μεταφορικό ανταλλακτικά" – agency (or service) of delivery. The signboards bearing these word combinations can be often come across today in business districts of Greek cities and ports).

If we implement these educational techniques as a two way process: demonstrate the process of cre-

ation of this holistic picture of the knowledge fragment, on one side, and on the other – present these two types of connection in the drawing, photo, principal scheme, the end-process of its acquisition will be most complete and profound. Separate use of inner and outer visualization can be also implemented but the resulting efficacy of systemic (two-directional) approach that will surely exceed *apriori* expectations. And it has been confirmed by the results of the students' tests aimed at terminology mastering check-up in the process of ESP teaching within the frames of Sino-Ukrainian project indicated above.

2. Practical examples of visualization of general science and branch terms

Here are the most vivid examples of terminological system of general science and technology, that are widely used in shipbuilding and marine power engineering fields, as well as those inherent in a more specialized terminological groups. The first of them deals with the orientation 'metaphors'.

In line with Lakoff, who described one of the main types of metaphors as orientational, we understand their important role in describing various ship's parts, their position in relation to one another bearing in mind contrapositions of top or upper (*tank top, topsail, topmast, topline, top light, upper deck*) in contrast to bottom or lower (*bottom beam, bottom bracing, bottom board, bottom clearance, double bottom, bottom of tank, bottom valve, lower deck, lower hull top*), the front (*afore, forebody, fore end*) in contrast to the rear direction (*abaft, aft, after body, afterpeak, aftermast*), which is multiple in sailing ships where crew members still work by hands (cf. marine command *all hands aboard*), and looses its power of word coinage and word-building with the reduction of synergetic effect in larger structures.

Spatial orientation still remains highly applicable in such shipbuilding disciplines as ship's design, structural mechanics of ships, technology of shipbuilding, in description of dynamic and static stresses and strains, hull's elements and their interconnections, etc.

The importance of identifying forms and shapes can't be overestimated in ESP, especially concerning design and structural engineering where it is very important to identify shapes. The most common ways of describing figures, bodies and shapes are the following visualizing techniques:

1) By using the names of two- and three-dimensional figures, e.g.

– The *cylindrical body* (圆柱体) of the ship's hull was plotted with the help of the SolidWorks2010 software;

– The bow of a ship is shaped like a *triangle* (三角形). It is *triangular* in shape.

2) The second way of describing shapes can be carried out by using the letters of the Greek and Latin alphabets:

- a *V-notch* (V型缺口);
- a *W-shackle* (W型卸扣);
- an *S-shape tube* (S型管道);
- an *H-girder* (H型梁);
- an *I-girder* (I型梁);
- a *T-piece* (T型件);
- an *L-bar* (L型板).

It happens frequently when it is difficult to find Cyrillic, Greek or Latin alphabet equivalent, we can use an advantage of a graphic simile, like “a *bath-type curve*” (槽型曲线), etc.

3) We often refer to the components of structural units through association with widely-known shapes that call forth a vivid allusion:

- a *herring-bone gear* – (人字齿轮);
- a *needle plug* – (针塞);
- a *spider web aerial* – (蜘蛛网天线);
- a *basket-handle arch* – (三心拱);
- a *delta-connection* – (三角接口);
- a *star-connection* – (星型接口);
- a *dog-bone bar* (стержень галтельной формы in Russian) – (狗骨棒);
- a *horseshoe piece* (подковообразная деталь in Russian) – (马蹄铁);
- a *herring-bone gear* (шевронная передача from chevron stripe on a uniform) – (鲱鱼骨齿轮);

– a *dove-tail joint* (ласточкин хвост in Russian literally a swallow-tail) – (鸽子尾接头);

– a *gooseneck support* (опора S-образной формы in Russian) – (鹅颈头支架).

As seen above, the last five are somatisms, i.e. terms formed from an allusion to body parts of animals, birds and fish.

3. Role of Somatisms In Shipbuilding Terminological System

Manifestation of metaphor involvement in terminological system of shipbuilding can be easily demonstrated by the multiple use of somatisms as the source of term forming which is proved by an extremely productive word-building process in the field.

In general English, as contrasted to ESP, the highest productivity of somatisms is observed in the sphere of the wordbuilding where the most active parts of a human body are used. They are, on one side, ‘a head’ with its constituents, like ‘eyes’, ‘nose’, ‘mouth’, ‘ears’. But, on the other, they are limbs or extremities, i.e. ‘hands’ (‘arms’) and ‘legs’ (‘feet’). However, having analysed the usage of somatisms as metaphors in the field of engineering terminology in general, and shipbuilding, in particular, we have come to the conclusion that the most frequent somatisms indicated above, do not prove to be as much productive in naval architecture as in everyday speech manifestations. The reason for this divergence can be explained by the fact that ships are huge structures which elements constitute the largest objects ever made by man. Ships’ components are of much greater size than other items or structures a human being is surrounded by. They are located too distantly from one another, cannot be often ‘observed’ closely or ‘touched’ directly in result of ergonomic interaction between a man and objects around him. But the first image of a ship in the learner’s mind is formed with a widely-used metaphor of the ship’s hull as a floating *body* consisting of a *backbone* (keel) with *ribs* (framing system), *sides* (boards) and *bottom* that are covered with the *skin* (casing).

Therefore, the somatisms that are used more frequently in shipbuilding, are 'obliged' by their origin and existence in the terminological nucleus to the combination of their functional use and visualized simile. *Nose*, as something protruding forward more than the other parts of the head, is inferior by frequency occurrence, than such important elements of structural mechanics as *a bracket* or *a knee* in the terminological system of naval architecture. The same concerns *a heel*, as the main functional part of support, which occurs more frequently in the maritime terminology than *a foot* or *a leg*. Nevertheless the latter terms reveal themselves as often in other fields of technology.

There are conventional approaches to the analyses of somatisms in modern linguistics. For instance, examination of somatisms possessing interlingual equivalence or, vice versa, explaining the differences of somatic transference among the languages. But our aim here is more humble and restricted to the substantiation of the significance of these cognitivist phenomenon applications in ESP learning due to its visual character. And this importance can be also grounded by the essential amount of terms derived

through an easily visualized character of their manifestation in the vocabulary of shipbuilding.

We have analysed 17 technical, maritime and shipbuilding dictionaries and a number of authentic literature sources. Due to the excessive amount of the material to be analysed in the restricted size of the journal article, it was decided to preserve the collected corpus of somatic terms and their equivalents in the form of an English-Russian-Ukrainian vocabulary on the college website for a few reasons. Firstly, in order not to overload the article synopsis with auxiliary materials. Secondly, to preserve a probative value of our arguments. And, finally to ensure an open access to the collected materials [2] of other enthusiasts of somatic terminology studies. Moreover, the number of such terms in shipbuilding literature *per se* (over 570 terminological units) is a sufficient argument in favour of their inclusion into the arsenal of educational material aimed at improvement of ESP [2] URL: <http://gjy.zimc.cn/info/1085/1231.htm> teaching. Herewith is an excerpt from the list of selected terminological units concerning only one somatism, – a cheek, – in English, Russian, Ukrainian and Chinese.

Table 1. Somatic terms excerpt from the corpus list of shipbuilding literature

English	Russian	Ukrainian	Chinese
chafing cheeks	киповая планка	кипова планка	防擦板
cheek plate	чикса	чикса	颊板
cheekpiece	боковое ребро жесткости	бокове ребро жорскості	托腮板
drum cheek	щека вьюшки	щока в'юшки	鼓颊板
mast cheek	оковка мачты	оковування щогли	桅底颊板
rowlock cheek	боковая стойка врезной уключины	бокова стойка врзного кочета	桨门承板
snatch cheek	откидная щека	відкидна щока	扣盖

The next logical step of an ESP practitioner is to devise brief and compact educational techniques of reviving the withered visual image for its associative retention and efficient acquisition by the students and further use in their professional activity.

4. Classification as a cognitive instrument and means of terminology acquisition

Two-, three- or more word combinations often represent a term that is based on a basic notion of one of the words. Since the systems of notions are structured within a terminological system, we can

assume that the majority of terminological word combinations are perceived as parts of other notions. It brings us to the assumption that primarily primitive human societies verbalized the outer world and structured it as a system of notions connected with each other in a naive way. It also provided an easier retention of a complicated vision of the world in the early human conscience. Secondly, it discloses the cognitive function in the process of terminological system formation from epistemological point of view. Thus, a metaphor participates actively in image creation processes. They are reflected in abstracting from inessential features, properties or connections of an object or phenomenon aimed at specifying their significant and regular attributes. We are all aware of the utmost significance of this universal approach to all spheres of teaching, explanation and clarification used for establishing interconnections among objects, their similarities and differences for creation of generic concepts. Various classification system generation is one of the general methods of scientific cognition and also an important way of general notion transition into a terminological one.

Various classification schemes generation based on different logical bases, such as sub-assumption relations, 'the piece and the whole' relations, relations by adjacency, relations by association, etc., and their role in acquisition of ESP terminology has been demonstrated in our earlier works referred to above. Herewith, classification generation process is of essential conceptual significance of visualization as another justification for the wide application of this cognitive aspect in competence acquisition.

Drawing principal schemes is an invaluable educational visualizing technique at first stages of presentation in ESP teaching. Actually it is a kind of simplifying detailed schemes for the advantage of demonstrating generalized principles of intrinsic and complicated mechanisms, presenting theoretical principles of their functioning vividly. In other words, it is a process of reverse explication of the main idea from its implementation in real structures, machines and mechanisms. Let us comprehend the practical implementation of this educational technique.

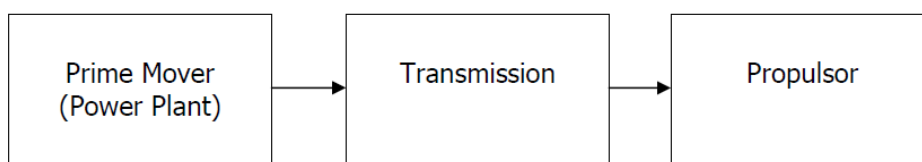

Figure 3 a. Principal diagram of propulsion system main components

It is practical to use principal diagrams (Fig. 3 a) in order to provide the first presentation of objects or processes in order to ensue efficient understanding of new little-known field of knowledge by the students. Here we use an educational technique of visualized retention as another powerful cognitive process. It stimulates the containment of a notion in learner's memory that was once perceived. The visual image will be revived in all the cases of reference to the same object or process in the course of further, more profound consideration or study of the same notion. Presentation of structural elements of

the same unit, depicted in more detail (Fig. 3 b), together with verbal explanation of its operation, will be acquired more efficiently in the relevant ESP material study. E. g.: The torque from the main engine 1 is transferred via the service system 2 to the mover (propeller) 7 by means of shafting 6. The thrust created by the propeller 7 is transferred onto the ship's hull by means of the thrust bearing 4. The shafts are connected with one another by couplings 3.

Hence, structural diagrams, technological sketches, principal schemes, mind-maps, intellect-cards, association cards help us to visually arrange

information for efficient explanation and further acquisition of sophisticated engineering objects and processes in the technology of ship construction,

designation, functions and interaction of ship's gear components, operation and maintenance of marine power plants.

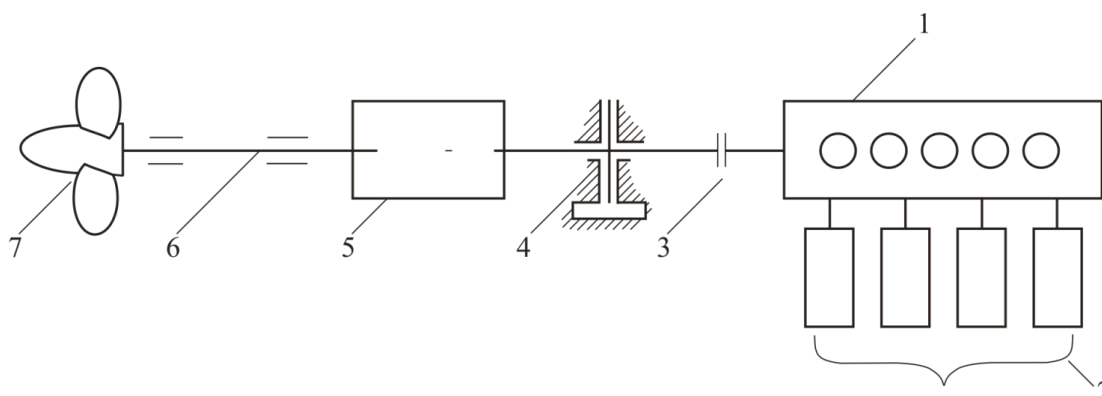

Figure 3 b. Structural diagram of propulsion system (detailed):
1 – main engine; 2 – machinery service systems; 3 – shaft coupling; 4 – main trust block; 5 – gear (transmission system); 6 – shafting; 7 – propeller

Hence, structural diagrams, technological sketches, principal schemes, mind-maps, intellect-cards, association cards help us to visually arrange information for efficient explanation and further acquisition of sophisticated engineering objects and processes in the technology of ship construction, designation, functions and interaction of ship's gear components, operation and maintenance of marine power plants.

Conclusions

Internal and external visualization as an educational technique was selected as the main focus in acquisition of terminology by the shipbuilding major students. Four aggregate approaches were analyzed and demonstrated on the basis of examples used in ESP teaching and learning within the frames of the Joint Sino-Ukrainian Project. This article is a partial result of the educational reform project of Zhejiang

Province "The Vocational English teaching and learning research from the perspective of ESP" (jg2015390). (本文系浙江省高等教育教学改革项目“ESP视域下的高职英语教学研究”(jg2015390)的阶段性成果)。

The role of orientation metaphors, forms and shapes nomination in technology, somatic lexis case study, and classification generation were proved essential as powerful tools of cognitive processes. Their practical implementation into teaching and learning was shown on practical examples of presentation, identification, retention and explication techniques.

The core of the systemic study of these technique applications requires further development of teaching materials, arrangement of intermediate and final control of competence acquisition and consideration of a number of other aspects of such a complicated process control of ESP teaching.

References:

1. Lakoff G. & Johnson M. *Metaphor We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.– 1980.
2. Lakoff G. & Johnson M. *Philosophy in the Flesh*. New York: Basic Books.– 1999.
3. Wang Weiping. Chernytskiy V.B. Digital Educational Resources as a Component of Linguistic Environmental Basis for ESP Blended Learning. In: *Proceedings of ICESD 3rd International Conference on Education and Social Development*. Paper 0140, Xi'an April 8–9,– 2017.– P. 261–266.

4. Wang Weiping, Chernytskyi V.B. On the Problem of Terminology Selection for EOP Teaching. In: Scienceweb Publishing. Journal of Educational Research and Review – Vol. 5(7).– P. 104–110.– December – 2017. ISSN: 2384–7301.
5. Chernytskyi V.B. Wang Weiping, Cherednichenko A. P. Systemic Acquisition of Terminology in the Process of EOP Teaching and Learning in the Environment of Professional Discourse. In: Proceedeings of 3rd International Science and Technology Conference. Mykolayiv, September 8–10.– P. 448–450.
6. Bruner J. S. “From communication to language: A psychological Perspective”. Cognition 3,– P. 255–287; Bruner J.– 1986. Actual minds, possible worlds. Cambridge M. A.: Harvard University Press.– 1975/76.
7. Amkersmit F. R. History and Tropology: the Rise and Fall of Metaphor.– Berkely: University of California Press,– 1994.
8. Kedrov K. A. Metametaphor.– Moscow: DOOS,– 1999.– 39 p. / Кедров К. А. Метаметафора.– М.: ДООС,– 1999.– 39 с; Kedrov K. A. Encyclopaedia of Metametaphor Moscow: DOOS,– 2000.– 126 p. / Кедров К. А. Энциклопедия мета-метафоры.– М.: ДООС,– 2000.– 126 с.
9. Saussure Ferdinand de.– 1916. Cours de linguistique générale, ed. C. Bally and A. Sechehaye, with the collaboration of A. Riedlinger, Lausanne and Paris: Payot; trans. W. Baskin, Course in General Linguistics, Glasgow: Fontana / Collins,– 1977.

*Kolpashchikova Yulia Andreevna,
postgraduate student, the Faculty of Linguistics
Tyumen state university
E-mail: juliakolpashikova@gmail.com*

THE LANGUAGE IDENTITY OF THE SPORTSCASTER IN CULTURE OF LANGUAGE OF THE SPORTS REPORT

Abstract: This paper proposes a brief review of the current problem connected with features of realization of the language identity of the commentator in the sports report. The author designated ethnocultural features of the report, features of an English-speaking discourse of commentators of the international sports competitions, therefore language means of the sports report are systematized are revealed. Within the analysis of frames of sports commenting, the conclusion is drawn that frames differ in the compared languages in additional semantic representations in quantity and/or quality, at the same time, the greatest constants is defined by comparison of frames “Expression of own opinion and experiences of the commentator” and “Wrestling”. The research of language units showed in the speech of commentators that a sport commenting assumes subjectivity of statements. When comparing the Russian and English lexicon of the sports comment it is established that in the English-language sports report installation on competition prevails.

Keywords: biathlon, a culture of language, Dmitry Guberniev’s speech, competitions, sports discourse, report, frame, air, language identity of the commentator.

*Колпашикова Юлия Андреевна,
аспирант, факультет лингвистики
Тюменский государственный университет
E-mail: juliakolpashikova@gmail.com*

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАТОРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ СПОРТИВНОГО РЕПОРТАЖА

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с особенностями реализации языковой личности комментатора в спортивном репортаже. Автором обозначены этнокультурные особенности репортажа, выявлены особенности англоязычного дискурса комментаторов международных спортивных соревнований, в результате чего систематизированы языковые средства спортивного репортажа. В рамках анализа фреймов спортивного комментирования, сделан вывод, что фреймы отличаются в сопоставляемых языках дополнительными смысловыми репрезентациями по количеству и/или качеству, при этом, наибольший констант определен при сопоставлении фреймов «Выражение собственного мнения и переживаний самого комментатора» и «Спортивная борьба». Исследование языковых единиц в речи комментаторов показало, что спортивное комментирование предполагает субъективность высказываний. При сравнении русской и английской лексики спортивного комментария установлено, что в англоязычном спортивном репортаже преобладает установка на конкурентную борьбу.

Ключевые слова: биатлон, лингвокультура, речь Дмитрия Губерниева, соревнования, спортивный дискурс, репортаж, фрейм, эфир, языковая личность комментатора.

Спорт представляет собой социально значимое явление, поскольку в нем принимают участие спортсмены, а за его событиями наблюдают болельщики всех стран.

Зачастую от особенностей комментирования спортивного действия зависит популяризация спорта, ведь именно речь спортивного комментатора – это то средство воздействия, сквозь призму которого слушатели-зрители воспринимают коллизии спортивной борьбы. И чем выше творческий потенциал комментатора, учитывающего национально – культурные особенности целевой аудитории, тем сильнее накал страстей в ходе спортивных баталий.

К вопросу о специфике, типологии спортивного комментирования обращаются многие отечественные и зарубежные языковеды, такие как Б.А. и А. Б. Зильберт, Е. Г. Малышева, К. В. Снятков и др. Однако остается целый ряд проблем, которые ещё не получили должного освещения.

Цель данной статьи – выявление этнокультурных особенностей репортажа, характеризующих языковую личность комментатора международных спортивных соревнований, а именно проследить, как принадлежность комментатора к определенной этнокультуре влияет на расстановку приоритетов описываемых спортивных событий, какие языковые средства для этого им используются и какое влияние оказывают выбранные языковые средства на адресата спортивного репортажа.

Не подлежит сомнению, что комментатор – это языковая личность, ведь именно благодаря «совокупности своих человеческих способностей и характеристик он создает речевые произведения (тексты репортажа/комментария), а:

- 1) степень их структурно-языковой сложности;
- 2) глубина и точность отражения действительности;

- 3) определенная целевая направленность обеспечивают эффективность воздействия на слушателей / зрителей спортивных соревнований» [4, 45].

Речь комментатора – это естественное переплетение в рамках одного текста двух жанров: репортажа и комментария, где задачей первого является представление явления реальной действительности в их естественном развитии, а второй представляет собой аналитический компонент репортажа. Подтверждение этому находим в терминологическом словаре телевидения. Прямой репортаж – непосредственная трансляция в эфир передачи репортером, с элементами авторской импровизации и комментированием на основе заранее подготовленных материалов, без предварительного монтажа изобразительного ряда. Комментарий – это мнение компетентного человека, журналиста или специалиста, о событии, явлении, факте [2, 32]. Близость данных жанров и их смешение в реальном процессе работы спортивного комментатора дает нам возможность считать «репортаж» и «комментарий» в рамках нашего исследования синонимами.

Материалом исследования послужили скрипты видеорепортажей российского комментатора Дмитрия Губерниева с Чемпионата мира по биатлону 2012 г., мужчины, масс-старт, 15 км, а также английских комментаторов Патрика Уинтертона и Майка Диксона с Кубка мира по биатлону 2013 г., мужчины, масс-старт, 15 км. Общая продолжительность репортажей 1ч 52 мин 49 с (1ч. 6 мин. 22 с. и 46 мин. 27 с. соответственно). Репортажи взяты с сервиса видеохостингов You Tube.

Для нашего исследования мы выбрали фрейм-слотовый анализ в качестве основного, поскольку по утверждению В.З. Демьянкова, фрейм – это «структура данных, конденсирующая большие объемы памяти и используемая для представления стереотипных ситуаций» [1, 20].

При анализе спортивного комментария в обеих культурах демонстрируются следующие признаки спортивного репортажа:

- 1) оперативность, базирующаяся на актуальности информации;
- 2) пошаговое следование хронологии события;
- 3) авторы являются очевидцами события;
- 4) спортивный комментарий представлен в устной форме;
- 5) большая часть спортивного комментария является импровизацией;
- 6) наличие выраженного авторского «я».

Мы выявили, что универсальными для речи спортивных комментаторов обеих культур являются фреймы: «Описание спортивного события», «Представление спортсменов», «Мастерство спортсменов», «Спортивная борьба», «Ссылка на тренера», «Ссылка на авторитетное мнение», «Зрители, их реакция», «Контакт с адресатом», «Выражение собственного мнения комментатора и его переживаний», «Результаты гонки». Данный результат свидетельствует о том, что спортивный комментарий – это достаточно структурированный текст с постоянными составляющими.

Наряду с этим, мы выявили, что некоторые универсальные фреймы отличаются в сопоставляемых языках дополнительными смысловыми репрезентациями по количеству и/или качеству.

Так, в речи Д. Губерниева этнокультурная специфика формируется из репрезентативных фреймов в следующем количественном соотношении: «Выражение собственного мнения и переживаний самого комментатора» – 27,5%, «Представление спортсмена» – 15,8% и «Контакт с адресатом» – 15,4%. У английских комментаторов рейтинг универсальных категорий представлен так: «Спортивная борьба» – 37%, «Выражение собственного мнения и переживаний самого комментатора» – 15%, «Представление спортсмена» – 10% и «Описание спортивного события» – 10%

Что касается содержательной стороны универсальных фреймов, самый большой контраст мы можем проследить при сопоставлении фреймов «Выражение собственного мнения и переживаний самого комментатора» и «Спортивная борьба».

Фрейм «Выражение собственного мнения и переживаний самого комментатора» в обеих культурах выражен слотами: «Похвала, одобрение», «Стремление дать совет», «Выражение надежды, предположения».

Однако у Д. Губерниева далее выявлены дополнительные слоты «Стремление объяснить неудачное выступление», «Переживание за «своих», «Критика, укор, неодобрение». У английских комментаторов тот же доминантный фрейм представлен слотами «Стремление подбодрить неудачно выступающего спортсмена», «Выражение уверенности», «Выражение сомнения», «Выражение сожаления».

В высказываниях, собранных во фрейм «Спортивная борьба», Д. Губерниев показывает стремление спортсменов к победе, напряженность конкурентной борьбы. В тот же фрейм английского комментария превалирует слот «Влияние неудачи на результат гонки», а слоты «Взаимопомощь команд-соперниц» и «Неспортивное поведение», характерные для российского комментатора, отсутствуют.

Проиллюстрируем сказанное. В доминантных фреймах «Выражение собственного мнения и переживаний самого комментатора» и «Представление спортсменов» спортивный комментатор использует речь панегирика по отношению как к самим спортсмену, так и к командам стран, которые они представляют. Языковая реализация данных параметров происходит с помощью употребления оценочных прилагательных «невероятный», «гениальный», эмоционально окрашенной лексики «браво», лексики с переносным значением «сливки биатлонного общества», «король гонок с общего старта», гиперболизации

и обобщения «гений гонок», «сверхпрестижная история». Данный этнокультурный параметр свидетельствует об установке русской культуры на человека, а не на результат. Речь Д. Губерниева ярко демонстрирует заинтересованное отношение комментатора к выступлению спортсменов и команд, его переживания за российскую команду, стремление похвалить, дать совет. Данная ментальная категория реализуется с помощью оценочных прилагательных «драматическое начало», «Невероятно большое отставание», фразеологизмов «собрался моментом», личное местоимение «я».

Выражение собственного мнения комментатором в данном случае является признаком жанра – спортивное комментирование предполагает субъективность высказываний.

В отличие от русского в английском спортивном комментарии преобладает установка на конкурентную борьбу. Об этом свидетельствует доминантный этнокультурный параметр «Спортивная борьба», языковая реализация которого происходит с помощью употребления оценочных прилагательных «extraordinary», «sensational», «fantastic». Английские комментаторы гораздо подробнее описывают борьбу на дистанции, выражают стремление подбодрить неудачно выступающего спортсмена: «And that's really- really disappointing for Tim. But he's got a long long way to go and plenty of opportunities will come his way».

Этнокультурный параметр «Выражение собственного мнения и переживаний самого комментатора» в английском спортивном комментарии является также репрезентативным. Комментаторы выражают собственное мнение с помощью употребления личного местоимения «I» и выражений «Perhaps», «Amazing thing», «Hope», «It's great to see», «Fancy that». Как видим даже по этим примерам, высказывания, более сдержанные эмоционально и менее категоричные.

В обоих лингвокультурах употребление профессиональной лексики является неотъемлемой

частью комментирования, так как данный тип речи относится к спортивному дискурсу. В русской лингвокультуре комментатор, описывая накал борьбы в масс-старте, использует профессионализмы «отстрелял на ноль», «лучший ходом», «застрелился», «первый огневой рубеж», оценочные прилагательные «феноменальная стрельба», «Хорошая гонка! Классная гонка! И поучительная!», просторечные выражения «Сегодня гнулись остальные», «два промаха в индивидуалке», «они просто сошли с ума после вчерашней победы в эстафете», «однозначная, в одну калитку победа». У английских комментаторов также встречаем примеры спортивной терминологии «be relaxed on the rifle», «hit twenty of twenty».

Отличительным этнокультурным параметром в английской лингвокультуре является «Юмор комментатора». Согласно Кейт Фоксу, «почти никогда разговоры англичан не обходятся без подтрунивания, поддразнивания, иронии, уничижительных замечаний, шуточного самобичевания, насмешек или просто глупых высказываний» [5]. В данном комментарии юмор направлен на подчеркивание сложности трассы: «Once round this three-kilometer track, Patric is tiring enough. – As you said «five times» – they're exhausted already. – That's the feeling I'm getting from talking to some of the athletes».

Это свидетельствует о непринужденности речи английских комментаторов, в то время как русский спортивный комментатор более формален.

В русской культуре больше просматривается взаимосвязь комментатора со зрителем, с аудиторией. Он использует местоимение «мы», прямое обращение к зрителю на протяжении всего комментирования, делая последнего непосредственным наблюдателем событий: «Гараничев идет 20-м... – представляете, только 20-й!», «Вспомните Ханты-Мансийск», «Но сейчас мы видим очень большое отставание». Все это свидетельствует о коллективистской установке русского народа.

В английском комментировании для более оживленного общения с теле-радиослушателями

используется такой прием, как ведение репортажа при участии двух комментаторов. Еще одной отличительной чертой английского комментирования спортивного события является участие в нем авторитетной личности, интервью с которым также делает репортаж более «живым», интересным. Так, в нашем случае перед самым стартом была включена запись интервью с тремя биатлонистами, лидерами масс-стартов. Например, интересно было узнать от Эмиля Хенгли Свендсена – как он сам выразился – секрет успеха норвежской сборной. И это сразу было использовано одним из комментаторов для экспромтной шутки.

Приведенные данные сопоставления спортивных комментариев, принадлежащих к различным лингвокультурам, позволили нам выяснить, что русский спортивный комментатор делает установку на личность спортсмена, восхваляет его, субъективно оценивает происходящее соревнование. Кроме того, в речи комментатора преобладает самосознание на уровне «мы». В английском языке дается установка на практический результат, комментатор оценивает действия и навыки спортсмена, а не его личность, именно такой подход дает возможность английскому комментатору чаще использовать юмор и иронию.

Список литературы:

1. Демьянков В. З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка [Текст] / В. З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке. – М.: Прогресс, – 1994. – С. 32–87.
2. Егоров В. В. Терминологический словарь телевидения: Основные понятия и комментарии [Текст] / В. В. Егоров // Ин-т повыш. квалификации работников телевидения и радиовещания ФСТР. – 3-е изд., доп. – М., – 1997. – 92 с.
3. Зильберт Б. А., Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории: исследовательские задачи [Текст] / Б. А. Зильберт, А. Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, – 2001. – Вып. 17. – С. 45–55.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. [Текст] / Ю. Н. Караулов // Монография. – М.: Издательство ЛКИ, – 2010. – 264 с.
5. Фокс Кейт. Наблюдая за англичанами [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=149596> (Дата обращения: 02.08.2017)
6. Малышева Е. Г. Специфика спортивного дискурса [Текст] / Е. Г. Малышева // Речеведение: современное состояние и перспективы: материалы международной научной конференции, посвященной юбилею М. Н. Кожинной (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.) / Отв. ред. Е. А. Баженова. Пермь: Перм. гос. ун-т, – 2010. – С. 243–247.
7. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / К. В. Снятков. – Вологда, – 2008. – 25 с.

Section 5. Pedagogy

*Dzhafarova Oksana Sergeevna,
Candidate, of Pedagogic Sciences, Senior Lecturer,
Department of Primary Education
Crimean Engineering and Pedagogical University
E-mail: Dub_ok@mail.ru*

THE IMPORTANCE OF MULTIPLICATION PEDAGOGY IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS

Abstract: In the article questions of concept, the basic features and value of the multiplication pedagogy in the process of training of future primary school teachers are considered. An important role is played by the animation in the creative development of the personality and the formation of a holistic outlook of younger schoolchildren.

Keywords: multiplication pedagogy, creative evolution of junior schoolchildren, formation of the holistic worldview, training of primary school teachers.

*Джафарова Оксана Сергеевна,
кандидат, педагогических наук,
старший преподаватель, кафедры начального образования
ГБОУВОРК «Крымский инженерно-педагогический университет»
E-mail: Dub_ok@mail.ru*

ЗНАЧЕНИЕ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОЙ ПЕДАГОГИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы понятия, основных особенностей и значения мультипликационной педагогики в процессе подготовки будущих учителей начальных классов. Важную роль мультипликация играет в творческом развитии личности и формировании целостного мировоззрения младших школьников.

Ключевые слова: мультипликационная педагогика, творческое развитие младших школьников, формирование целостного мировоззрения, подготовка учителей начальных классов.

Стремительное развитие в современном мире информационно-коммуникационных технологий и средств массовой информации обе-

спечивает необходимость целенаправленной подготовки личности к умелому и безопасному их использованию. Сегодня перед непрерывным

педагогическим образованием стоит задача содействия формированию высокого уровня медиакультуры личности.

Включение в образовательный процесс освоения визуального языка является важной потребностью жизни, поэтому его необходимо внедрять в программу обучения и будущих педагогов. Внедрение идей анимации в учебно-воспитательный процесс необходимо, потому что средства мультипликации активизируют творческий потенциал, раскрепощают мышление личности, создают пространство для творческого самовыражения. С учетом особенностей возраста, образование с помощью движения, слова, музыки и образов происходит у младших школьников намного легче, чем словесное.

Проблемам медиаобразования и медиаграмотности посвящено значительное внимание в современной педагогической науке: Д. Бааке, А. Баранова, К. Бэзэлгэт, О. Волошенко, Н. Габор, Н. Кириллова, Л. Мастерман, А. Федоров, С. Френе и др. Процесс формирования медиакультуры младших школьников рассматривали Л. Баженова, О. Баранова, Е. Бондаренко, Л. Зазнобина, В. Шарикова. Основы мультипликационной педагогики заложены в работе Ю. Красно-го, Л. Курдюковой.

Цель данной работы заключается в раскрытии значения мультипликационной педагогики в профессиональной подготовке будущих учителей начальных классов.

Современные стандарты высшего профессионального педагогического образования отмечают, что выпускники педагогических учебных заведений должны владеть методами поиска, обработки и использования информации, уметь ее интерпретировать, адаптировать в соответствии с запросами обучающихся. Данная взаимосвязь медиаобразования и профессиональной подготовки будущего учителя рассматривается как важная составляющая его профессиональной компетентности.

Подчеркивая важность медиаобразования учителей, исследователи считают, что медиаграмотный педагог сумеет: поощрять и развивать у учащихся желание задавать обоснованные проблемные вопросы, связанные с медиа; использовать в преподавании исследовательскую методику, при самостоятельном поиске медиа информации по интересующим учеников вопросам; помочь учащимся развивать способность применения разнообразных источников медиа информации в решении творческих задач; организовывать проведение дискуссий, где учащиеся смогут научиться слушать других и тактично выражать собственные мысли; поощрять стремления учеников к обогащению собственного медийного опыта [1].

Мультипликация в последнее время переросла из чисто развлекательной деятельности в обучающую и воспитывающую. Подчеркивая педагогический потенциал мультипликации, Ю. Красный определяет ее ценность для педагогики в универсальности языка, позволяющего организовать всеобъемлющую систему комплексного развивающего обучения детей всех возрастов [2, С. 4].

Уникальными особенностями мультипликации как средства эстетического воспитания и творческого развития младших школьников являются:

- мультипликация не имеет своего «предмета», она легко осваивает материал и содержание из разных областей знания;
- в мультипликации нет канона, для нее характерна безграничность любых видов художественной и практической деятельности, отражение всех явлений жизни;
- для мультипликации жизненный материал является не только объектом освоения, но и составной частью самого языка [2, С. 12].

Опираясь на сущность понятия педагогики, можно сформулировать определение мультипликационной педагогики – это процесс художественно-творческой практики, сконцентрированной на всестороннем формировании личности: ее мыслях и возможностях самовыражения средствами

мультипликации, и изучающий особенности восприятия, понимания, оценки анимационных произведений; а также самостоятельного создания мультфильмов.

Мультипликационная педагогика охватывает многие сферы деятельности личности, поэтому ее задача состоит в комплексном художественно-творческом развитии ребенка.

Использование мультипликационной педагогики в начальных классах обусловлено закономерностями развития ребенка. Младший школьный возраст является важным периодом для интеллектуального, физического и эмоционального развития личности, данный возраст максимальной творческой активности, когда дети овладевают техникой восприятия, учатся смотреть, слушать, выделять главные признаки предметов, видеть в предмете много различных деталей, развивается наглядно-образное мышление, произвольная память, внимание привлекается ярким, наглядным материалом, эмоциональным изложением. Все это тесно связано с наглядностью, яркость впечатлений, которые вызывает сильные чувства и запоминается легко. Мультипликация – искусство концентрированное, так как смотреть много мультфильмов подряд нелегко. Дети же легче взрослых воспринимают информацию в концентрированном виде: могут часами смотреть мультфильмы, а затем делятся полученной информацией с окружающими. Значит, такую информацию они легко усваивают. Прежде всего, это вызвано доступностью и неповторимостью жанра. Поэтому данные особенности мультипликации необходимо использовать при изучении самых различных предметов в начальной школе.

Используя средства мультипликационной педагогики, учитель начальных классов предоставляет возможность своим ученикам проявить способности в разных сферах искусства: при составлении сценария – в литературе, в процессе создания персонажей – в изобразительном искусстве и различных видах прикладного искусства,

подбирая звуковое сопровождение – в музыкальном искусстве, озвучивая роли – в литературе. Особое значение приобретают полученные умения работать с различным оборудованием и освоение современного мира техники.

Предлагая младшим школьникам занятия по мультипликации, формируются элементарные представления о ней, происходит становление осознанного отношения к выбору и оценке качества потребляемой медиа информации, развитие связной речи, обогащение словарного запаса, обучение навыкам компьютерной грамотности, развитие мелкой моторики рук. Кроме того, данный вид творчества воспитывает усидчивость, аккуратность; развивает познавательную активность, образное и абстрактное мышление, воображение, умение выстраивать сюжетную линию, последовательность действий, навыки работы в коллективе, снижает проблемы адаптации к школьному обучению (снижается уровень агрессивности и тревожности, появляется уверенность в себе).

Особое значение занятия мультипликацией играют в формировании целостного мировоззрения и миропонимания личности, что особо важно для младшего школьника. Для формирования целостной картины мира, необходимо дать ребенку информацию о предмете или явлении в таком алгоритме, чтобы у него сложилось понимание реальности как части целого. При этом ученика необходимо научить выстраивать из отдельных частей своих знаний единое целое представление, с пониманием того, что все явления жизни взаимосвязаны. Готовый мультипликационный фильм – это и есть целое явление из частей. Изображение, музыка, речь – это части целого. Чтобы мультфильм получился, необходимо точно подобрать все детали, выстроить их в нужной последовательности, определить его длительность и характер. Мультипликация живет по закону – объединяй и создай. Ребенок в этом виде творчества выступает в роли режиссера, который все объединяет, ему необходимо

видеть все произведение целиком еще до его исполнения. При создании мультипликационного фильма ученику приходится углубиться в выбранную им проблему, отыскать ее причины, придумать пути решения этой проблемы, выбрать форму ее экранизации, создать образы персонажей, которые бы лучше всего помогли выразить его мысли [3].

Таким образом, мультипликационная педагогика отвечает современным требованиям к системе образования и является одним из средств всестороннего развития личности младших школьников, а поэтому ее потенциальные возможности должны реализовываться во всех видах учебной, самостоятельной и внеаудиторной деятельности будущих учителей начальных классов.

Список литературы:

1. Медіаосвіта та медіа грамотність: підручник / Ред.-упор В. Ф. Иванов, О. В. Волошенко; За науковою редакцією В. В. Різуна. – Київ: Центр Вільної Преси, – 2013. – 352 с.
2. Красный Ю. Е. Мультфильм руками детей / Юрий Ешуанович Красный, Лина Ивановна Курдюкова. – М.: Просвещение, – 1990. – 176 с.
3. Коробейщикова Е. А. Формирование целостной картины мира у детей на занятиях в студии мультипликации / Елена Андреевна Коробейщикова // [Электронный ресурс] Страница доступа: URL: <http://cdtor.ru/tekhnicheskij-otdel/publikatsii/1006-formirovanie-tselostnoj-kartiny-mira-u-detej-na-zanyatiyakh-v-studii-multiplikatsii>

*Umerova Lenie Rustemovna,
lecturer, of the department of primary education
State budget educational institution
higher education of The Republic of Crimea
"Crimean Engineering and Pedagogical University"
E-mail: lenie.umerova.89@mail.ru*

THE TRAINING OF FUTURE TEACHERS OF LITERATURE FOR USING OF EDUCATIONAL TRANSLATION IN A BILINGUAL ENVIRONMENT

Abstract: The article considers theoretical and practical possibilities of using the educational translation as a method in the professional training of future teachers of literature in a bilingual environment.

Keywords: educational translation, vocational training, bilingual environment, future teacher of literature.

*Умерова Ление Рустемовна,
преподаватель, кафедры начального образования
Государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования Республики Крым
«Крымский инженерно-педагогический университет».
E-mail: lenie.umerova.89@mail.ru*

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ УЧЕБНОГО ПЕРЕВОДА В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧНОЙ СРЕДЫ

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические и практические возможности использования учебного перевода как методического приема в профессиональной подготовке будущих учителей литературы в условиях двуязычной среды.

Ключевые слова: учебный перевод, профессиональная подготовка, двуязычная среда, будущий учитель литературы.

Тесное взаимодействие двух языков в полиэтничном Крыму во всех сферах предполагает определенную подготовку будущего учителя литературы к работе в таких условиях. Утвержденный государственными документами компетентностный подход в образовании делает необходимым профессиональную подготовку будущего учителя литературы к использованию различных методов и приемов

в преподавании предметов языкового цикла. Учитывая условия полилингвальной речевой и языковой среды, характерной для школ крымского региона, актуальным становится формирование у будущих учителей литературы умения эффективно использовать учебный перевод как методический прием.

Следует констатировать, что, несмотря на возрастающий интерес ученых-лингвистов,

лингводидактов, психологов к данному вопросу, методический аспект его остается все же мало исследованным. Основной причиной тому служит отсутствие единого мнения в плане подготовки будущих учителей литературы к использованию учебного перевода как методического приема при синхронном соизучении русского, крымскотатарского языков.

Теоретические и методологические основы использования учебного перевода как методического приема раскрывают в своих трудах А. Б. Супрун, Н. В. Имедадзе, Л. Б. Успенского, Е. П. Голобородько, А. П. Лещенко, Я. Н. Титова. Следует также отметить авторов, исследования которых посвящены профессиональной подготовке Н. Е. Астафьева, Р. Г. Бабанский, С. Я. Батышев, А. П. Беляева, И. А. Богачек, Н. Ф. Гейжен, Б. С. Гершунский, Е. Н. Головаха, Г. О. Ковальчук, В. Ю. Кричевский, Н. Т. Соколова, Л. З. Тархан, В. И. Юдин.

Цель статьи – описать систему методической работы по формированию у будущих учителей литературы умений и навыков эффективного использования учебного перевода как методического приема обучения в условиях двуязычной среды изучения русского и крымскотатарского языков.

Профессиональная подготовка предполагает освоение как теоретических, так и практических основ изучаемого материала. Так, результативность формирования умений использовать в учебном процессе перевод как прием сопоставительного и сравнительного изучения зависит от овладения студентами знаний о типологии учебного перевода.

Известно, что практической базой усвоения знаний по применению учебного перевода является система заданий и упражнений.

В теоретических источниках выделяется следующая типология переводов: по соотношению типов языка перевода и языка оригинала; по характеру субъекта переводческой деятельности и его отношению к автору переводимого текста; по типу переводческой сегментации и способу

переработки переводимого материала; по форме презентации текста перевода и текста оригинала; по характеру соответствия текста перевода тексту оригинала; по жанрово-стилистическим особенностям и жанровой принадлежности переводимого материала; по полноте и типу передачи смыслового содержания оригинала; по основным функциям; по первичности текста оригинала; по типу адекватности [3, С. 79].

Необходимость знания студентами данной классификации преследует сугубо прагматическую цель. Она связана с тем, что в школах Крыма синхронно контактируют родственные (русский-украинский) и неродственные языки (русский-крымскотатарский, украинский – крымскотатарский).

Реализация любой модели соизучения контактирующих языков связана с определенной системой методической работы.

Опираясь на методический алгоритм использования учебного перевода «слово-словосочетание-предложение-текст», методическая система подготовки учителей может включать следующий комплекс упражнений:

1. Упражнения на прямой учебный перевод (на уровне слова):

* Прочитайте и переведите слова с крымскотатарского языка на русский:

Тюшонджелер – дум; **кьорумаць** – защищать

2. Упражнения на прямой учебный перевод (на уровне словосочетания):

* Прочитайте и переведите словосочетания с крымскотатарского языка на русский:

Агьыр тюшонджелер – тяжелые думы;

халкъны кьорумаць – защищать народ.

3. Упражнения на прямой учебный перевод (на уровне предложения):

* Прочитайте и переведите предложения с русского языка на крымскотатарский:

1. Ответа на это у Газиса не было, и часто душило его уныние, а мысли сдавливали сердце и точили голову. / **Буна Азиз джевап тапып оламай, шу себептен оны эр вакъыт мазуналыкь богъа эди,**

тюшюнджелери исе юрегини сыкъып, башыны агъырта эди.

2. Если невозможно освободиться самим, почему бы не воспользоваться дружеской помощью соседей? / Эгер озюни къорумагъа кучю етмесе, ким келип онынъ къутараджакъ?

Спецификой работы при подготовке студентов к использованию учебного перевода в урочном процессе в рамках неинтерактивной медиативной деятельности (по А. А. Колесникову) является формирование особой формы компетентности – посреднических умений по культурологическому комментарию лингвистического материала языка оригинала и языка-перевода. Такой комментарий методически целесообразен при трудностях нахождения эквивалента при объяснении аутентичной лексики и фразеологии [2, С. 22].

Так, например, в языке оригинала автор использует фразеологизм «*точили голову*» / «*точили голову*», который в крымскотатарском языке может быть передан только «**башыны агъырта эди**» – «*точить*» переводится как **кескинлемек, откюрлемек** (заострять). Эквивалентом может служить только слово «*болеть*» – **агъыртмакъ**.

Умение учителя объяснять специфику языковой картины мира способствует осознанному усвоению языкового и речевого материала и расширяет у учащихся лингвистический и культурный кругозор. В профессиональной подготовке будущих учителей эти умения приобретаются в процессе выполнения упражнений на прямой перевод на уровне текста:

** Прочитайте и проверьте правильность перевода текстов:*

*Все больше и больше царь давил на хана. Прежде всего из-за оплаты процентов своего займа добился права собирать в Дейламе налоги; а позже пожелал построить железную дорогу через дейламские земли... Каждое подобное напоминание царя вызывало в правительстве хана мятеж испуга как в разгневанном муравейнике. / **Чар хандан сыкъ–сыкъ борджны къайтармагъа талап эте. Биринджи***

невбетте, о вакътында одельмеген борджнынъ процентлерине Дейламда бергилер джыймакъ укъыкына ирише. Бираз вакъыттан сонъра чар дейлам ерлеринден кечкен демир ёл къурмагъа истек бильдире. Эр бир бордж акъкъында хатырлав ханнынъ акиметинде виран этилген къырмыскъа ювасында киби къоркъу ве баш къалдырув догъа эди.

С целью формирования умений студентов редактировать переводные тексты предлагаются следующие задания:

** Отредактируйте где необходимо тексты-переводы:*

Язык-оригинал: А чужинці поводитилися з Газисом на диво добре. Вельможне панство привітно вітало, вчителі шкiл, де вчився – так було їм наказано – надзвичайно його жалували, сам цар часто згадував за Газиса і велів закликати його на розкішні вечірки до свого палацу... [4]

Язык-перевода: 1. А чужеземцы обращались с Газисом на удивление хорошо. Знатное панство приветливо принимало, учителя школ, где учился – так было им приказано – во всем ему угождали, сам царь часто вспоминал о Газисе и велел приглашать его на роскошные вечера в свой дворец

2. Буларнынъ эписи Азизни озъ тарафларына чекмек макъсады иле япыла эди. Келеджекте оны Дейламда кенди менфаатларыны кечирмекте ярдымджы деп коре эдилер; Азиз ичте шубеленмей, кулерьюзли ве тербиели олгъанына коре ябанджыларны бегенип, оларда эр шей гузельдже деп беллеп башлай.

** Найдите в тексте-оригинале и текстах-переводах лексику для лингвокультурологического комментария (смотри выше).*

Использование предложенной системы упражнений-переводов показало свою эффективность и результативность. Выполнение студентами каждого упражнения в конечном итоге способствует формированию у них профессиональной компетентности в осуществлении работы с применением учебного перевода как методического према

в условиях синхронного соизучения русского и крымскотатарского языков в учебных целях.

Объем данной статьи не позволяет описать упражнения на обратный и двусторонний учебный перевод. Методика их использования будет представлена в следующих наших публикациях.

Выводы. Совершенствование профессиональной подготовки будущих учителей литературы

для работы в поликультурной и двуязычной среде предполагает формирование у них методической компетентности по использованию учебного перевода на уроках русского и крымскотатарского языков. В связи с этим в процессе изучения дисциплин методического цикла и спецкурсов необходимо использовать все виды (весь спектр приемов) применения упражнений-переводов.

Список литературы:

1. Обучение формам языкового посредничества (медиации) / А. А. Колесников, М. К. Денисов // Иностранные языки в школе. – 2013. – № 1. – С. 19–27.
2. Кобяков А. А. Учебный перевод как средство формирования языковой компетенции (в условиях двуязычия) [Текст] / А. А. Кобяков // Молодежь в образовании: материалы научно-методической конференции (Сумы, 25 марта 2010 года). – Сумы: СумГУ, – 2010. – С. 78–80.
3. Леонтович В. Н. Абдул-Газис [Текст] / В. Н. Леонтович // Собрание сочинений. В 4-х т. – Киев: Сфера, – 2012. – Т. 1. – С. 301–350.

Section 6. Political science

*Shehu Manushaq,
Brigadier General Msc.,
E-mail: shaqe.shehu@gmail.com*

ROLE OF LEADERSHIP IN THE ALBANIAN NATIONAL STRATEGY

Abstract: It is known the fact that the strategic level leader overcomes the difficulties by orchestrating the internal events, in co-ordination with the personal impact of the organization in the external environment to reach the organization's vision. Unfortunately, the internal and external environment presents an unstable, uncertain, complex, and unclear arena. Consequently, it is the leader of a strategic level that needs to develop the networks necessary to understand what is happening in this environment, to assess why such events occur or will occur in the future and to know in what way they can influence better to different events, always at the best of the organization. The characteristics and the duties that such leader should fulfill, have been further explained in this article.

Keywords:

1. The general concept for the leader

Leadership means having a clear vision of goals and achievements. Leadership is above all a sublime commitment to serve with great responsibility to national interests. Values of a true leader appear when the more years go by, the ideas given by him become more contemporary. Not becoming a prey to personal ambition to achieve a certain goal is undoubtedly an extraordinary value for every leader. Following to adequate policies is always a chance for prolonged success.

The good leader understands the time to stop, as well as controlling of his ambitions and the bounds of ambition. Great leaders are known in times of crisis, very rarely in times of peace. Civic values, emancipation, and secret selfishness to show that he is right in intellectual struggles constitute also values. A great leader differs from a common one because he knows his shortcomings and mistakes. A good leader is a good interlocutor, a good negotiator, and a capable historian, learning from the failures of other leaders

for centuries. Above all, he knows what others want about him.

One of his features is that he should never say "no" as the first sentence, knowing to be patient. The leader is the mirror of the society where he has lived. Those leaders who have overturned their social order to establish a worthier order and a cleaner society are extremely rare. It is wise the one knows when to stop, to open the way to the other. A strong leader knows how to lay the foundation of the art of leadership on knowledge and to convey the spirit of the institution as art, also knows to get rid of negativity for his country. Finding the ways out and dealing with difficult situations require mastery. Being a leader means possessing a certain power. Power is a symbol of strength and equilibrium of these forces, in the fulfillment of obligations as soon as possible, with the forces that require the longevity of power, seek wisdom. The essence of being a leader is continuity. A smart leader always goes in the right proportion, with the relationship he creates. A skilled leader knows well that

the main obstacle to the fulfillment of his main goal is bureaucratic inertia. The challenge for a leader lies to transform the force into law by means of consensus. The value of a nation's policy is measured by domestic legitimacy, as there is no other standard for a people to be trusted in the international arena. Also, a leader should be an example for his compatriots or patriots, not to depart from the people's experience, tradition and the future of his country.

2. Strategic level leader

The role of the National Strategy is effectively flexible enough to adapt the style of strategic leadership and techniques to the people they lead. It is precisely the National Security Strategy (NSS) that brings together the two periods of a people and nation, the past and the present, with a single goal: to provide them with a safer and more prosperous future. NSS is the science and art that matches the aspirations of citizens and the state, with their opportunities in the regional and global environment to handle in time and accurately all issues that make up their vital interest.

So far, there is not yet an Official Strategy of National Security comparable to such documents in other countries in the region and in Western countries. Treating people fairly would not imply their treatment as if they were clones of each other. In fact, if they are all treated equally, you may become unfair because different people seek different things from you.

What makes a capable leader is respect for basic doctrines and documentation as it is the National Security Strategy. Undoubtedly, this becomes even more evident, especially for the leadership of the strategic level. Strategic level leadership is the "resounding gold" at the highest level of the Armed Forces, while implementation and putting it into life varies significantly from the case of leadership at the lowest levels, as far as the scope of action, competence, impact and execution is concerned. The environment at this level of leadership is characterized by the highest degree of uncertainty, complexity, ambiguity, and

instability due to the pressure of the time the leader has to act.

Strategic level leaders see themselves confused in the complicated networks of various competitive protagonists and collaborative efforts extending beyond their institution. The strategic level leader should be an expert, not only in the sphere of war development and the leadership of large military groups, but also in the political and bureaucratic environment of the country's decision-making process. This area includes in itself detailed knowledge of the economy, geopolitics, for the armed forces and information, as well as the mutual relations among them. In addition, the leader at this level should interact with a large number of different actors and protagonists to whom he has a very small impact.

Successful strategic level leader is a perfect communicator, using all ways and forms of communication. As a spokesman for his team, the strategic level leader is required to constantly discuss for his leadership as well as interact comfortably without any difficulty with the media. The ability of the leader to communicate effectively with the media is a precursor to the organization's success. While leaders at the lower levels of the organization remain largely focused on short-term issues and solutions, strategic level leaders must have a "focus on the future", so spend most of their time, looking to the future and position their organization for the successful fulfillment of long-term goals.

Researching the issue of strategic leadership is a permanent and consistent preoccupation of the Armed Forces while educating the senior officers' corps to better execute the mission and the role of the Armed Forces to contribute to National security of the country.

Throughout the national history, the Armed Forces have been a powerful strategic force in the interest of the implementation, protection, and fulfillment of the goals of National Security.

Then, the initiatives and changes needed to move from an uncertain future to the visionary future are

incorporated into a strategy that articulates “goals, ways and means”. This should be done in a world where threats are unclear and widespread on every side, where the conflict itself is unpredictable, and where our ability to defend our national interests may be limited by political, diplomatic, informative, and economic obligations. In short, this environment is characterized by instability, insecurity, complexity, and ambiguity. Researchers of different approaches have come to the definition that: “With strategic art we understand the formulation, coordination, and implementation with the skills of the goals (goals we aim to achieve), the ways (courses of actions for achieving objectives) and tools (instruments and resources for achieving objectives) in supporting and protecting national interests “.

Owen Jacobs, in the book “Strategic Leadership”, describes the inner leadership environment, filled with instability, insecurity, complexity and ambiguity. Some authors describe the work of a strategic level leader as understanding, explanation, and control of the environment. Jacobs, implies that practically it is impossible to have full knowledge on the factors influencing strategic decisions. Decisions need to be made, despite the incomplete recognition of the factors and the risks they bring.

Uncertainty comes from everyone’s inability to know in detail the current situation as well as the difficulty of predicting what the future effects might be from a change that is suggested today. Uncertainty can also arise because decision makers do not have clear and efficient procedures for the collection and processing of “information”. This may be due to the use of different forms of fraud, as rivals always aim to gain advantage through the surprise. Despite instability, strategic level leaders should have the will to take acceptable and measurable risks, be able to accurately assess the potential risk, and develop effective risk management strategies.

Complexity differs from insecurity, although their effects may sometimes be similar. At a strategic level, there are a number of factors that have causal

links to a given situation. The cause and consequence connection network, the effects of the second, third, and multiple orders, has become much more complex in our globalized world and closely linked from a technological point of view. The competitive demands of protagonists and various influential actors at the strategic level add to the complexity faced by top-level leaders today. Thus, the complexity of the system affects the capability of a strategic level leader both in formulating and executing an effective policy. Determining cause-to-effect connections has become even more difficult due to being late in time between cause and consequence in complex systems.

It is also important that even the staff of strategic level leadership also develop such contact networks to ensure that this variety of networks functions as a whole nutritional part of the outdoor environment. A strategic level leader cannot influence on external events if the staff does not get on time the respective information, does not pay attention to the circumstances and importance of such information, and does not understand where the education and obedience can be most effectively used in order to influence different events.

3. Conclusions

Strategic level leaders have the responsibility and the challenge for large, complex leaderships that change very slowly and at a high cost of energy. The tasks that are required to cope with this challenge start with setting the vision of the strategic level leader for the future. Based on this vision and security management values, success is achieved. They also manage daily activities, ensure fulfillment of all requirements in a unified, multinational, and co-operational environment. This task requires that the strategic level leaders to deal with short-term challenges, always in line with medium to long term objectives. They also manage relationships with all other institutions and organizations at national level.

The goal in this case is to reach consensus between these groups and organizations in support of roles and missions, goals and contemporary objectives in

accordance with NSS. Finally, helping to manage the changing processes, strategic level leaders manage the security environment nowadays, while modeling it to cope with tomorrow's challenges.

References:

1. Mac Cunn, Francis John. "The Contemporary English View of Napoleon",– 1914.– P. 52–79.
2. Webster Charles K. "British Diplomacy", London,– 1921.– 31 p.
3. Guglielmo Ferrero. "The Reconstruction of Europe", New York,– 1940.– P. 40–100.
4. Center for Strategic Leadership, US Army War College.– 2008.
5. Henry Kissinger. "A world restored", New York,– 1957.– 324 p.
6. Lord Augustus William Frederick Spencer Loftus, "The Diplomatic Reminiscences of Lord Augustus Loftus",– 2011.

Section 7. Psychology

*Strazzeri Irene,
Assistant Professor, of General Sociology,
Department of humanities. Literature,
Cultural Heritage University of Foggia,
E-mail: irene.strazzeri@unifg.it*

*Giusi Antonia Toto,
Ph D., in Culture, Education, Communication,
Department of humanities. Literature,
Cultural Heritage University of Foggia,
E-mail: giusy.toto@unifg.it*

CONTEMPORARY EMERGENCIES BETWEEN STEREOTYPES, PREJUDICES AND SYMBOLIC AND CULTURAL CONSTRUCTION

Abstract: The aim of this scientific article is to examine among the effects of globalization the emergence of prejudices and stereotypes towards migrants in Western countries.

Keywords: Globalization, prejudices, stereotypes, immigration.

Globalization is producing changes in the economy, in politics and at various levels in society. It has produced the intensification of trade and in the economy the increase in international investments. Delocalization has also redesigned trade routes by changing social relations between states in a huge global network. The failure of the capitalist and Fordist labor organization models and the shift towards economies, trade and work organization with a strong international stamp marked the advent of the new neo-liberal ideology. While the state appears to be weakened by its role as a mediator in the economy and society, on the other, “social” inequalities and discriminations are spreading in Western societies [1, 201–236]. The contemporary effects and processes of Globalization seem to produce worrying connections between individual and structural action in different socio-cultural contexts; the global social scene appears to be characterized by neo-

racism and fundamentalism, by clashes and cultural exchanges, and finally by the labeling of migrants. As with all human phenomena, globalization is also characterized by action-reaction phenomena sometimes at odds with each other: while globalization means global market, diffusion of knowledge and technology, creation of networks and connections on the other it means side forms of stereotyping and stigmatization of the foreigner, search for order and fixed identity points that lead to exploitation, segregation and even the removal of migrants. Once the concept of race has been overcome, the new racism feeds on differences based on gender, culture, traditions and ethnicity expanding the perception of insecurity and abandonment and circumscribing its concentration in certain spatial areas [2, 75–118].

The European Union has undergone a structural evolution with respect to its origins, as it has moved from an economic agreement based on free trade

between member countries to a “political union” that governs all sectors of life in the Member States. The idea of Europe as a place of the free market and of the circulation of people and their consequent integration has not remained a philosophical idea written in the treaties, but has become a common patrimony of the populations. In fact, the crisis of the last decade has made this concept clear and operational, so with the abolition of borders the populations of the member countries have seen immigration in the neighboring countries the possibility of emerging from the recession [3, 5185–5191]. Immigration, today, has become the main topic in the debate of all Western countries and on a global scale. The policy of Great Britain or the United States has been enriched by this theme: we are faced with a dual attitude, on the one hand, we are in front of the free movement of capital and goods, the industrial transfer to countries where labor is more economic, on the other hand, feelings of latent hostility to refugees from those same areas affected by economic globalization are expressed. Southern Europe has become the destination for permanently settling migrants from North Africa, Asia, and the Far East. Southern Europe has become a country of emigration for the history of colonization, a country of immigration. Migration flows have not been stopped until today, except for short outflows. These flows are motivated by three basic needs: (1) humanitarian reasons: from refugees to asylum seekers, (2) for family reunification and (3) for economic factors. Another signal coming from the international political scene is the will to not continue with the policies and economic neoliberalism that instead of producing wealth with the liberalization of goods and capital, has produced the crisis of the third millennium and new forms of poverty on a scale global [4, 28–49]. The crisis effect of the neoliberal model has produced two macro-effects: the developing countries have not defeated poverty, but it has increased due to over-indebtedness [5, 39–48]. This has triggered a series of chain reactions that have also affected developed countries, which by adopting

austerity policies have inevitably halted economic growth, increased unemployment and contracted consumption by effectively erasing the middle class, reducing the social scale to rich and poor [6, 11–32].

Globalization and neoliberalism have produced both economic poverty visible to all and poverty in relations between groups and yet individual poverty linked to the failure to satisfy basic needs. The subtle meaning of this latter type of new global poverty, linked above all to secondary human needs, arises from the loss of belonging from the communities of origin and the stunted integration into the communities of arrival. A poverty beyond the material dimension of things that therefore affects social behavior [7, 65–77]. Austerity policies have meant cuts in public spending that have direct effects on the quality of people’s lives. The implementation of austerity measures has led to the privatization of sectors historically managed by the State and the deregulation of labor, which have consequently reduced workers’ rights. These measures were imposed to restore confidence in the markets, and trigger the mechanism of globalization of investment esterization. The increase in inequality and the absence of inclusion seem to be determined by globalization that benefits the rich and discriminates against the poor. Although immigrants and refugees are two distinct categories, in the popular imagination both represent a threat to jobs and increased crime. Conversely, European capitalisms have an inexhaustible need for immigrant workers, forced to sell themselves at low cost and compete with native workers to escape conflicts in the southern areas of the world [8, 7–23]. The loss of work in Western countries is actually caused by the relocation of labor by companies that move to areas of the South, where labor is cheaper and local legislation does not guarantee the protection of workers and the environment. For this reason, the expression “globalization of rights” is now widely used. The term encompasses the right to respect the environment, the elimination of poverty, the emancipation of women in all the countries of the world. Furthermore, to humanize globalization

means giving importance to being compared to having to contravene the logic of accumulation and liberalism [9, 679–705]. The old inequalities linked to age, sex or income have been joined by new forms of inequality linked to “race”, ethnicity and even to the transformation of needs and access to resources. In other words, these new forms of inequality are actually social inequalities that are expressed in social behaviors that also lead to racial discrimination [10, 11–29]. The European Union has not substantially entered into legal matter regarding immigration and asylum, but it is delegated to individual national legislators by creating different strategies for action in each country. The problem of harmonization at EU level immigration policies, or the so-called immigration policies, is still a living problem today. The preparation and provision of measures aimed at social services and integration

into the society of the host country is still linked to the most widespread local particularism in southern Europe. In this last case, the juridical treatment reserved for non-EU immigrants with respect to EU citizens [11, 43–59] concerns above all the substantial exclusion of immigrants from the south of the world from citizens. This marks discrimination in the field of housing, work, education and access to services. The crisis has created new poverty and requires multidimensional ‘care’ responsible for social institutions. The themes of the division of labor, social inequalities and the different access to goods and services must be balanced by equal opportunities policies and safeguarding the vital balance. International policies must therefore be oriented towards the democratization of the marginalized cultures, the self-realization of people and the preservation of the local.

References:

1. Pizzorno A. Natura della disuguaglianza, potere politico e potere privato nella società in via di globalizzazione // Stato e mercato.– 2001.– No. 21.2. – P. 201–236.
2. Del Pistoia D. Globalizzazione, neorazzismo e scontri culturali. Roma: Armando Editore.– 2007.– 331 p.
3. Strazzeri I., & Toto G. A. Globalization: Between Immigration and Discrimination, What Opportunities Emerge in this New Order? // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference – Education Excellence and Innovation Management through Vision – 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, Global Growth and was held in Madrid, Spain 8–9 November – 2017.– P. 5185–5191.
4. Zizek S. Dalla tragedia alla farsa. Ideologia della crisi esuperamento del capitalismo. Milano: Ponte delle Grazie.– 2010.– 205 p.
5. Beck U., Castells M., & Sennett R. Sull’orlo di una crisi. Vivere nel capitalismo globale. Trieste: Asterios.– 2004.– 208p.
6. Grazzini E. L’economia della conoscenza oltre il capitalismo. Crisi dei ceti medi e rivoluzione lunga. Codice edizione: Torino,– 2008.– 276 p.
7. Strazzeri I., & Toto G. A. Il Lifelong Learning come rimedio delle disuguaglianze e prassi di democrazia // Lifelong Lifewide Learning.– 2017.– No. 13.30.– P. 65–77. doi: <https://doi.org/10.19241/lll.v13i30.86>.
8. Sassen S. Espulsioni, Brutalità e complessità nell’economia globale. Bologna: Il Mulino.– 2015.– 289 p.
9. Beck U. Beyond class and nation: reframing social inequalities in a globalizing world // The British journal of sociology.– 2007.– No. 58.4. – P. 679–705.
10. Antonelli G., & Rehbein B. (Eds.). Inequality in Economics and Sociology: New Perspectives. – Vol. 138. London and New York: Taylor & Francis.– 2017.– 138 p.
11. Saporito L. Per un diritto europeo dell’immigrazione. Torino: Giappichelli.– 2008.– 281p.

Setion 8. Philology

*Glushchenko Olena Wolodimirowna,
Aspirantin, Fakultät für Romanistik und Germanistik,
Deutsche Philologie,
Die nationale Metschnikow-Universität Odessa,
E-mail: gluschenko2828@gmail.com*

GENESE DER DIPHTHONGE UND IHRE ENTWICKLUNG IM MITTELHOCHDEUTSCHEN ANHAND DES ROMANS „TRISTAN“ VON GOTTFRIED VON STRASSBURG

Abstrakt: In diesem Artikel geht es um die Ursache der Genese von Diphthongen und ihre weitere Entwicklung im Mittelhochdeutschen (Mhd.) anhand des Romans „Tristan“ von Gottfried von Straßburg, als ein großes Vorbild der klassischen mhd. Literatur. Die mhd. Diphthonge wurden in Gruppen eingeteilt und ihre qualitativen und quantitativen Besonderheiten werden beschrieben und analysiert.

Stichwörter: Diphthong, Phonemzusammenfall, Phonemspaltung, Monophthong, Diphthongierung, Umlaut, Ablaut, Vokalharmonie.

Mittelhochdeutsch (Mhd.) bezeichnet im weiteren Sinne eine Sprachstufe der deutschen Sprache, nämlich sämtliche hochdeutsche Varietäten etwa zwischen 1050 und 1350 [1, 70]. Das Lexem „mittel-“ beschreibt also keine geografischen Sprachregionen – wie es im Wort mitteldeutsch der Fall ist –, sondern betitelt die chronologisch mittlere, zwischen Althochdeutsch und Neuhochdeutsch einzuordnende Stufe der hochdeutschen Sprachformen.

Nach traditioneller Auffassung lassen sich innerhalb der mhd. Periode noch das Frühmittelhochdeutsch (1050–1170), das klassische Mittelhochdeutsch (1170–1250) und das Spätmittelhochdeutsch (1250–1350) unterscheiden [10, 222]. Diese zeitliche Begrenzung des Mhd. kann jedoch nur als ungefähre Festlegung aufgefasst werden, da sich die Sprache in immerwährender Veränderung befindet und sprachexterner Kriterien (z.B. Beginn des Mhd. mit Abschwächung der vol-

len Vokale schwachbetonter Endsilben, Fortführung und Weiterentwicklung des Umlauts) abgegrenzt werden können [2; 3; 10; 11; 13].

Die mittelhochdeutsche Periode in der Geschichte der deutschen Sprache fällt mit der stürmischen Entwicklung des Feudalismus in Deutschland, mit den Kreuzzügen und der Entstehung des Rittertums zusammen und sie stand unter bedeutenden Einfluss der französischen Literatur und Kunst.

Die mhd. Sprache war in Form verschiedener Dialekte, die ihrer Herkunft weitestgehend die Weiterentwicklung der altgermanischen Stammesdialekte. In dieser Periode sind folgende Dialekte zu unterscheiden:

1. Oberdeutsche Dialekte (Alemannisch, Bairisch, Ostfränkisch, Südrheinfränkisch);
2. Mitteldeutsche Dialekte (*Mittelfränkisch*: Ripuarisch, Moselfränkisch; *Ostmitteldeutsch*: Rheinfränkisch, Thüringisch, Obersächsisch, Schlesisch, Lausitzisch, Hochpreußisch) [4; 7; 8].

Nach der Meinung von V. Lewizkij und Heinz-Dieter Pohl war die mhd. Sprache wegen der großen Anzahl von Dialekten noch weit von der einheitlichen literarischen. Aber die wandernden mittelalterlichen Dichter bemühten sich, dass ihre Werke im ganzen Land verstanden wurden, darum war in der Literatur dieser Periode eine bemerkenswerte Tendenz zur Glättung von Dialektunterscheidung und zu stärkeren literarischen Bearbeitung der Sprache zu beobachten. So entstand allmählich im 12.– 13. Jh. eine überdialektale Variante der deutschen Sprache, was zur nachfolgenden Ausbildung der deutschen Literatursprache beitrug [7, 140].

Es gab in der mhd. Zeit auf dem deutschen Sprachgebiet noch keine einheitliche Literatursprache, sondern verschiedene regionale Varianten der Sprache. Und diese Ausgleichstendenzen wirkten auf alle Geltungsbereiche der Sprache und ihre beiden Formen (gesprochenes und geschriebenes Deutsch).

Die zeitlichen Grenzen dieser Epoche gründen sich stärker auf sprachexternen Kriterien – vornehmlich auf literarhistorische, aber auch sozialhistorische. In dieser Darstellung beziehen wir uns vorwiegend auf das klassische Mhd. Es ist die Sprache von Gottfried von Straßburg, Hartmann von Aue, Valther von der Vogelweide, Wolfram von Eschenbach, den Minnesängern überhaupt, die sich dieser Sprachform bedient haben, die als „*höfische Dichtersprache*“, d.h. als eine ritterliche Kunstsprache, bezeichnet werden kann [5; 6; 7].

Alle schriftlichen Denkmäler aus der mhd. Zeit sind in folgende Hauptkategorien einzuteilen:

1. die poetischen Werke (die poetischen Romane, die Liebeslyrik, das Heldenepos);
2. die Prosatexte (die religiöse, juristische, geschäftliche und historische Literatur).

Einer der bekanntesten mittelhochdeutschen Dichter war Gottfried von Straßburg. Da es zu dieser Zeit generell nicht üblich war, Biographien über Dichter oder andere Berühmtheiten zu verfassen, ist über Gottfried nicht viel bekannt. Gottfried von Straßburg war Zeitgenosse solcher großen Dichter

wie Hartmann von Aue, Wolfram von Eschenbach und Walther von der Vogelweide. Er wurde wahrscheinlich um das Jahr 1180 geboren, über seine Herkunft ist nichts überliefert. Allerdings war er wohl kein Ritter, sondern Lyriker.

Sein Versepos „*Tristan*“ entstand wohl zwischen den Jahren 1205 und 1215. Das Werk war auf ca. 30.000 Verse angelegt, wobei Gottfrieds Erzählung mit Vers 19548 endet. Ergänzt wurde der Roman schließlich von Ulrich von Türheim und Heinrich von Freiberg.

Gottfrieds Erzählstil ist allerdings eher weltlich angelegt und schildert das mittelalterliche Minnesystem als Konflikt zwischen Liebe und Politik. Das Vorbild für Gottfrieds großes Versepos waren wahrscheinlich Fragmente aus dem anglo-normannen Werk von Thomas von der Bretagne, der eine alte keltische Sage bearbeitet hatte, deshalb enthält sein Roman französische Lexik. Nach der Meinung von E. Öhmann, sind mehrere französische Wörter mit dem Ende der sogenannten „*Literatur der großen Paläste*“ verschwunden, aber eine Anzahl von Wörter ist im deutschen Wortschatz geblieben, z.B.: *fein, Preis, prüfen, klar* u.a. [9, 323]. Gottfried hat sein Werk in alemannischer Sprache verfasst, heutige Übertragungen sind im Hochdeutsch verfasst und daher dem heutigen Auge und Verständnis angepasst.

Das Ziel der Forschung ist Diphthonge und ihre Genese im Mhd. anhand des Romanes „*Tristan*“ von Gottfried von Straßburg festzustellen. Dabei wurden 230 lexikalische Einheiten (l. E.) mit Diphthongen untersucht. Insgesamt haben wir 6 verschiedene Lautkombinationen festgelegt, die in drei Positionen im Wort (*Anlaut, Inlaut, Auslaut*) verteilt wurden. In diesem Artikel werden qualitative und quantitative Besonderheiten der Diphthonge beschrieben und analysiert.

Die Ursache der Mannigfaltigkeit vom Verhalten gegenüber den Diphthongen liegt gerade in den alten Perioden, als das Sprechen und das Schreiben im Zusammenhang standen und es keine Unterschiede zwischen geschriebener und gesprochener Sprache

gab. Damals konnte man von keinem einheitlichen Lautsystem sprechen – weder zeitlich noch räumlich. Und die Vokale, darunter auch Diphthonge, spiegelten die Ergebnisse aller wichtigen lautlichen Wandlungen vom Indoeuropäischen zum Germanischen wider.

Laut den wissenschaftlichen Erforschungen im Germanistikbereich ist die Genese der deutschen Diphthonge als eine komplexe Untersuchung der Vokalentwicklung in den germanischen Sprachen zu untersuchen. Eine Reihe von Fragen bei der Lösung dieses Problems sind mit vielen Faktoren verbunden: verschiedene Linguisten befassen sich damit aus eigenen philosophischen und methodologischen Standpunkten. Um die Ursache der Entstehung von Diphthongen und ihre weitere Entwicklung im Mhd. festzustellen, ist es zweckmäßig zunächst sie diachronisch zu betrachten.

Die meisten Veränderungen in der mhd. Zeit betrafen das System der Vokale (bzw. der Diphthonge). Diese Veränderungen waren folgende Erscheinungen:

1. Phonemzusammenfall – eine vorhandene Opposition von Phonemen kann wegfallen (ahd. *frouwa* – mhd. *vrouwe* – nhd. *Frau*; ahd. *minna* – mhd. *minne* – nhd. *Liebe*);

2. Phonemspaltung – aus einem Phonem entwickeln sich zwei unterschiedliche Phoneme. Im Ergebnis dieser durch Umlaut bewirkten Phonemspaltung

verfügt das Mhd. über eine größere Zahl vokalischer Phoneme als das Ahd. (ahd. *wurfil* – mhd. *würfel* – nhd. *Würfel*, ahd. *guoti* – mhd. *güete* – nhd. *Güte*, ahd. *loubir* – mhd. *löuber* – nhd. *Laub*);

3. Diphthongierung – ist ein Lautwandel, der aus einem einfachen Vokal (einem Monophthong) eine Folge von zwei Vokalen (einen Diphthong) werden lässt (ahd. *zît* – mhd. *zeit* – nhd. *Zeit*, ahd. *drî* – mhd. *drei* – nhd. *drei*, ahd. *hûs* – mhd. *haus* – nhd. *Haus*).

Ein Diphthong (von altgriechisch δίφθογγος, *dis* „zweimal“ und *phthóngos* „Laut“) ist eine phonetische Kombination zweier Vokale, die die sprachliche (phonologische) Funktion eines einfachen Vokals hat. Die beiden Vokale eines Diphthongs sind artikulatorisch untrennbar und können nicht verschiedenen Silben zugeordnet werden [14, 65]. Das System der mhd. Diphthonge weist gegenüber dem althochdeutschen einige Neuerungen auf. Nach der Meinung von W. Schmidt, bestehen die mhd. Diphthonge aus zwei kurzen Vokalen, von denen der erste stärker betont wird als der zweite. Sie erfüllen die sprachliche Funktion eines einfachen Vokals und sind immer einsilbig [10, 231]. Mhd. Diphthonge werden wie Phonemfolge behandelt, sie sind in der folgenden Übersicht nach der Bildung des ersten Vokals eingeordnet (Tab. 1).

Tabelle 1. – Die mittelhochdeutschen Diphthonge

	<i>Die vordere Reihe</i>	<i>Die hintere Reihe</i>
Die hohe Zungenhebung	/ie/, /üe/	/uo/
Die mittlere Zungenhebung	/ei/, /öu/	/ou/

Die durchgeführte Analyse der Diphthonge anhand des Romans von Gottfried von Straßburg „Tristan“ lässt sich möglich bestimmte Gruppen von Zweilauten feststellen, die die höchste Frequenz im Text haben (Tab. 2): /ei – ie/, /uo – ou/, /üe – öu/.

Zur alten Zeit der germanischen Ursprache gehörten die Vorderzungendiphthonge /ei/ und /ie/, deren Bestandteile gleiche phonetische Merkmale haben. Der Diphthong /ei/ ist noch mit dem neuen Diphthong, der aus dem Monophthong /ī/ entstan-

den ist, zusammengefallen. In einigen Wörtern ist der Unterschied zwischen dem alten und neuen (aus /ī/ entstandenen Diphthong) /ei/ im Text durch die Verwendung verschiedener Zeichen bewahrt. Dies wird dadurch erklärt, dass die mhd. Sprache noch die Monophthonge und die entsprechende Schreibung bewahrt hat, z.B.: *wīse* – *weise*, *sīte* – *seite*. Die Gruppe von Diphthongen /ei – ie/ ist im Text in verschiedenen Wortstrukturen dargestellt, z.B.: *ein*, *einez*, *iemitten*, *zwei*, *kiele*, *die*, *hie*, *kriegete*, *streich*, *leide*,

reise, weiz, schielte. Ihre Frequenz ist verschieden (/ei/ – 41,3% und /ie/ – 22,0%), aber der wichtigste Unterschied dazwischen liegt in der semantischen Bedeutung entsprechender Wortformen, z.B.: *geheizen, heizent, hiez* (im Hochdeutschen: *heißten, geheißten, hieß*). Diese Diphthong-Opposition drückt die grammatische Kategorie der Verben sowohl in der Vergangenheit, als auch in der Gegenwart aus, deshalb lässt sich behaupten, dass die Diphthonge meistens als Baustoff in der Wortentwicklung dienen und dabei phonetische und zwar konstitutive Funktion erfüllen. Die Gruppe von Diphthongen /ei–ie/ ist phonologisch und phonetisch unterschiedlich und sie lässt sich als die „*ablautenden Vorderzungendiphthonge*“ bezeichnen.

Die zweite Gruppe von Diphthongen ist /ou/ – 16,0% und /uo/ – 16,0%, die ihre Realisierung aus dem Althochdeutschen hat. Bei der Entwicklung dieser ablautenden Hinterzungendiphthonge fanden ähnliche phonetische und grammatische Prozesse statt. Am häufigsten wurden sie im Wortstamm verschiedener Wortarten gebraucht, besonders in Substantiven, Verben und Adverbien, z.B.: *ougen, ougenweide, fuoren, muoden, stuont, ouch, truog, ruowe*. Solche Beispiele beweisen die uralte Entstehung der entsprechenden Wortformen in der deutschen Sprache, als im Germanischen der Übergang /u. > o/ auftrat. In dieser Zeit entwickelte sich der Diphthong /uo/, deren Bestandteile zwei Vokale enthalten. Aus diesen Beispielen kann man entnehmen, dass die lexikalisch-grammatische Erscheinung des Ablauts die wichtigste Rolle in diesen Änderungen spielte. Die Hinterzungendiphthonge /ou – uo/ waren phonologisch verschieden und erfüllten sowohl grammatische als auch phonetische (konstitutive) Funktion,

deshalb lassen sie sich zur Gruppe der „*ablautenden Hinterzungendiphthonge*“ gehören.

Am Ende des 12. Jh. entwickelten sich in der Sprache neue phonologische Oppositionen, die das ganze phonetische System veränderten: es erschienen umgelautete Vokale /ä/, /ö/, /ü/. Im Ahd. hatte der Umlaut keine morphologische Funktion und blieb eine rein phonetische Begleiterscheinung in der Wort- und Formbildung. Im Mhd. übernimmt er eine distinktive, sinnunterscheidende Funktion und gewinnt auch als ein morphologisches Mittel an Bedeutung. Mit dem Ergebnis des sogenannten Sekundärumlauts wurden nicht nur die Kurz- und Langvokale, sondern auch die Diphthonge unterzogen. Folglich entwickelten sich im Mhd. die neuen Diphthonge /öu/ und /üe/. Der erste Diphthong entstand von dem hinterzungenen ahd. /ou/ und der zweite Umlautdiphthong – von dem ahd. /uo/. Die niedrige Frequenz der Umlautdiphthonge im Text (/üe/ – 4,3%, /öu/ – 0,4%), z.B.: *fröuwone, füezen, begrüezen, süeze, müezet*, u.a. ist mit der späteren Entstehung der Umlautvokale /ü/ und /ö/, bzw. der Diphthonge, verbunden. Sie entwickelten sich vor allem in der Wurzel, weil es die stärkste Wortposition ist. Der Umlautdiphthong kam von einer phonetischen Erscheinung zu einem morphologischen Kennzeichen bestimmter Wortform, und unterscheidet diese Form von anderen, die ohne Umlaut gebildet werden. Also im Mhd. wird der Umlautdiphthong zu einem produktiven morphologischen Mittel in der Wortbildung, z.B.: *gruoz – begrüezen, fuoren – füeret, bruoder – gebrüeder*. Da diese Diphthonge nach dem ersten Bestandteil des Zwielautes eingeordnet sind, lassen sie sich als die „*labialisierten Vorderzungendiphthonge*“ bezeichnen.

Tabelle 2. – Die Realisierung der mhd. Diphthonge im Roman von *Gottfried von Straßburg* «*Tristan*»

Nº	Diphthonge	Anlaut (l. E.)	Inlaut (l. E.)	Auslaut (l. E.)	Frequenz (l. E.)
1	ei	18	72	5	95
2.	ie	7	29	14	50
3.	ou	25	12	–	37

1	2	3	4	5	6
4.	uo	–	36	1	37
5.	üe	–	10	–	10
6.	öu	–	1	–	1
Frequenz (l. E.)		50	160	20	230
Frequenz (%)		0,22	0,69	0,09	1,00

Unsere Untersuchung hat gezeigt, dass für die Komponenten der Diphthonge eine Angleichung nach der Artikulationsstelle oder nach der Artikulationsart charakteristisch ist (Bild 1). Z.B., die Diphthonge /ei/ und /ie/ bestehen aus nichtlabialisierten engen Vokalen und bilden damit eine Vokalharmonie der vorderen Reihe. Die Vokale der Diphthonge /uo/ und /ou/ bilden eine Vokalharmonie der hinteren Reihe. Der Diphthong /uo/ besteht aus einem engen und einem labialisierten Vokal. Der neue Diphthong /üe/ bildet eine Vokalharmonie der vorderen Reihe. Der /öu/ besteht aus labialisierten Vokalen und bildet damit den Synharmonismus der labialisierten Vokale. Solche Beispiele machen es möglich, eine Vokalharmonie als typisches Merkmal des Mittelhochdeutschen zu betrachten.

Für die häufigsten Diphthonge (Bild 1) ist die artikulatorische Veränderung ihrer Vokale kennzeichnend: von der mittleren zur hohen Zungenhebung (/ei, ou, öu/), und von der hohen zur mittleren Zungenhebung (/uo, ie, üe/). Also, im System der

Diphthonge realisiert sich die Gegenüberstellung von zwei Arten – in Bezug auf das artikulatorische Dreieck – in Richtung «von oben – nach unten» und «von unten – nach oben».

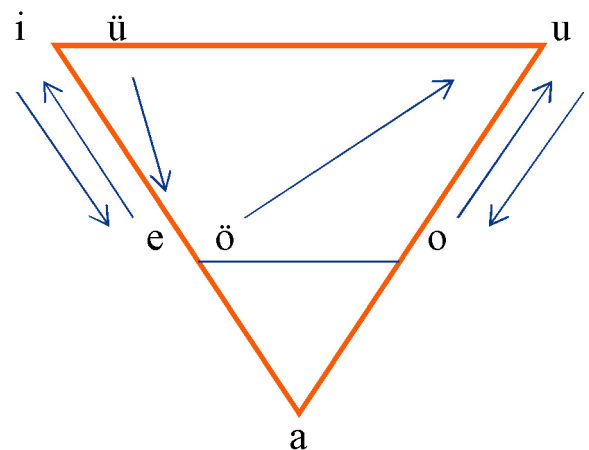

Bild 1.

Die durchgeführte Untersuchung der mhd. Diphthonge ist ein produktiver zweckmäßiger Weg zum tieferen Verständnis des Vokalsystems in der deutschen Gegenwartssprache.

Referenz:

1. Bubyk W.N. Geschichte der deutschen Sprache / W.N. Bubyk – Вінниця: Нова книга, – 2004. – 266 s.
2. Cherubim D., Jakob K., Linke A. Neue deutsche Sprachgeschichte. Mentalitäts-, kultur- und sozialgeschichtliche Zusammenhänge / D. Cherubim, K. Jakob, A. Linke – Walter de Gruyter, Berlin, New York, – 2002. – 415 s.
3. Ernst P. Deutsche Sprachgeschichte / P. Ernst // Wien: WUV, – 2006. – 254 s.
4. Göttert K.-H. Grundkurs Mittelhochdeutsch / K.-H. Göttert – Reclam, – 2013. – 95 s.
5. Hennings T. Einführung in das Mittelhochdeutsche / T. Hennings – De Gruyter, – 2012. – 3. überarbeitete Auflage – 244 s.
6. Krumm H.-J. Deutsch als Fremd und Zweitsprache / H.-J. Krumm – Ein internationales Handbuch, – 2010. – Bd. 1. – S. 189–199.
7. Lewizkij V., Pohl H. D. Geschichte der deutschen Sprache / V. Lewizkij, H.-D. Pohl – Winnyzia: Nowa Knyha Verlag, – 2010. – 256 s.

8. Moskalskaja O. I. Deutsche Sprachgeschichte / O. I. Moskalskaja – Moskau: Hochschule, – 1977. – 278 s.
9. Öhmann E. Mhd. folat (e) bei Gottfried von Strassburg / E. Öhmann // Neuphilologische Mitteilungen, – 1971. – 323 s.
10. Schmidt W. Geschichte der deutschen Sprache / W. Schmidt // Stuttgart / Leipzig: Wissenschaftliche Verlagsgesellschaft, – 1993. – 6. Aufl. – 384 s.
11. Speyer A. Deutsche Sprachgeschichte / A. Speyer – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, – 2010. – 128 s.
12. Verbitskaja T. D., Grischina T. V. Deutsch akzentfrei: kommunikativ-orientierter phonetischer Einführungskurs / T. D. Verbitskaja, T. V. Grischina // Odessa: Astroprint, – 2014. – 2. Aufl., neu bearbeitete und erweiterte. – 136 s.
13. Wolff G. Deutsche Sprachgeschichte: von den Anfängen bis zur Gegenwart. – Francke, – 2004. – 318 s.
14. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini / R. Conrad – VEB Bibliographisches Institut Leipzig, – 1978. – 306 s.

Selitskaya Zoya Yanovna,
PhD., (Philology), Associate Professor,
Tyumen State University
E-mail: kelberer_gr@mail.ru

Yurinova Evgenia Alexandrovna,
PhD., (Education), Assistant Professor,
Tyumen State University
E-mail: evgenka555@yandex.ru

SEMIOTICS OF LEONID DOBYCHIN'S SHORT STORY *EUDOKIA*

Abstract: The article presents a semiotic interpretation of the less-known short story *Eudokia* by Leonid Dobychin. Particular emphasis is made on the interpretation of spatial and olfactory signs in the narrative. It is argued that in *Eudokia* Dobychin tried to translate into prose the traditions of Old Russian iconography.

Keywords: semiotics, semiotic analysis, Leonid Dobychin, *Eudokia*, spatial structure, olfactory elements.

Eudokia is a short story written by Leonid Ivanovich Dobychin as part of his first manuscript in 1923 and early 1924. A collection of those early stories was called *Evenings and Old Women* [2, 532]. Dobychin's letters suggest that the story was particularly significant to him despite its unfavourable reception in the writer's environment.

In October 1924, Dobychin turned to Korney Ivanovich Chukovsky with a request to publish the story: "Dear Korney Ivanovich, may I ask you to read this manuscript? It is an old one (last year's) and not at all fashionable" [2, 249]. Disappointed by the rejection of the story, Dobychin confessed, "I'm sorry that you cannot accept Katerina Alexandrovna (meaning *Eudokia* – A/N). Of all that I've written I like it best" [2, 250]. The following day, Dobychin sent Chukovsky another letter asking him to return the ill-fated manuscript, "Dear Korney Ivanovich. To yesterday's letter I have to add this: as for this nasty manuscript, the one which ought not to be published, please send it back. I'll shove the fresh details from it into other stories when the time comes" [2, 250].

The letters to Chukovsky testify that the new creative ways realised in *Eudokia* were extremely im-

portant to Dobychin. He continued to turn to them throughout his work, discarding or altering something, but in some way reasserting himself despite criticism and misunderstanding.

One of the key experimental features of Dobychin's *Eudokia* is the category of space, and the spatial structure of the story has a pronounced mythopoetic content.

Spatial coordinates are already outlined in the first part of the narrative. One of the heroines, Anna Ivanovna, is described sitting on a precipice, with a multidimensional spatial picture opening from her elevated position. Each element of the described space will appear more than once further in the text and will acquire additional semantics. One episode of the story contains all the dominant spatial features: the sky; the street; the intersection of the two main rivers: the Dvina, with which the whole life of the provincial town is connected, and the small Yeldyzhka river, which will acquire a special meaning for Katerina Aleksandrovna – the main character of the story; the park; the square; a hill crowned with two churches: a big white one and another one, smaller in size; the other hill with a painted chapel.

Here the vertical axis (the sky, the hills) and the horizontal axis (the rivers, the streets) are clearly marked.

The abundance of loci in the first part of the story indicates a prominent role of spatial relations in the fictional world of the story.

The Dvina river is the main spatial reference point of the story. It organizes the space of the first part of the story and becomes a strategic center of the narrative as a whole: all the key events are connected with the Dvina. Life is bubbling on the riverside: children and adults are bathing, cows are standing with their front feet in the water, rafts are floating, oars are creaking, holiday-makers are swinging in hammocks along the banks, etc. No matter what the characters' movements are, they are inevitably drawn to the river because each and every road, path, and street either leads to the river or stretches alongside. In addition, the Dvina provides a compositional framework: the story begins with a description of events on the river and ends with a symbolic image – the peaceful happiness of people bathing is disturbed by the tragic news of the outbreak of World War I.

Literary critics have often referred to water as one of Dobychin's main mythologemes. Viktor Erofeev argues that water in Dobychin's prose "reveals not only the body, but also the soul; it is tempting and dangerous, it is erotic and deadly. The element of water is covertly yet unambiguously opposed to the element of fire manifested in revolutionary flame and transformation. Water quenches all that fire" [3, 7]. Being a pure element, water defies contamination and "washes and drowns all sorts of misfortunes" [5, 197]. Through water, people tap into what is true, eternal, and beautiful. The characters in *Eudokia* intuitively gravitate towards the water element as a means of salvation. In this sense, particular importance is attached to the episode where the Yeldyzhka river is renamed as the river of St. Eudokia, which is, in fact, a reminiscence of St. Eudokia's hagiography* [6].

Katerina Aleksandrovna, the main character of the story, decides to correct the "wrong" vulgar name of the river. According to Vladimir Dal's Diction-

ary, the low colloquial Russian word *yelda* denotes the male reproductive organ. Its verbal derivative, *eldyshit*, means 'to quarrel, to brawl, to scold'. The derivative noun *eldyga* stands for 'a quarrelsome and self-interested person' [1, 469].

The act of renaming the river is important for the heroine because her own existence acquires a divine quality thereby, and she moves closer to the ideal. In addition, Katerina Aleksandrovna strives to establish a dialogue between Orthodox and Catholics. It is also reflected in the choice of the river's name because the martyr Eudokia is equally venerated by Orthodox and Catholic Christians.

Dobychin's views and perceptions, however, are not those of his heroine's. The author's irony is apparent throughout the text. By the act of renaming the river, Katerina Aleksandrovna strives to change its very essence, that is, become like God. The desire of the heroine to play a special role in the social and religious life of the provincial town gets nothing but a wry smile, but her striving to escape from the everyday material world to a higher and more spiritual one gains the author's sympathy.

It is not accidental that another spatial feature, the sky and celestial bodies, are associated with the image of Katerina Aleksandrovna. The sun and the moon are the ones mentioned the most in the story. Katerina Aleksandrovna draws the attention of the people around her to the beauty of the light pouring down from heaven. "Look, dear Anna Frantsevna," said Katerina Aleksandrovna. "It is as if we were inside in a green glass vial with the light coming through." [3, 302]. She is capable of an aesthetic perception of celestial scape, "Dear Dashechka and Ieretiida, can you see those thin twigs against the bright sky? They look as if etched on silver with a tiny thin needle" [3, 305]. The emotional state of the heroine is also revealed through her perception of the sky, "The morning moon was paling. 'Tilted,' sighed Katerina Aleksandrovna, 'like a dull face ... So pale and crooked, like a bare dandelion head whose seeds have flown away ... That is how you, too, fly away,

dreams” [3, 308]. The appearance of Katerina Alexandrovna in the text is accompanied by descriptions of the sky, “Katerina Aleksandrovna went, solemn and jubilant. The moon, one part of it luminous and the other dark, looked like a steamship window hung with a half-drawn black curtain” [3, 306]. “There was a warm, wet wind, the sky was gray, the road turned black, gray fences and houses darkened. Katerina Aleksandrovna was walking to mass” [3, 306]. “At the end of the street, where the deep blue cloud broke off, a yellow strip in the sky glowed brightly. Katerina Alexandrovna walked in silence” [3].

Being the only one associated with the spatial vertical axis, Katerina Aleksandrovna is distinctly different from the other characters. What is more, she is in the centre of the olfactory space of the story.

The second part of the story is filled with the smell of blooming linden trees, “The scent of linden blossoms was in the air” [3, 300]; “The lindens in bloom gave away a sweet fragrance” [3, 302]. It is the only smell mentioned in the key episodes of the second part of the story when Katerina Alexandrovna visits a cemetery, “Katerina Alexandrovna sat down on the bench, lingered for a while, looking at the monument with the portrait of an old man in medals and epaulettes, got up, crossed herself; the bonfires were burning low” [3, 302]. The path to the cemetery for Katerina Aleksandrovna and her companions has long been habitual, evoking no reflections on the eternal or divine. On the contrary, the women are absorbed in momentary trivial things. Only the smell reveals the state of Katerina Alexandrovna’s soul. The aroma of sweet-smelling linden blossoms symbolizes love and fidelity in marriage [5]. For Katerina Alexandrovna, love and marriage are things of the past. For a moment, the fragrance transports her back into that past, sharpens the sense of loneliness, makes her perceive the environment in a more sublime light, and engenders a desire to communicate with a spiritually close person: “Katerina Alexandrovna was thinking of a lady who would have been ready with an elegant and refined reply” [3, 303].

The smell of linden blossom also speaks of love in the air; it is an essential feature of a leisurely lifestyle. In the artistic world of the story, the sweet fragrance fulfils yet another function: it induces the heroine to perform spiritually meaningful acts. Granted, the spiritual is understood by Katerina Aleksandrovna rather primitively, as something worthy of approval and praise from a respected person, “She walked along a narrow street, looking at the small windows with cardboard horses and clay lions arranged between the frames, and she thought, smiling, how a certain lady would say to her, ‘I’ve heard about your activities – wasn’t it you who fixed the name of the river? I’m surprised that we have not been acquainted for so long ...’” [3, 305].

Thereafter, the artistic space of the story is filled with the smell of flowers. The sixth part of the story reads, “There was a scent of jasmine coming from the front gardens”, the seventh mentions the “scent of clover” and, finally, the ninth chapter contains the words, “It smelt of flowers.”

Jasmine symbolizes friendliness, and the appearance of this smell in the story is related to the semantics of the sixth part, an account of the long-awaited unification of the town’s Russian inhabitants on religious grounds. That the semantics of colours was important for Dobychin, and that he took it into account creating his work is evidenced by the fact that in the seventh part the writer interprets the meaning of clover based on Christian symbolism, “There were no more fences. The scent of clover filled the air. ‘Look at the carnations,’ Katerina Alexandrovna pointed out. ‘They remind me of the sacrament. As if droplets of holy gifts ... Offered in vain and rejected’” [3, 314]. In the Christian tradition, “a clover with three leaves, also called a shamrock, symbolizes the Trinity” [6, 320]. Flowers in general personify the beauty and harmony of existence. Flowers are mentioned in the story many times, but their smell hardly ever is, therefore, it acquires special significance.

The smells in the story have a pronounced positive colouration. They are associated with beauty,

love, the divine origin, and constitute an ostensible contrast to the content of the story. After all, the people depicted by the writer are imperfect, sometimes ridiculous in their vanity, which seems to them very significant and full of high aspirations. Yet, there is no contradiction here. Smells are elusive, appearing suddenly and disappearing just as unexpectedly. In Dobychin's story they are associated with the spiritual world. Unlike in Symbolism, there is no opposition between the spiritual and the mundane, nor is there any movement towards the spiritual and the sublime. The characters of the story, Katerina Aleksandrovna in particular, never come to fathom eternal truths. Instead, they momentarily tap into those truths on an intuitive, sensual level only to return to the unspiritual and defective world with all its vanity and pointless activity. Something divine, eternal, imperishable, yet subtle and fleeting peeps through the absurd world of reality and routine. Smells become a marker of that elusive "something".

In addition, the smells present in the story are associated with nature: the river, the forest, the garden. The world of people is full of colour, e.g. a red hood, a canvas with red edges, a white church, a white jacket with blue bouquets, a black ribbon on a bonnet, a blue dress and a black apron, yellow curls, a red coat, a striped box – white and red, a green glass vial, black silk etc., but it is quite devoid of smell. An account of colours without shades or hues in the context of the narrative reinforces the impression of a picture being described and creates a detachment effect. It becomes even more tangible due to the fact that the narrative is broken into separate self-contained episodes (the first part of the story, for instance, consists of 21 episodes). As a result, time does not move in the story, everything just is. The action in each episode is confined within its limits and has no continuation in the next episode. Typical of Dobychin's prose, the unfolding of the narrative is similar to cinematographic editing (Fedorov). Both the reader and the author watch from afar, just like viewers at the cinema watch what is happening on the screen.

The remoteness of the author's and reader's views is also emphasized by a complete absence of any mention of smells.

The smells appear only in connection with the image of Katerina Aleksandrovna, who strives to perform charitable deeds and to make a difference in this world. Smells bring her closer to nature and the spiritual world, but it is just that – an approximation, not an initiation. It is clear that Katerina Aleksandrovna, unlike the other characters in the story, is a borderline case. Her state is emphasized by the occasional appearance of smells, the latter serving as "important signs of borderline states" [7, P. 266]. Ultimately, Katerina Aleksandrovna's activities prove to be as meaningless and vain as everyone else's in the story. Renaming the river does not change its existence, nor does the manifestation cancel the announcement of World War I. Even the unification of Russians proves to be a temporary phenomenon.

To conclude, Leonid Dobychin reveals the personality of the main character with the help of spatial characteristics. The author almost entirely abandons the traditional ways of character development (such as through description of appearance, speech, relationships with other characters, etc.). The story's space is filled with mythopoetical content, expanding the boundaries of the narrative and deepening the meaning of the whole text. It is not the evolution of the heroine, but her borderline state that is important to the author. For that reason, spatial aspects assume the leading role, whereas time performs auxiliary functions within the chronotop of the story.

It seems possible to conclude that Dobychin tried to translate into prose the traditions of Old Russian iconography, the latter featuring space as a major artistic category.

Eudokia is an early story, "not quite Dobychin's own", in the opinion of the critics. Its semiotics is complex, testifying to an intensive search of new possibilities of literary expression on the part of the author. It is lamentable that the pursuit was neither

understood nor supported by Dobuchin's contemporaries.

The writer constantly resorted to *Eudokia*, incorporating some of the episodes and details into his other works. Later, in a revised form and with a different name – *Old Women in a Town*, Dobychin presented this story to Veniamin Kaverin [2].

* Life of St. Eudokia, Holy Martyr of Heliopolis (Dates and names in *Life of St. Eudokia* vary in different hagiographical sources)

St. Eudokia, Holy Martyr, was a Samaritan woman from the city of Heliopolis, Phoenicia (present day Lebanon). Born and raised a Pagan, she led a sinful life for a long time. Her soul became numb, her heart hardened.

One night at midnight Eudokia woke up and heard behind the wall, in the other half of the house where a Christian lived, his praying and reading from the Holy Scripture, which spoke of the eternal bliss prepared for the righteous, and of the retribution awaiting the sinners. The grace of God touched Eudokia's heart, and she realized that the sins committed by her were a burden on her soul.

In the morning, Eudokia hastened to call for the man whose prayers she had heard at night. It was an old monk, Germanos the Elder, who was returning to his abbey from a pilgrimage to holy places. Eudokia spent a long time listening to the Elder's guidance, and her soul revived and was filled with joy and love for Christ. She asked Germanos the Elder to come back in a few days, which she spent alone, fasting and praying. Thereupon Eudokia was baptised.

She gave all her possessions away, retired to a monastery and devoted herself to rigorous repentance. The Lord forgave the penitent sinner and granted her spiritual gifts which manifested miraculously in the years that followed.

Once, when she was already the abbess, a young pagan Philostratus came to her monastery. Obsessed by passion, he entered the monastery under the guise of a monk and tried to persuade the Reverend Eudokia to return to Heliopolis and her old life. "Let the Lord

forbid you!" Eudokia answered in anger, and the pseudo-monk fell dead. Fearing that the incident would be considered a murder, the sisters prayed ardently and asked the Lord to reveal their will to them. St. Eudokia saw the Lord in a dream, and He said, "Arise, Eudokia, kneel down, pray, and your tempter will live again." Returned to life by the saint's prayer, Philostratus begged for forgiveness, accepted Holy Baptism and returned to Heliopolis. Since then, he had never forgotten the mercy of God revealed to him, and embarked on the path of repentance.

Another ordeal for Eudokia came soon. The inhabitants of Heliopolis reported to ruler Aurelian that, having adopted Christianity, Eudokia hid her wealth in the monastery. Aurelian sent a detachment of soldiers to seize the alleged treasures. However, the soldiers tried in vain to approach the walls of the monastery: the invisible power of God protected it. Next time, Aurelian sent his son to lead the soldiers. But on the very first day of the journey Aurelian's son badly injured his leg and soon died. Philostratus advised Aurelian to write to St. Eudokia, imploring her to revive the youth. In response to St. Eudokia's prayers the Lord, in His infinite mercy, restored the youth to life. Having witnessed the great miracle, Aurelian and his family believed in Christ and were baptized.

When persecutions against Christians intensified, St. Eudokia was seized and taken for torture by ruler Diogenes. One of her torturers, commander Diodorus, received the news of his wife Firmina's sudden death and, in despair, rushed to St. Eudokia for help. The martyr, full of great faith and compassion, turned to God with prayer and asked Him for Firmina to return to life. Having witnessed the power and goodness of the Lord, Diodorus and Diogenes believed in Christ and after a while were baptized with their families. For some time, Eudokia lived in Diodorus' house giving guidance to the newly converted Christians.

Once an only son of a certain widow was bitten by a snake while working in the garden, and died. The mother bitterly mourned the deceased son.

St. Eudokia encouraged Diodorus, despite all his doubts, to pray to God for the young man's revival, and the young man came back to life. Eudokia returned to her monastery and strove there in the cause of God for 56 years.

Upon Diogenes' death, Vicentius, a cruel persecutor of Christians, became the ruler. When he learned of the fearless follower of the Christian faith, he ordered her to be executed. On March 1 (circa 160–170) the Holy Martyr was beheaded.

References:

1. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language in 4 volumes: – Vol. 1.– Moscow.– 2002.– 469 p.
2. Dobychin L. Complete works and letters.– SPb: Joint Stock Company “Zvezda Magazine”,– 1999.– 544 p.
3. Dobychin L. City of N. Stories.– Moscow,– 1989.– 448 p.
4. Foley D. Encyclopaedia of signs and symbols.– Moscow: Veche, AST,– 1996.– 432 p.
5. Magic signs and plants: Reference book.– Moscow,– 198. 94 p.
6. Saint Eudokia, Holy Martyr. Orthodox Calendar. URL: <http://days.pravoslavie.ru/Life/life537.htm>. Last retrieved on 11.03.2018.
7. Slavyanskije Drevnosty [Slavic Origins] Ethnolinguistic Dictionary. Ed. by N.I. Tolstoy.– Vol. 2.– Moscow,– 1999.– P. 266–269.

Section 9. Economics and Management

*Bozhanova Viktoriia,
Dr. of Economics. Sc., Professor,
Department of Management, Project Management and Logistics,
Prydniprov's'ka State Academy of Civil Engineering and Architecture,
Dnipro, Ukraine*

E-mail: vynu7575@gmail.com

*Kononova Oleksandra,
PhD., in Economics, Assistant Professor, Department of Accounting,
Economics and Human Resources Management of Enterprise,
Prydniprov's'ka State Academy of Civil Engineering and Architecture,
Dnipro, Ukraine*

E-mail: oleksandrakononova@gmail.com

STRATEGIC APPROACH TO THE MANAGEMENT OF MODERN CONSTRUCTION ENTERPRISES

Abstract: The strategic approach involves the management influence, being purposeful and focused on anticipating the future development of processes and phenomena. The strategic approach allows construction enterprises to inform a complex of management decisions, the introduction of which will provide the opportunity for the enterprise to adapt to the state and structure of the market environment in the long-range period, prepare the internal environment of this enterprise for external changes, and form strategic advantages and methods for their implementation under the expected conditions, and search for resource reserves.

Keywords: strategy, construction company, strategic management, processor of strategies, strategic structure.

The strategic approach is in the focus of scientific interests of many representatives of domestic and foreign scientific schools. A significant contribution was made by G. B. Kleiner [1], who in his works emphasizes, in particular, that the functioning of enterprises should be studied from the standpoint of three fundamental approaches:

- evolutionary;
- revolutionary;
- strategic.

Evolutionary and revolutionary approaches are based on the principles of adaptation in the management of construction enterprises. It means that any enterprise faces the need to adapt to the dynamics of the external environment, i.e. its economic behaviour is essentially adaptive. However, the actual process of adaptation proceeds in different ways and the nature of this process determines the peculiarities of the approaches considered.

The evolutionary approach reflects a gradual and consistent process. Adaptation corresponding to the

evolutionary approach is carried out in stages. This causes a higher degree of predictability of adaptive actions, and hence greater opportunities in terms of forecasting. Prognostic data describing the future functioning of the enterprise from the perspective of the evolutionary approach provide adequate accuracy and reliability, and the adaptation is carried out without sudden and unpredictable changes.

Adaptation, corresponding to the revolutionary approach, is carried out exactly when drastic, systemic changes in the functioning of the enterprise are required. This approach is applied, in particular, in anti-crisis management, the functions of which (in various organizational forms) are implemented at virtually all large enterprises.

The strategic approach has fundamentally different policies. Its key feature is the creation of clearly formulated goals, i.e. the availability of the model of an expected result. The strategic approach is in fact opposed to the evolutionary and revolutionary approaches. It is not limited to the study of a consecutive process, which is developed smoothly. It is also not limited to the development of measures to respond quickly to mutually arising crisis situations. The strategic approach always assumes goal-oriented functioning and development of the enterprise, development of a system of management actions, the implementation of which allows achieving the set goals.

The strategic approach focuses on active adaptation to the dynamics of external and internal factors, that is the adaptation, in which initiatives determined by the target orientation of the enterprise's functioning are formed and implemented.

However, the opposition of the evolutionary, revolutionary and strategic approach is not unconditional. This can be confirmed by the following considerations. First, the ideology of adaptation, being a characteristic of evolutionary and revolutionary approaches, can be taken as the basis of the corresponding independent strategy – the strategy of adaptation. In this case, adaptation as a process in the construction business, and adaptability as a property

inherent in the enterprise management system, can be based on the principles of strategic approaching.

Secondly, it cannot go unnoticed that the methodology of management has been undergoing a number of changes in recent years. One of them is the integration of methodological approaches widely used in theory and practice and the creation of a multilevel approach. Thus, in the work by A. V. Glukhikh the following thesis is provided: "... The experience of enterprises economic activity, on the contrary, indicates the application of all three approaches named above in their activities, as well as the results caused by their interaction, which further increases the uncertainty in the development and implementation of the enterprise strategy in general and the competitive strategy as a functional area of the overall strategy in particular" [2, P. 3].

The substantiation of the expediency of a multi-level approach applied to the management of the enterprise's competitiveness is presented in the thesis by E. N. Vetrova [3] for the degree of Doctor of Economics. The author detailed the following aspects:

- general methodological approaches (system, process, resource, innovative, value-oriented);
- a tiered approach by objects in which the global, macro, meso-, micro- and even nano-levels are considered;
- a tiered approach to subjects, reflecting the competitiveness of the enterprise, consumer, supplier, investor, or a state;
- a tiered approach to management, considering the strategic and tactical levels.

The specific character of this approach consists not in the allocation of individual levels, but in their integration at the level of a specific category – competitiveness, which acquires a multilevel character (Fig. 1) [3, P. 178].

In terms of the object under consideration – the strategic approach, the fundamental basis of this research concept is important, that is the possibility of achieving a positive synergetic effect from the realization of the ideas embodied in various approaches.

Within the framework of the strategic approach, the functioning of enterprises is legitimately consid-

ered as a “strategy processor” [4, P. 322]. This ability is illustrated in (Figure 2).

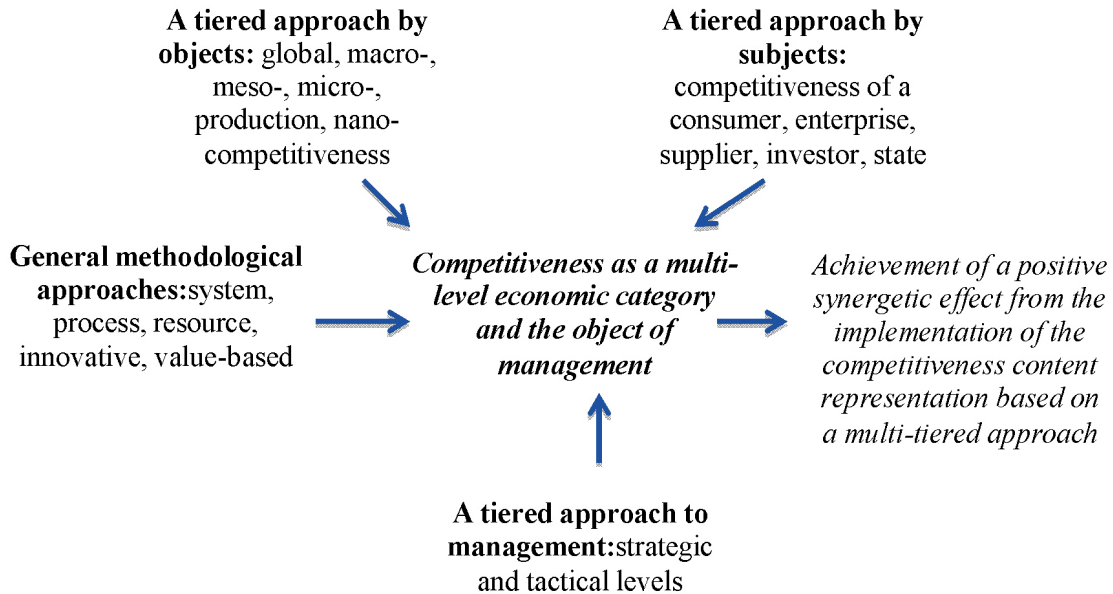

Figure 1. A concept of studies of competitiveness content as an economic category of the object of management

An enterprise as a strategy processor is able to “process” external strategies (input) and a number of own, in-house company strategies into the final strategy (output). The final strategy takes on an in-

tegrative character and a form of a “guidance for action”, and these actions are focused not only on the internal environment of the enterprise, but also on its interaction with the external environment.

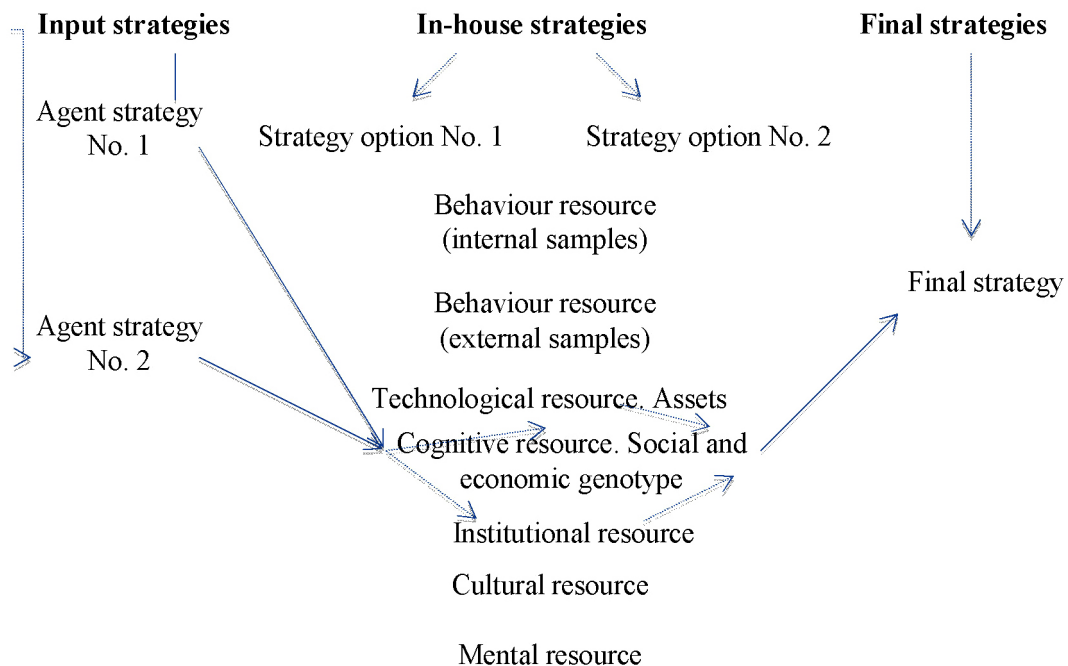

Figure 2. Enterprise function as a “processor of strategies”

G. B. Kleiner studied and summarized the features of implementing a strategic approach to enterprise management [1]. However, he did not fully describe the features of corporate strategy. These features consist, in particular, in a clearly expressed desire to maximize economic efficiency. In the field of competition, the features of the corporate strategy lie in the tendency to maximize competitiveness, which reflects the

availability of advantages in the main parameters of competitive transactions (their number, average transaction cost and profitability). Given this circumstance, it can be argued that the criterion for the effectiveness of a strategic approach is the increased performance and economic efficiency of the enterprise. A systematic increase in these indicators combined with extensive and intensive factors is meant.

Table 1. – Comparative characteristic of views of economic schools on competitive strategy content

Author	Strategy Concept
R.L. Akoff	Interactive planning as a method of strategy, promoting the introduction of future perspectives into real existing business environment
I. Ansoff	Strategy is a set of rules for making decisions, guiding the enterprise in its activity
G. Mintsberg, B. Alstrend, D. Lempel	Strategy is a plan combining the description of company goals in the form of prospects of its market position and internal state, as well as behavioural principles or models of the company at reaching these goals
J. Mokler	Strategy of an enterprise is the long-term goals and plans, set in order to provide for effective interaction of an enterprise with its competitive environment
A.A. Thompson, A.J. Strickland	Company strategy is a comprehensive management plan, designed to strengthen company position on the market and ensure the coordination of efforts, attraction and satisfaction of consumers, successful competition and reaching global goals
K. Eisenhardt, Sh. Brown	Time rhythm strategy: performance indicators, shifting, rhythms. Strategic shifting – system changes to the company business model. Time rhythm is the rate of innovations and implementation of strategic indicators.
O.S. Vihansky, A. I. Naumov	Strategy is a long-term qualitatively determined course of development of an organisation, related to the area, methods and forms of its activity, as well as the company position in the environment
A.P. Gradov	Strategy is a dynamic system of interlinked rules and methods ensuring effective creation and maintenance in the long run of competitive advantages of the companies on domestic and foreign markets of personal and public benefits
L.I. Yevenko	Strategy is a specification of the company development pattern based on the dynamics of environment through setting long-term goals, search for resources for their achievement and planning particular actions for future
G.B. Kleiner	Three approaches to the strategy content: 1) strategy as a method of goals achievement; 2) strategy as the element of goal space, precedent to the goals and tasks setting; 3) quite full and consistent complex of individual, but interrelated strategic decisions. Strategic decision is a decision of essential importance for business functioning and resulting in long-term and inevitable consequences. The decisions about using available potential are referred to tactical, regarding the potential creation – to strategic, and the ones related to the creation of potential of reproduction base development – to the superstrategic
N.N. Trenev	Strategy is a qualitative sequence of actions and states used for company goals achievement

The basic definition of a strategic approach is the concept of strategy. In [5] (Table 1.) a comparative description of the definitions of strategy is provided, contained in the works of leading representatives of domestic and foreign scientific schools, examining the issues of strategic management.

In the author's opinion, the essence of strategy as an element of strategic management of a construction enterprise is most fully and meaningfully characterized by L. I. Yevenko and G. B. Kleiner, since they are not limited to mainly formal characteristics (the availability of a plan, a sequence of actions, length, etc.) (according to [4, P. 36–37]).

L. I. Yevenko [6] draws special attention to the existence of a relationship between available or prospective resources of the enterprise, its development goals and strategies themselves. The latter is a sequence of stages, linking goals and resources within the chosen business concept. In studies by G. B. Kleiner, the strategy is also identified as a process of linking available resources or the resources that can be involved with the company objectives, focused on the achievement of desired consequences [1].

At the same time, the point of view of G. B. Kleiner regarding the use of the enterprises potential as the basis for creating tactical solutions cannot be fully accepted. A number of the latest scientific researches [7, 136] contain sufficient justification for considering the potential of the enterprise (as the basis for creating strategic decisions).

The strategy of enterprises is complex. It can be divided into many types of strategies. The range of such a set depends on the degree of detail of an overall strategy. The differentiated approach reflects the position set forth in [1, P. 354–355], according to which 13 strategies are singled out (Fig. 3).

In this structure, a number of strategies are presented, each of which can be broken down into a number of components. The criteria of structuring were the areas by which management activities are carried out in modern conditions. Some questions are related to the legitimacy of including in this struc-

ture a management strategy, because, in fact, all the elements provided are included in the strategy of enterprise management.

The provisions of the strategic approach in real practice are embodied in the strategic management system. Strategic management, in the same way as the strategy concept, is distinguished by a multiplicity of interpretations. It seems necessary to single out the interpretations put forward by S. A. Popov [8, P. 21–22]. The author provides two interpretations of strategic management, each of which proceeds from the identification of the management system.

The system of enterprise management is considered by S. A. Popov as a system of its specialized professional activity, designed to carry out the process of creating, making and implementing managerial decisions, relying on the principle of cyclicity.

All decisions must be duly justified. The justification of solutions can be achieved only if they are developed on the principles of plurality and then selection on the basis of the criterion of rationality.

The first of the definitions under consideration emphasizes that strategic management is a subsystem of the general management of an enterprise, focused on the search, justification and practical implementation of decisions that are of a strategic nature.

The second interpretation is more in-depth. It characterizes strategic management from the standpoint of managing a complex of works on professional activities to form an integral strategic structure of an enterprise, which includes strategic analysis, the development of certain types of strategies included in the overall strategy, creation of their interrelations, ensuring their interconnection. In this interpretation, strategic controlling is singled out as a separate element.

The fundamental element of strategic management is the development of an overall strategy of the enterprise, which S. A. Popov regards as a business concept of functioning and (or) development of the enterprise for a given strategic prospect, represented in the form

of a system of important management decisions and a program of adequate actions. The actions should be able to implement this concept and provide the com-

pany with appropriate sustainable competitive advantages and (or) acceptable performance.

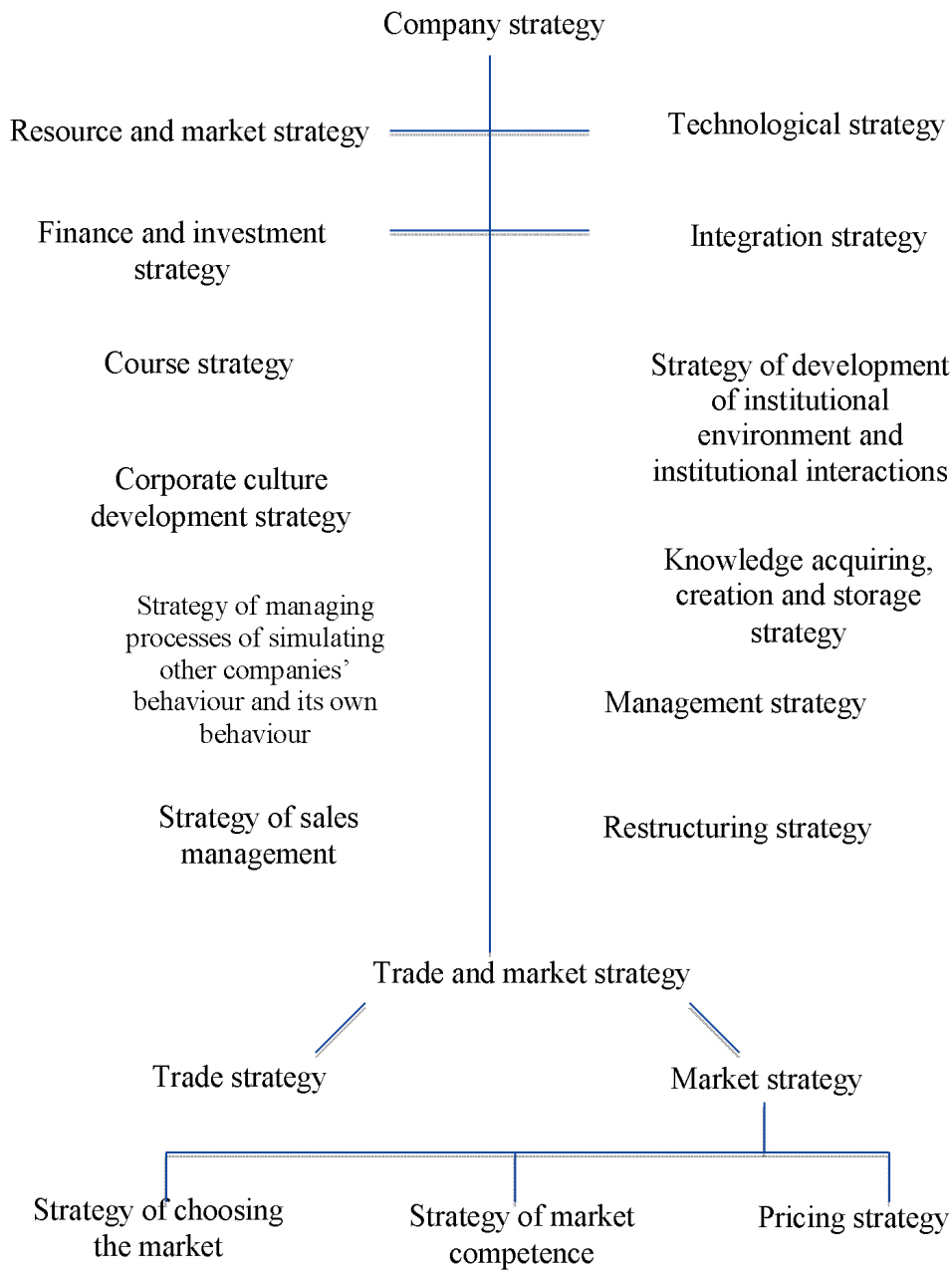

Figure 3. Differentiation of company strategies (according to [1])

Key decisions made within the framework of the overall strategy of the enterprise, including the final choice of its specific format, are, as a rule, entrepreneurial managerial decisions, i.e. the solutions representing the ideology of entrepreneurship. They take into account three main factors:

1) the results of systemic justifications of all main aspects of the strategy (predicted demand dynamics with its quantitative and qualitative characteristics, assessment of market positions and competitiveness of the enterprise and its products, analysis and assessment of production potential,

assessment of financial opportunities, analysis and assessment of labour resources, etc.);

2) professionalism, skill level and intellectual potential of managers and specialists who make strategic decisions;

3) the art of management, including the ability to foresee, professional intuition, business ability, etc.

S. A. Popov studies the concept of strategic structure of an enterprise [8, P. 23].

Considering the strategic structure of the company in a strict sense, he emphasizes that this is a system consisting of a mission, vision and overall strategy of a specific company.

In static, i.e. at a certain point, the strategic structure represents the specific formats of the mission, vision and overall strategy of this particular enterprise. In a dynamic version, the strategic structure is a system of specific dynamically developing formats

(Mission + Vision + Overall Strategy) of this particular enterprise.

The format in these definitions is a sequence of models foreseeing the future from the general (line) to the more specific (general strategy) ones. Moreover, this sequence can, in fact, go beyond the limits of the strategic structure.

In a broad sense, the strategic structure of an enterprise is a system that includes a strategic structure in a strict sense and a tactical business plan (a system of tactical business plans) specified by such a structure, as well as the actual specific business activities of a specific company (i.e. its business in real time) – the form of implementation of a specific strategic structure.

The strategic structure is illustrated by the scheme represented in Figure 4 [8, P. 24].

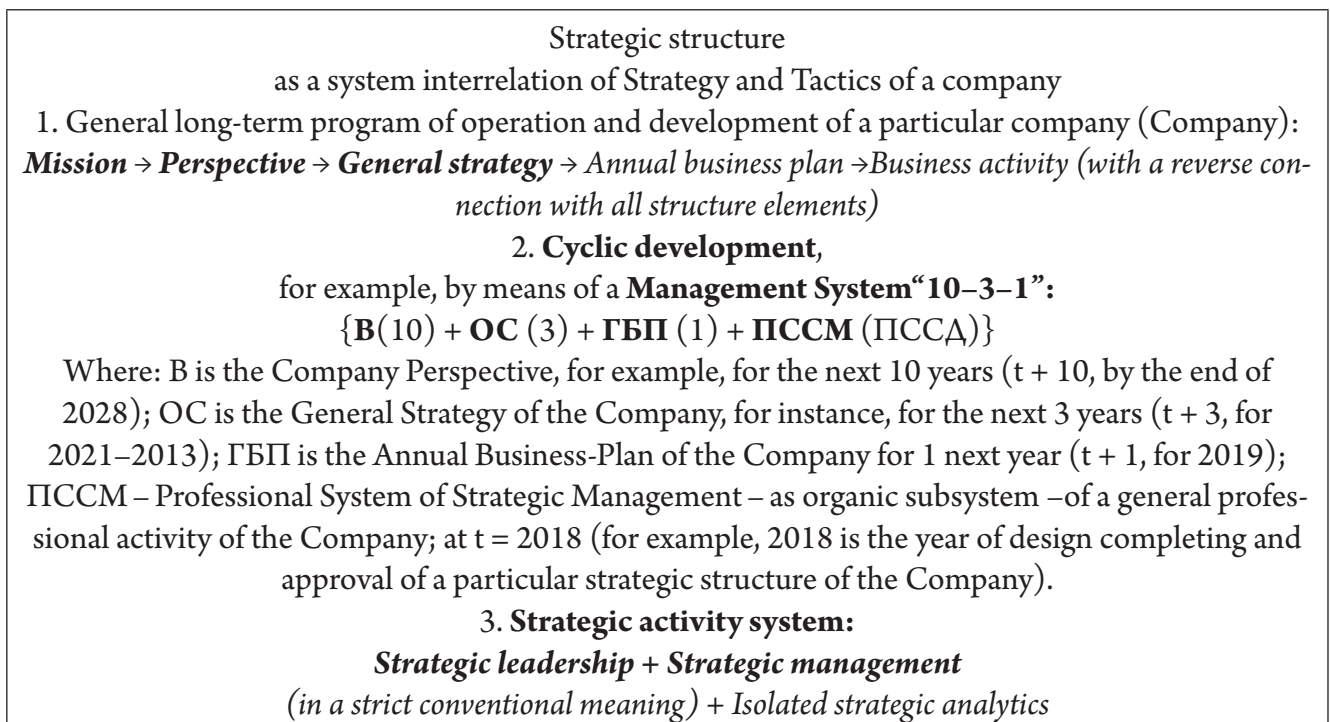

Figure 4. Strategic structure

This (broad) interpretation of the concepts “strategic structure” has a number of distinctive features.

1. It fully corresponds to the logic of strategic management in its transition from general to

particular (from the general enunciation of the mission to business activity).

2. It represents one of the basic postulates of management in general is the consistent specification of decisions.

3. It represents the time sequence in cycles allocated by strategic management.

4. It has a solid implementation base, which is extremely important, since many strategies (regardless of the subject they relate to) do not find conditions for implementation precisely because they do not develop in tactical, and then in operational decisions.

At the same time, it should be noted that the breadth of this interpretation of the strategic design is almost unnecessary. The author includes all aspects of management in it and in fact does not separate strategic actions from tactical and operational ones. Realizing that he wants to emphasize the need for consistency of actions, consistent differentiation and specification of managerial decisions, as well as the need for a full cycle of justifications to ensure their real implementation, it is worth noting that in this interpretation the differences between strategy, tactical and operational activities are not presented in full and clearly enough. Meanwhile, these differences are not only in the activity of the period, which these decisions are designed for, and not only in the degree of their specification, but also in the nature of their resource provision. It is obvious that simultaneously with the “decision tree” there is a “tree-like” structure of resources. And if the strategic level determines the total amount of resources that can be attracted to achieve the stated goals (indicating their sources), then at the tactical level the amount of possible revenues from each source is determined, and on the operational level – specific schemes of resource provision are built in real time. The uncertainty accompanying the implementation of tactical and all the more operational decisions is extremely high. The individual components of the resource market are extremely mobile. It is hardly possible to envisage their dynamics in advance. It is hardly possible therefore to create in advance such a strategic structure, which would be implemented for sure. Assistance can be provided by planning resource reserves, but they are also subject to increased uncertainty of resource components.

S. A. Popov introduces a concept of “topical strategic management”. Topical strategic management is based on the conceptual provisions of the situational approach, which, in modern interpretations, is synthesized into the principle of systematicity and situationality. “On the contrary, the situational principle and the principle of systematicity are perceived precisely as the most important complementary components of the single and integral methodological basis of this study.

Secondly, the complementarity of the systemic and situational approaches in the methodology assumes that the general systemic points of the concept of “Topical strategic management” can and should be most effectively implemented in the business practice of any particular company – only provided that the specific situation of its activities is properly taken into account” [8, P. 25–26].

It should be noted that the systemic and situational approaches are considered in uniformity, with no oppositions. The systemic approach is basic, but on its basis and within its framework it is advisable to apply the situational approach. Popov’s stressing on the situational context in the enterprise’s strategic actions is very important both from theoretical and practical point of view, faced with the instability of external environment.

S. A. Popov singles out situational features of any, quite specific enterprise [8, P. 26]:

- peculiarities of the situation itself, including the specifics of the type of business activities, business of a particular company (including a specific time period), etc.;
- features of the company’s situational environment, not only from the standpoint of analysing external constraints, but also from the position of seeking additional competitive advantages and external factors that stimulate the development of this company;
- peculiarities of the situational internal environment, which are also analysed from the standpoint of determining additional opportunities for increasing its competitiveness and advantages based on internal factors.

Both in the situational external environment and in the situational internal environment, the sources of competitive advantages are being sought in the current conditions. However the competitive advantages of a business entity always reflect the state and dynamics of the competitive environment. The state of the competitive environment and, therefore, the state of sources of competitiveness can be viewed as indicators of the situation developing in the market. In the modern construction market, these processes are observed. Crisis phenomena, uneven dynamics of market environment, reduced demand for many types of products increased the activity of competitive processes. They conditioned the need for a situational response, ensuring their relationship with long-term and competitive benchmarks, covering strategic horizon. Currently, only large and the largest producers can create competitive advantages that can persist in the long term. Enterprises belonging to the category of small and medium-sized businesses are almost completely deprived of this opportunity and can only focus on “manoeuvring” in a competitive environment, timely response to changing situations.

Topical strategic management, in this connection, involves the search for effective managerial decisions in a particular situation, i.e. real in their nature.

In accordance with the previously presented definition of the overall strategy, the notion of “topical strategic management” is associated not with the abstract, maximum effective management decisions of a particular enterprise in a given situation, but with possible really effective management decisions in this particular situation. This means real decisions that (ideally) harmoniously combine the following two system evaluations:

- a professionally acceptable, accurate estimate of a really possible maximum positive effect represented in each specific situation by the external environment of the company;
- a professionally acceptable accurate estimate of a really possible, but, as a rule, only a partial

achievement of such a maximum effect, based on the actual resource limitations of a given company in a particular situation” [8, P. 27].

An important feature of the topical strategic management is the admissibility and the possibility of partial achievement of maximum effect, and also the determination of the possible maximum effect taking into account the specific situation in which the enterprise operates. This feature modifies the requirements for strategic management of enterprises, which needs to overcome crisis phenomena, striving to come out of a recession with minimal losses.

Another peculiarity of topical strategic management is its focus on achieving full specifics in the decisions made. The methods used by it are always clearly defined and must be provided with tools for practical implementation. But it is important to emphasize that such specifics and situational actions should be linked with the principles of a systematic approach to enterprise management.

The concept of topical strategic management presupposes the development of theoretical provisions of situational strategic analysis.

All the opportunities identified by such a system situational strategic analysis, with due regard to all relevant restrictions, according to the concept of actual strategic management in specific formats of the overall strategy of each modern domestic company, must first be properly and formally represented (primarily in the relevant strategic decisions); and then become effectively implemented [8, P. 194–195].

The concept of topical strategic management in terms of its implementation involves the integration of effective tools of strategic management. This allows creation of tools that adapt to different real situations, and the very existence of such tools can form quite stable competitive advantages. That is why the concept of topical strategic management is considered in the context of maintaining and enhancing competitive advantages through innovations, intellectual strategic capital, and professional strategic thinking.

References:

1. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия. – М., – 2008.
2. Глухих А. В. Теория и методология разработки и реализации конкурентных стратегий промышленных предприятий: Монография. – Краснодар: Куб ГУ, – 2012.
3. Ветрова Е. Н. Управление потребительской конкурентоспособности судостроительного комплекса в условиях глобальной конкуренции: Дисс. На соиск. уч. степ. д.э.н. – СПб.: – 2013.
4. Гвардин С., Чекун И. Слияния и поглощения. Эффективная стратегия для России. – СПб.: Инфра – М., – 2007.
5. Высокие технологии: Организация внедрения системы менеджмента качества на предприятии: В 2 т. / Л. Д. Подлипаев и др.; Европейская акад. информатизации, Центр технологии менеджмента. – М.: Гелиос АРВ, – 2003.
6. Евенко Л. И. Стратегия в акционерном обществе // Журнал для акционеров. – 1996. – No 7.
7. Горюхин Р. Е. Формирование системы инновационного мониторинга в промышленной корпорации: Дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. – СПб.: СПбГУЭФ, – 2012.
8. Попов С. А. Актуальный стратегический менеджмент: Учебно- практ. пособие. – М.: Юрайт, – 2010.

*Vasilieva Tatiana Nicolaevna,
Candidate, of Economical Sciences, Associate Professor,
of the Department of «Management,
Marketing and Foreign Economic Activities» MGIMO University
at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
E-mail: VasilievaTN@yandex.ru*

*Vasilieva Irina Vitalievna,
Candidate, of Economical Sciences, Associate Professor,
of the Department of «Innovation Management
and Intellectual Property Commercialization»,
Russian State Academy of Intellectual Property;
E-mail: VasilievaIV@yandex.ru*

FEATURES OF VENTURE FUNDS IN RUSSIA AND THE USA

Abstract: The article discusses the features of venture financing, the stages of venture investors and shows at what stages of creation and activity of companies invest venture funds. The features of venture funds activity in the USA and Russia for the period 2015–2017 are analyzed, the experience of American and Russian venture funds is compared, in particular, the number and value of transactions by investment stages, as well as the average size of transactions by company development stages and by the number of “exits” are analyzed.

Keywords: venture entrepreneurship, venture financing, venture capital, venture funds, innovation, innovation activity, innovation system, commercialization of technologies, intellectual property.

*Васильева Татьяна Николаевна,
к.э.н., доцент кафедры «Менеджмента, маркетинга и
внешнеэкономической деятельности» Московский государственный
институт международных отношений (университет) МИД РФ
E-mail: VasilievaTN@yandex.ru*

*Васильева Ирина Витальевна,
К.э.н., доцент кафедры «Управление инновациями и коммерциализация
интеллектуальной собственности» Российская государственная
академия интеллектуальной собственности
E-mail: VasilievaIV@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕНЧУРНЫХ ФОНДОВ В РОССИИ И США

Аннотация: В статье рассматриваются особенности венчурного финансирования, этапы работы венчурных инвесторов и показывается на каких стадиях создания и деятельности ком-

паний инвестируют средства венчурные фонды. Анализируются особенности деятельности венчурных фондов в США и России за период 2015–2017 гг., сравнивается опыт американских и российских венчурных фондов, в частности, анализируется количество и стоимость сделок по стадиям инвестирования, а также средний размер сделок по стадиям развития компаний и по количеству «выходов».

Ключевые слова: венчурное предпринимательство, венчурное финансирование, венчурный капитал, венчурные фонды, инновация, инновационная деятельность, инновационная система, коммерциализация технологий, интеллектуальная собственность.

Венчурное предпринимательство, обладая достаточно большими объемами капитала и оптимизируя структуру рисков, помогает малым и средним предприятиям решить проблему недостаточности финансирования на ранних этапах существования. Основной особенностью венчурного финансирования является высокий финансовый риск, который делится между предпринимателем (командой предпринимателей) и инвесторами, предоставляющими не только финансовую, но и управленческую помощь.

Формой вложения капитала в инновационные проекты служит рисковый (венчурный) капитал, источниками которого могут служить как институциональные, так и неинституциональные инвесторы. Реципиентом инвестиций является венчурная компания, которая проходит несколько стадий венчурного инвестирования в зависимости от стадий развития бизнеса. Завершается период инвестирования процедурой выхода, которая может осуществляться несколькими способами [1].

Венчурное инвестирование начинается с процесса отбора объектов финансирования, в котором выделяют четыре последовательных этапа: общая оценка проектов на предмет соответствия стратегии венчурного фонда, оценка ситуации на рынке сбыта будущей продукции, наличие конкуренции, анализ команды предпринимателей и бизнес-плана проекта; далее составляются общие условия будущей сделки (на данном этапе остается только 2,5% от общего числа заявленных на рассмотрение проектов); затем дается деталь-

ная оценка финансовым показателям компании за предыдущие годы (если предприятия уже прошло ранние стадии), плану развития компании, рынку сбыта продукции, наличию конкурентов, а также проводится сбор дополнительной информации по проекту (на данном этапе остается 0,5% компаний от общего числа изначальных заявок); и, наконец, осуществляется подготовка к подписанию соглашения о заключении сделки, а также поэтапно детализируются условия финансирования и определяются, какие размеры и формы будет принимать финансирование на каждом этапе (на данном этапе остается в среднем 0,06% от изначального числа проектов).

Неотъемлемой частью венчурного предпринимательства является риск, что сопряжено с получением высокой нормы доходности. Разделяют деловой риск, который связан с возможностью нежизнеспособности проекта ввиду сильной конкуренции, недостаточно привлекательной идеи или неуспешной команды предпринимателей и экономическими циклами, и риск ликвидности, который заключается в том, что срок окупаемости средств, вложенных инвесторами, может занять более длительное время, чем предполагалось на начальных этапах. Но инвесторы могут диверсифицировать риски путем диверсификации средств и рисков инвестора между проектами и совместного инвестирования предпринимательских проектов несколькими инвесторами.

На каждом этапе научно-производственного цикла создания нового продукта рисковый бизнес имеет определенное место. Следует отметить,

что на втором этапе начинается высокорисковое венчурное инвестирование проектов, когда проводятся прикладные исследования, начинается инновационная деятельность и маркетинг, и завершается на стадии роста, когда постепенно растет объем продаж и компания преодолевает точку безубыточности. В этот момент инвестиции перестают быть высокорисковыми, превращаясь в инвестиции в производство.

По итогам 2017 года суммарная капитализация российских венчурных и private equity (инвестирующих в проекты на поздних стадиях) фондов увеличилась впервые с 2013-го, составив \$21,2 млрд. против \$19,9 млрд. в 2016-м. Такие данные приводит Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ). До показателя 2013 года, впрочем, еще далеко – тогда он составлял \$26,3 млрд. Из общей суммы на венчурные фонды (их уже почти две сотни) приходится \$4,07 млрд. (\$3,78 млрд. в 2016-м) [4, 5].

Суммарный объем инвестиций за год увеличился на 62%, до \$1,31 млрд., при этом 58% вложений обеспечил государственный Российский фонд прямых инвестиций. Венчурные инвестиции составили всего \$125 млн. (как и в 2016-м, на пике в 2012 году было \$376 млн). По числу вложений лидирует Фонд развития интернет-инициатив, осуществивший 43% сделок на рынке. В венчурные фонды с госучастием инвестировали в прошлом году \$38 млн. (\$27 млн. в 2016-м), при этом их доля в общей капитализации фондов снизилась до 22% с 24%. Намечалось изменение структуры инвестиций – в ИТ-проекты было направлено 58% вложений всех венчурных фондов (77% в 2016-м), доля проектов в сфере промышленных технологий выросла с 8% до 22% [4].

Инвестиции частных венчурных фондов за год, напротив, снизились – с \$101 млн. до \$87 млн. (капитал таких фондов вырос с \$2,89 млрд. до \$3,18 млрд., их число – с 124 до 140). 73% частных фондов по-прежнему инвестиру-

ют только в ИТ и лишь 8% ориентированы на реальный сектор (среди фондов с госучастием таких 25%). Прогноз о буме корпоративных венчурных фондов пока не оправдался – на них приходится лишь 13% рынка (\$532 млн. против \$402 млн. в 2016-м), их количество за год выросло незначительно – с 15 до 17, а инвестиции составили всего \$7 млн. и касались исключительно проектов в ИТ [4, 5].

В 2018 г. в РАВИ ждут прироста вложений за счет новых фондов, создаваемых с участием Российской Венчурной Компании (РВК) в форме инвестиционного товарищества. По данным РВК, в прошлом году такие фонды в рамках 27 сделок инвестировали \$51,7 млн. [6].

В США и европейских странах основными источниками венчурного капитала являются пенсионные фонды и страховые компании, тогда как в России до недавнего времени данным институтам запрещалось инвестировать в венчурные проекты. Только в августе 2016 г. Центральный банк разрешил инвестировать пенсионным фондам в венчурные проекты, но с ограничением – до 5% средств [7].

Количество и стоимость сделок на российском рынке венчурного инвестирования все еще незначительны, и венчурная индустрия в основном определяется объемом крупных сделок, которые носят единоразовый характер.

Сравнение показателей количества и стоимости сделок на рынке России и рынке США подтверждает, что российский рынок венчурного инвестирования еще очень молод, и требуются серьезные меры и большое количество времени для того, чтобы немного приблизиться к американским показателям (таблица 1).

Так, например, в 2016 г. количество сделок с венчурным капиталом в России составило 2,2% от количества сделок в США, а стоимость сделок в России составила 0,24% от стоимости сделок с венчурным капиталом в США.

Таблица 1. – Количество и стоимость сделок в 2015–2016 гг. [8, 10]

		Россия (\$ млн. США)		США (\$ млрд. США)	
		2015	2016	2015	2016
Всего	количество	180*	184**	10565	8469
	стоимость	232,6	165,2	79,3	69,1
Посевная стадия и стартап	количество	46	53	5683	5087
	стоимость	20,9	17,6	8,162	6,61
Ранняя стадия	количество	77	73	3013	2496
	стоимость	64,5	60,4	24,7	24,1
Поздняя стадия	количество	28	31	1772	1525
	стоимость	147,2	87,2	46,4	38,4
Выходы	количество	26	30	961	726
	стоимость	1573,5***	120	50	47

*с учетом 29 сделок с неизвестной суммой

**с учетом 27 сделок с неизвестной суммой

***с учетом выхода Accel Partners, Kinnevik и Northzone из Avito (сумма сделки составила \$1,2 млрд.)

Количество и стоимость «выходов» в России в 2016 г. также меньше аналогичных показателей в Америке и составляет 4,1% и 0,2% соответственно от числа «выходов» американских компаний соответственно. Однако можно заметить, что доля «выходов» российских компаний от общего числа сделок 16,3% превышает долю «выходов» американских компаний 8,5% практически в два раза, но стоимость «выходов» от общей стоимости совершенных сделок в этих двух странах практически

одинаковая и составляет 72,6% для России и 68% для США. Данный анализ позволяет сделать вывод, что «выходы» в России осуществляются чаще, однако в США, при равном количестве «выходов», стоимость одной такой сделки будет в два раза превышать стоимость одной сделки по «выходу», осуществляемой в России [8, 10].

Что касается среднего размера сделок (см. таблицу; 2), показатели США превосходят российские.

Таблица 2. – Средний размер сделок по стадиям развития компаний (\$ млн. США). [8]

	Россия		США	
	2015	2016	2015	2016
Посевная стадия и стартап	1	0,8	1,7	1,7
Ранняя стадия	0,8	0,8	9,4	10,8
Поздняя стадия	5,3	2,8	28,3	26,9

Так, согласно таблице 2, наибольший разрыв можно наблюдать на ранней стадии развития компаний – средняя стоимость сделок в США на данной стадии в 2016 г. в 13,5 раз превышает среднюю стоимость сделок на ранней стадии в России; на поздней стадии разрыв России и США в 2016 г. составляет 9,6 раз, а на посевной стадии и стадии

стартапа средний размер сделок в США в 2016 г. составлял \$1,7 млн. [8].

Закона, регулирующего венчурную деятельность в России напрямую, не существует. В 2009 г. возникло предложение создать Федеральный закон «О венчурной деятельности», однако, данный законопроект не был принят.

В США подобного закона также не существует, однако в России нормативно-правовой акт, регулирующий венчурную деятельность, необходим, и прежде всего для того, чтобы обеспечить правовую защиту венчурного бизнеса, которому присущи особые риски, отличающие эту деятельность от любой другой и, в том числе, от прямого инвестирования, а также участников этой деятельности, так как правовая незащищенность делает венчурный бизнес непривлекательным для инвесторов [1, 3].

Вовлечение различных институтов в процесс финансовой и инновационной поддержки венчурной деятельности, таких как международные организации, правительственные организации, компании, связанные с банками, пенсионные фонды, страховые компании, благотворительные фонды, крупные корпорации и фонды фондов, также оказывает положительное влияние на развитие венчурной деятельности в России. Развитие технопарков, технополисов, бизнес-инкубаторов, центров поддержки предпринимательства, центров трансфера технологий способны активизировать инновационную деятельность, а вместе с тем и венчурную.

Стабильное количество сделок говорит о продолжающейся активности венчурных инвесторов на российском рынке. Средний размер сделки сократился, что можно объяснить повышенной осторожностью инвесторов относительно венчурных активов, желанием диверсифицировать риски и инвестиционный портфель путем инвестирования небольшого количества средств в большое количество компаний и объединением инвесторов в консорциумы с целью распределения рисков между несколькими инвесторами.

Факторы, которые необходимы для активизации венчурного рынка в России, это – разработка законодательной базы, регулирующей венчурную деятельность; вовлечение различных институтов в процесс финансовой и инновационной поддержки венчурной деятельности; создание над-

лежащей инфраструктуры для беспрепятственного осуществления инновационной и венчурной деятельности, например, информационного обеспечения, услуг по вопросам маркетинга, рекламы и юридических консультаций; а также развитие международного научно-технического сотрудничества.

В США в 2017 г. было совершено 8100 сделок на сумму \$84.2 млрд. Что касается стадий развития компании, на посевной и начальной стадиях темпы инвестиций в американскую предпринимательскую экосистему снизились в первом квартале 2017 г., и составили \$1450 млрд. по сравнению с \$1467 млрд. в предыдущем квартале. Такой спад объясняется тенденцией венчурных инвесторов сокращать инвестирование новых проектов, отдавая предпочтение поддержке существующих портфельных компаний. Размеры сделок выросли, и средний размер составил около \$1 млн. [3].

В 2017 году в США наблюдается значительный объем капитала, привлеченного микро-венчурными фондами. В период с 2011 по 2015 год количество фондов микро-венчурного инвестирования удвоилось, и сегодня они составляют примерно \$5 млрд. [10].

В последнее десятилетие в компаниях, получивших поддержку от венчурных капиталистов, заняты почти 30% общего числа, работающего в публичных компаниях населения США, что позволяет говорить о том, что венчурное финансирование играет немаловажную роль в экономике, создавая дополнительные рабочие места.

С одной стороны, тот факт, что многие успешные предприниматели выбирают финансирование венчурных фондов, говорит о том, что инвестирование играет важную роль в предпринимательской экосистеме и в экономическом развитии страны. Но все же важность венчурного финансирования зачастую недооценивается, так как положительные эффекты, которые эти фирмы создают, трудно измерить количественными показателями. Например, технологии, созданные

в рамках таких корпораций, как Windows и FedEx, изменили мир, но в целом их влияние трудно представить в виде конкретных цифр.

Компании с поддержкой венчурного капитала играют все более важную роль в экономике США. За последние 20 лет эти компании стали основным движущим фактором как экономического роста, так и занятости в частном секторе. Растущее число предпринимателей выбирает венчурное финансирование, так как они считают инвестирование венчурных капиталистов лучшим способом развития своих компаний. Это позволяет говорить о том, что венчурное предпринимательство является важной частью инновационной экосистемы, что оно способствовало становлению и росту некоторых из самых успешных компаний мира.

В настоящий момент фонды венчурного инвестирования составляют неотъемлемую часть американской экономики. На 2015 г. США остаются лидером в индустрии венчурного предпринимательства – за этот год было заключено 3916 сделок стоимостью \$72 млрд. В свое время венчурные инвестиции получили такие крупные компании, как 3Com, Tesla, Genentech, Bed Bath & Beyond, Google, Whole Foods Market, Apple, Starbucks, Microsoft, Costco Wholesale и т.д. [3].

В 1 квартале 2017 г. в США самыми активными фондами на посевной стадии стали: Techstars – 7 сделок, 500 Startups – 6 сделок и First Round Capital – 5 сделок; самыми актив-

ными фондами на ранней стадии стали Greycroft Partners – 12 сделок, ARCH Venture Partners – 9 сделок и Accel – 8 сделок; самыми активными фондами на поздней стадии стали New Enterprise Associates – 16 сделок, Kleiner Perkins Caufield & Byers – 11 сделок и фонд Andreessen Horowitz – 7 сделок [9, 10].

Что касается стадий развития компании, на посевной и начальной стадиях темпы инвестиций в американскую предпринимательскую экосистему снизились в первом квартале 2017 г., что объясняется тенденцией венчурных инвесторов сокращать инвестирование новых проектов, отдавая предпочтение поддержке существующих портфельных компаний. Общая тенденция показывает, что объемы инвестиций идут на спад, приближаясь к показателям 2013–2014 гг.

В США инвесторы вкладывают капитал в компании, где ожидания основателей более тесно связаны с интересами инвесторов, а также ищут возможности за пределами крупных центров деловой активности, таких, как Кремниевая долина, где стоимость ведения бизнеса резко возросла за последнее десятилетие.

В целом, сохранение активности венчурных инвесторов на российском рынке, а также прогнозы о восстановлении инвестиционной активности в 2017 г. позволяют с некоторым оптимизмом оценивать дальнейшие перспективы развития российского венчурного рынка.

Список литературы:

1. Васильева Т. Н. Венчурное предпринимательство: учеб. пособие / Васильева Т. Н.; Рос. гос. ин-т интеллектуальной собственности. – Москва, – 2004.
2. Васильева Т. Н., Васильева И. В. Институциональные особенности выбора приоритетов инновационной политики США // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – Т. 7. – № 3 А.
3. Васильева Т. Н., Васильева И. В. Особенности венчурного финансирования в США // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 3.
4. Венчурные инвестиции не растут без господдержки // Коммерсантъ. № 48 от 22.03.2018, – с. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://kommersant.ru/daily/110830>
5. РАВИ. Российская ассоциация венчурного инвестирования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.rvca.ru>

6. РВК. АО «Российская венчурная компания».– [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: <http://www.rvc.ru>
7. ЦБ разрешил вкладывать пенсионные накопления в стартапы // Известия. от 24.08.2016 – [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: <http://izvestia.ru/news/628587>
8. Money Tree™. Навигатор венчурного рынка Обзор венчурной индустрии России за – 2016 год.– РвС, ОАО «РВК»,– 2016.
9. NVCA. Национальная ассоциация венчурного капитала США – [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: <https://nvca.org>
10. PitchBook-NVCA. Venture Monitor. NVCA, 4Q 2017.– [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: <https://nvca.org/research/venture-monitor>

*Myronova Olena Oleksandrivna,
Senior lecturer, of the marketing department
Dnipro State Agrarian and Economic University
E-mail: i.marketing@dsau.dp.ua*

FORMATION OF THE MANAGEMENT SYSTEM FOR BUSINESS PROCESSES OF AN AGRICULTURAL ENTERPRISE

Abstract: The essence and necessity of realization of the process approach to management of agricultural enterprises are considered. Improving the efficiency of agribusiness enterprises is based on an analysis of the effectiveness of business processes; identification of specific, problematic and key business processes of an agricultural enterprise, identifying the causes of inefficient management of the functions and processes of the enterprise, identifying resource and intellectual opportunities for implementation of methods for improving business processes; calculation of the effectiveness of the proposed measures, control and implementation.

Keywords: process, business process, agriculture, process approach to management.

Introduction. Business processes are one of the main tools for increasing the efficiency of entrepreneurial activity. This is primarily due to the high dynamics of an entrepreneurial environment in which, for effective functioning, managers and leaders must quickly adapt and adopt competent, timely management decisions. Therefore, the leaders of agricultural organizations, as well as small rural entrepreneurs, have an important task – to form an effective management system that can provide breakthroughs in key, promising production processes and ultimately achieve high production and financial results.

Unfortunately, many Ukrainian agricultural producers are far behind foreign businessmen not only in technical and technological development, but also in using innovative forms of organization management. The application of the process approach and improvement of business processes in agriculture are poorly studied. At the same time, the very process management approach can reduce unproductive costs and improve product quality, receive diverse information about the current state of business and make timely and strategically right decisions.

Analysis of recent research and publications. The fundamental basics of research in the manage-

ment of business processes were scientific developments of foreign scientists and specialists in the implementation of business process management in the production practice M. Hammer [1], D. Harrington [2], A.-V. Sheer [3]. Further development of the problem of managing business processes was found in the writings of O. Vinogradova [4], V. Elifirov [5], T. Lutskaya [6], R. Murtazaeva [7], V. Repin [8], V. Chaadaeva [9]. Their studies revealed the conditions, trends and patterns of business process management at enterprises, formed approaches to building organizational, managerial and institutional structure of management of business processes in various forms of business. The conclusions and recommendations contained in the works of the named scientists allowed to form theoretical and methodological basis of the study of the management system of enterprise's business processes in agrarian and industrial complex.

Insufficient attention in the economic literature is devoted to improving the business process management system of the agricultural enterprise, the depth of the development of this problem practically does not meet the needs of the economy, which is focused on the sustainable development of agro-industrial

production. Many issues of technology management of agricultural enterprises in a changing market environment, as well as the practice of reforming agro-industrial organizations are not sufficiently considered.

Formulating the goals of the article (task statement). The purpose of the article is to substantiate and develop theoretical and practical recommendations for improving the management of business processes at agricultural enterprises, which contribute to improving the efficiency of their activities.

Presentation of the main research material. Management of business processes in agricultural organizations has its own specificity, which stems from the features of agriculture. Dependence on natural factors: soil and climatic conditions, bioclimatic potential of the zone of management, determines the specialization of production and, accordingly, is the determining criterion in the allocation of the main business processes.

More time should be given to operational management in connection with the presence of increased risk. For the effective functioning of production business processes, provision should be made for the creation of natural resources for the next cycle of production. It is necessary to take into account seasonality of production when planning and allocating business processes for maximum usage of the labor resources.

When improving, it's important to remember that the functioning of an agricultural organization can not be interrupted at the time of the transformation, so planning should take into account the strategic goals and objectives of the enterprise as a whole and ensure the continuity of the transition to a new structure.

The process of improving business processes includes 6 steps:

1. Shaping of goals for improving of business processes. At this stage, the goals of implementing future transformations are defined, organizational changes necessary for implementation of the upcoming business processes models are planned, and the

key principles for improving business processes are determined.

2. Description of existing business processes. The second stage involves careful diagnosis and analysis of existing problems. Information about the processes is collected through questionnaires and interviews. Next, the processes structural model is built on the basis of identifying organizational boundaries and dividing business processes into internal and external ones. If there is a need, the most problematic business processes will be decomposed to separate jobs. In agricultural organizations, the basis of decomposition can serve as technological maps, which describe in detail the technology of the implementation of individual operations.

3. Determination of requirements and of a list of business processes metrics and their results. It is very important at this stage to correctly identify the requirements and parameters for improving business processes. It is advisable to build a system of key indicators of business process efficiency.

4. Definition of methods and tools for improving business processes. After identifying the necessary parameters for future business process models, it is necessary to select the methods and tools by which the processes will be improved. It should be clarified what will be the nature of future transformations – either evolutionary or revolutionary.

Currently, the most well-known methods for improving business processes are: the method of rapid analysis of decisions (FAST); benchmarking process; continuous improvement of the process; greenfield process; reengineering the process [10].

5. Development of a model of business processes. At this stage, the desired models of business processes are developed, which will vary significantly in terms of performance, efficiency and adaptability from existing ones.

6. Implementation of business process models. The introduction of new business processes implies certain organizational transformations. For effective implementation, it is important to carry out

explanatory work with the personnel of the company, as well as to organize seminars for training for employees of the organization. It is necessary to organize monitoring of the implementation of changes in order to make timely changes to adjust the parameters and values of indicators of efficiency of business processes.

Selection and classification of business processes of a particular enterprise and definition of their parameters is a difficult task to be performed during implementation of the process approach of organization and management of the enterprise.

– the methodology for identifying business processes must be clear to managers, and it should demonstrate the feasibility of implementing a process approach to enterprise management and solve the following tasks:

– ensure the comprehensiveness, transparency and manageability of the management system based on the process approach;

– determine the list of processes of the system, their names, limits, managers, interconnections of inputs and outputs;

– lay the opportunity to change the system of processes when changing the strategic objectives of the organization.

The last point is particularly important as the simulation process, based on the application of existing business process description methodologies, is subjective. The degree of subjectivity can become a serious obstacle for their further use, therefore, during modeling of business processes, one must remember that the model of processes may become irrelevant in several months after its creation due to the possible ongoing changes in organization. Therefore, the description of business processes should be used in working documents, which should be under constant adjustments in order to ensure the correspondence of real activities.

Before starting to introduce the process control system in the enterprise, it is necessary to conduct a procedure for identifying business processes. In

a number of cases, this may prove to be a daunting task, since it is not always obvious in what business process a particular department of an enterprise having a structure built on the functional principle, is involved.

To understand the situation, consider two approaches complementing each other. The first and easiest approach is to list all business processes that are likely to be of key importance to the organization; this work is often based on already existing, previously compiled descriptions of processes or procedures performed at one time, for example, for enterprise certification according to ISO 9000 or for other purposes.

This is typical and, in our opinion, the most subjective view of the process approach, which is to allocate “something” in a subjective way, with vague boundaries and unclear priorities and the definition of this “something” as a business process.

The second approach, systematic, is the selection of a sequence of interconnected elements (the relationship of elements can be viewed from top to bottom, and bottom to top). The strategy of an enterprise is defined and shaped by stakeholders (that is, organizations, institutions or individuals having a legitimate interest in organizing its business process) that have certain expectations with respect to products or services supplied by the organization through the business processes by which they produce this products and services, as well as support and the possibility of their production.

By iterating this sequence of items in turn, it is much easier to identify business processes and understand what is needed to justify the expectations of stakeholders. Determining these expectations usually simplifies the situation, even if there are sometimes conflicts of interest among stakeholders.

When all these expectations are identified and ranked based on the importance of the benefits, you can begin to identify the business processes that are implemented to meet these expectations. In fact, this means the allocation of business processes based on

the analysis of value creation chains, starting with external clients. This approach seems to us most acceptable in the allocation of business processes, moreover, it does not contradict the combination of the process approach with the existing functional hierarchical structure.

We believe that the most appropriate method is the identification of business processes, based on the recommendations and requirements of ISO 9001, which differs from the method of “Business Process Reengineering” and is more based on the methodology of a “complete” description of business processes proposed by VV. Repinim, V. G. Eliferov [8].

In this methodology, the initial data for identifying the business processes of the organization is the exact information about the characteristics of the product / service being produced. Based on the principle of customer orientation, it should be assumed that these characteristics should ensure the competitiveness of products / services.

For example, as the criteria of competitiveness, the price and quality are chosen, the latter is comprised by the quality of the product and the quality of service. A list of characteristics is given by a chain of production or business processes that consistently create value for the consumer. We call this group the “business process of creating products”. As a rule, this group includes business processes ranging from marketing research and contracting, result of which is the information about the requirements and/or the buyer expectations, the production, to the supply of finished products to the consumer and its services. Thus, the group “business process of product creation” will include activities that directly add value to products or services.

According to this method, the identification of business processes includes the following steps:

1. Determination of the content of business processes and compiling a list of business processes of the organization. The initial data for the identification of business processes will be information about the organizational structure of the enterprise, that is,

the data about the divisions of the organization are primary, in contrast to the reengineering approach. The description of the order of allocation of business processes of the organization (algorithm of allocation of business processes) contains the following actions:

- identify external clients of the organization (environment) and inputs / outputs for the organization as a whole.
- link the received inputs / outputs to the units of the organization.
- define the internal inputs / outputs for each unit.
- determine the list of functions performed in each subdivision.
- for each unit to group functions on business processes that form the outputs, attach to these business processes inputs.
- using inputs / outputs between subdivisions, group business processes of units in the business processes of the organization.
- to form matrices of responsibility for each unit, and on their basis to form matrices of responsibility of business processes of the organization.

As you can see, the created process model does not contradict in any way and does not break the very widespread functional model with a vertical hierarchical structure, and also does not contradict the project management. The process model is another representation of the functions and interactions, the basic element of which is the management of the types of activities and their results, that is, the process approach implies that the function of management focuses on the management of results, when the responsibility extends to the achievement of the result with the given parameters, and not only to fulfill the assigned function. It's obvious that in most organizations, unit managers dispose of resources within the bounds of their authority, and are responsible for the results of their activities, that is in essence are already the leaders of the processes. When identifying business processes, we can clarify the responsibilities, stages and

interactions in business processes. It is unnecessary to arbitrarily disrupt an efficient structure. After you have composed the initial version of the group of business processes and the schemes of their interaction, you can proceed to the next stage:

2. Development of a model for each business process, including a brief description of business processes, sequence of actions and process procedures (for example, in the form of flowcharts), indicators for the assessment of business processes.

The development of a model for each business process (description of business processes) includes the following structural elements: goals of each business process; resources for each business process of the organization; the business process algorithm; actions (business process documentation) that manage; monitoring and measuring the business process; assessment of business process performance; corrective actions and cautions; directions of improvement; interaction with other business processes; the procedure for making changes in business processes.

The main structural element, in our opinion, is the purpose of the business process, which forms the other structural elements of the description of business processes. Based on the requirements of the customers of the business process (both external and internal), the requirements of ISO 9001:2000, the quality policy of the enterprise, responsible for each business process (business process owners) sets the purpose of the business process, to assess the performance of which then determine the indicators, the method of their calculation and the range of criteria. The purpose of the business process is determined so as to accurately determine its purpose, direction

and expected results, while the purpose of the business process is considered as the strategic direction of this activity and is formulated in accordance with the requirements of ISO 9001. Such wording of a goal allows to determine the list of metrics necessary to monitor and measure the business process and to demonstrate its ability to achieve the planned performance. In addition, based on the achievements of the planned results, those responsible for the business process plan to carry out corrective, cautionary or improvement measures.

Improving business processes at agricultural enterprises can form a whole block of strategic advantages and provide a higher level of competitiveness of the enterprise.

Conclusions. The introduction of a process-oriented approach to managing agricultural enterprises has the following advantages: high flexibility and adaptability of the management system due to the distribution of responsibility among process owners and increasing its self-regulation; the dynamism of internal processes due to the vertical integration of resource flows; reducing the role of the bureaucratic mechanism, simplifying the procedures for coordination and control over the activities of the enterprise; process-based monitoring ensures the transparency of all operations and allows you to analyze the possible consequences of failures at one stage or another, to identify and eliminate system errors in a timely manner; improves control over operating costs of an enterprise at all stages of the business cycle; increasing the motivation of the staff, as it allows you to orient each employee to the final product, to improve its quality and the quality of performance of specific work.

References:

1. Hammer M. and Champi Dzh. Reinzhiniring korporacij: manifest revoljucii v biznese [Reengineering of corporations: the manifest of revolution in business], SPb.: Izd-vo S-Peter. un-ta, Sankt-Peterburg, Russian Federation,– 1977.– 160 p.
2. Harrington D. Optimization of business processes: documentation, analysis, management, optimization / Harrington D., Essling K. S., Harm Van Niemberen.– SPb.: AZBUKA BMikro, Sankt-Peterburg, Russian Federation,– 2002.– 314 p.

3. Shaer A. V. Business processes. Basic concepts. Theory Methods / August-William Sheer – M.: Vest-Metatehnologiya, Russian Federation, – 2008. – 182 p.
4. Vinogradova O. V. Reengineering business processes in modern management, Doneck: Don DUET im. M. Tugan-Barnovskogo, Ukraine, – 2005. – 195 p.
5. Eliferov V. G. and Repin V. V. Business processes: regulation and management, – M.: Infra-M, Russian Federation, – 2006. – 318 p.
6. Lucka T. V. Methodological approaches to managing business processes of service enterprises / Agrosvit, Ukraine, – No. 4. – 2011. – P. 68–73.
7. Murtazaeva R. N. and Alifanova S. Ye. Concept and functional features of the system process of development and modernization of subjects of the agrarian sector / Audit and financial analysis, Russian Federation, – No. 6. – 2014. – P. 334–337.
8. Repin V. V. and Eliferov V. G. Procesniy podhod k upravleniu. Modelirovanie procesov [The process approach to management. Business Process Modeling], RIA Standarti i kachestvo, Moscow, Russian Federation, – 2004. – 408 p.
9. Chaadaev V. K. Biznes-procesy v kompanijah svjazi [Business processes are in the companies of connection], Jeko-Trendz, Moscow, Russian Federation, – 2004. – 176 p.
10. Kozachenko A. V. Practical approaches to improvement of business processes. – 2010. URL: http://www.elitarium.ru/2010/11/24/uluchsheniye_biznes_processov.html

Section 10. Jurisprudence

*Khatuaeva Victoria Vladimirovna,
Doctor, of Legal Sciences, associate professor,
head of the Department of Criminal Procedure Law
of the Central branch of the Russian State University of Justice
E-mail: vkhatuaeva@yandex.ru*

SOCIAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LEGAL BENEFITS

Abstract: The article considers historical retrospective of formation and development of the Institute of Legal advantages in the Russian criminal procedure legislation. The Institute is projected on the content of the basic legal principle of equality of citizens before the law and the Court. Its content and subject composition are considered through the prism of complication of the criminal Procedure form, stipulated by Ch. 52 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: immunity, procedural status, criminal proceedings, criminal procedural form, equality of citizens.

*Хатуева Виктория Владимировна,
Зав. кафедрой уголовно-процессуального права
Доктор юридических наук, доцент
Центрального филиала Российского
государственного университета правосудия
E-mail: vkhatuaeva@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВОВЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Аннотация: в статье рассматривается историческая ретроспектива становления и развития института правовых преимуществ в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Указанный институт проецируется на содержание базового общеправового принципа равенства граждан перед законом и судом. Его содержание и субъектный состав рассматриваются через призму усложнения уголовно-процессуальной формы, предусмотренное гл. 52 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: иммунитет, процессуальный статус, производство по уголовному делу, уголовно-процессуальная форма, равенство граждан.

В основе особого процессуального порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, лежит известная теории права институт правовых преимуществ, т.е. предоставление определенных привилегий ограниченному кругу субъектов. Социальная природа названного института имеет определенные исторические корни и взаимосвязана с экономическим, политическим, общественным развитием государства. Термин «привилегия» как правовая категория стал использоваться еще в римском праве. Современная этимология данного слова имеет в своей основе латинские термины: *privus* (особый, отдельный, единичный) и *lex* (закон), откуда – *privilegium*, то есть «специальный закон для особого лица» [1, 38]. Данным термином обозначалось отступление от общих нормативных установлений, предназначенных для всех субъектов права, в случае их применения для отдельных категорий римских граждан, обладающих иммунитетом [2, 47]. Характерной особенностью российского института правовых привилегий является его политическая, а не экономическая либо территориальная обусловленность. Система правовых льгот и иммунитетов сложилась как средство манипулирования интересами различных групп, приближенных к верховной власти, которая таким образом выражала свое особое расположение к тому или иному привилегированному субъекту. По мнению определенной части специалистов, именно названная особенность обусловила общее негативное отношение общества к системе правовых льгот и иммунитетов как средству регулирования социальных отношений [3, 34].

Несколько иную правовую природу имеет иммунитет «народных представителей», основным назначением которого являлось обеспечение эффективного функционирования органов законодательной власти. Его появление в правовой системе России связано с изменением государственного устройства, сопряженного с центра-

лизацией государственной власти и дальнейшим переходом от абсолютизма к ограниченной монархии. В частности, в соответствии со ст. 4 Учреждения Государственной Думы и ст. 30 Учреждения Государственного Совета, депутаты Государственной Думы и члены Государственного Совета обладали неприкосновенностью исключительно в период сессии соответствующей палаты парламента. В остальное время никаких исключений в их правовом статусе, в том числе и в рамках производства по уголовному делу, не предусматривалось. Кроме того, даже во время парламентской сессии для задержания его членов не требовалось согласия соответствующей палаты: «1) в случае учинения ими преступных деяний по должности народных представителей» (ст. 22 Учреждения Государственной Думы; ст. 86–95 Учреждения Государственного Совета); 2) в случае, если задержание произведено при «самом учинении общего преступления народным представителем или не позже чем на другой день» (ст. 16 Учреждения Государственной Думы) [4, 711].

Применительно к уголовному судопроизводству категория «иммунитет», отождествляемая с особым порядком привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, появляется в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. В соответствии со ст. 1080 названного нормативного акта производство по уголовному делу в отношении прокуроров и их товарищей возбуждалось лишь при наличии постановления кассационного департамента Сената, принимаемому по представлению министра юстиции. Кроме того, правовые привилегии вводились в отношении должностных лиц судебного ведомства, которые приравнивались к государственным служащим (ст. 235 Устава уголовного судопроизводства) и пользовались всеми правами и преимуществами указанной категории лиц.

Именно в период реформирования всей системы права во второй половине XIX века появляются научные исследования, посвященные

институту правовых преимуществ. Например, В. В. Ефимов, впервые вводит в доктринальный оборот термин «юридическая льгота», обозначая им «полномочие, предоставленное особенным правом..., изъятие из общего правового режима» [5]. Адаптируя общетеоретический подход к уголовно-процессуальным реалиям, И. Я. Фойницкий указывал, что особый процессуальный режим, предусмотренный для прокуроров и служащих судебного ведомства, имеет своей целью «ограждение от нарушения достоинства должности», которое имеет место при совершении указанными лицами преступлений [6, 251].

Изменение подхода к социальной сущности института правовых преимуществ прослеживается после событий 1917 года, которые повлекли за собой коренное изменение всей системы права, равно как и системы органов уголовной юстиции. Равенство граждан, независимо от их должностного положения и сословной принадлежности было закреплено в Конституции РСФСР 1918 года, в соответствии с п. 22 которой установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ категорически запрещалось. Несмотря на указанный императивный запрет, отраслевое законодательство сохранило преемственность с Уставом уголовного судопроизводства 1864 года в части особого порядка привлечения к уголовной ответственности прокуроров и судей. Так, УПК РСФСР 1922 года, а также Декрет «О порядке ареста прокуроров и их помощников, председателей и членов революционных трибуналов и советов народных судей, народных судей и следователей», устанавливал специальную подсудность уголовных дел о преступлениях, совершенных названными лицами, а также изъятия из общего порядка их ареста.

Несмотря на отсутствие в тексте нормативно-правовых актов прямого указания на особый статус какой-либо категории лиц, таковой фактически закреплялся и в отношении депутатов Верховного Совета СССР, не привлекавшихся к уголовной ответственности на основании ст. 52

Конституции СССР 1936 года, и в отношении судей, прокуроров и следователей, уголовное преследование которых осуществлялось на основании распоряжения Прокурора СССР.

Последовательное закрепление принципа равенства граждан перед законом и судом в Основах уголовного судопроизводства 1958 года, а затем в УПК РСФСР 1960 года не исключало наличия и детализации института правовых преимуществ, действовавшего в отношении судей и народных заседателей, следователей и прокуроров, а также депутатов представительных органов государственной власти. Приведем лишь некоторые примеры. В соответствии со ст. 42 Закона СССР «О статусе судей СССР» в качестве гарантий обеспечения независимости судьи при осуществлении правосудия предусматривалась невозможность их привлечения к уголовной ответственности или арест без согласия Верховного Совета союзной республики, а в период между сессиями – Президиума Верховного Совета союзной республики – в отношении народных судей, судей краевых, областных, городских судов, судов автономных областей, судов автономных округов, Верховных Судов автономных республик, Верховного Суда союзной республики, а также народных заседателей этих судов; Верховного Совета СССР, а в период между сессиями – Президиума Верховного Совета СССР – в отношении судей и народных заседателей Верховного Суда СССР и военных трибуналов. Уголовное дело в отношении народного судьи или народного заседателя районного (городского) народного суда возбуждалось только прокурором союзной республики или Генеральным прокурором СССР, а в отношении судей или народных заседателей других судов союзных республик и судов Союза ССР – только Генеральным прокурором СССР.

В соответствии со ст. 47 Закона СССР «О прокуратуре СССР», возбуждение и расследование уголовных дел в отношении прокуроров и следователей прокуратуры было отнесено к ис-

ключительной компетенции прокуратуры и производилось с согласия органа, назначившего этих лиц на должность.

Обращает на себя внимание тот факт, что основанием предоставления правовых преимуществ на протяжении нескольких десятилетий функционирования советской системы права было выполнение лицом общественно-значимых функций либо занимаемое им должностное положение. При этом особый порядок привлечения к уголовной ответственности отдельных категорий лиц, т.е. собственно процедура реализации предоставленного преимущества, предусматривалась не уголовно-процессуальным законодательством, а отраслевыми нормативными актами. По мнению большинства ученых-процессуалистов, к началу 90-х годов XX века количество иммунитетов возросло настолько, что отсутствие единого процессуального порядка их реализации, сделало практически невозможным привлечение к уголовной ответственности значительного количества лиц, относящихся к той или иной социальной (должностной) группе [7, 113]. В частности, при отсутствии специальной главы, посвященной уголовному преследованию отдельных категорий лиц в УПК РСФСР 1960 года, таковой предусматривался в отношении: членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы (ст.ст. 19, 20 ФЗ от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Федерального Собрания Российской Федерации»); судей, а также присяжных и арбитражных заседателей в период осуществления ими правосудия (ст. 16 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 1132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»); Председателя Счётной палаты Российской Федерации, его заместителя и аудиторов (ст. 29 ФЗ от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счётной палате Российской Федерации»); Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (ст. 12 ФКЗ от 26 фев-

раля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»); прокурора, следователя (ст. 42 ФЗ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»); адвоката (ст. 18 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и т.д.

Нельзя не согласиться с точкой зрения О.В. Добровляниной о том, что в рассматриваемый период сложился практически параллельный уголовно-процессуальному законодательству блок нормативных актов, регламентирующих судопроизводство по должностной либо иной социальной принадлежности [8, 36]. Научная адаптация законодательных реалий в части предоставления правовых привилегий в рассматриваемый период заключалась в разработке теоретической модели комплекса специальных норм (*jus singulare*), которые предусматривают определенные законом исключения из общего правила для особых случаев [9, 118]. Такие нормы могут быть определены как императивные предписания, которые представляют собой результат юридической специализации, осуществляемой законодателем с целью учета особенностей определенного вида общественных отношений, родовое регулирование которых осуществляется общей правовой нормой [10, 261]. Применительно к уголовно-процессуальному праву подобный блок норм нашел отражение в гл. 52 УПК РФ 2001 года «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц», что стало первой и единственной попыткой законодателя систематизировать процессуальные привилегии, предоставляемые в рамках производства по уголовному делу.

Положения гл. 52 УПК РФ могут быть детерминированы как усложненная форма уголовного судопроизводства, предусматривающая расширенные гарантии для лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, на этапе возбуждения уголовного дела, а также предварительного расследования.

Отступление от унифицированной процедуры досудебного производства, а также наличие прав персональной подсудности обусловлено необходимостью создания правовых условий выполнения данными лицами общественно-значимых функций.

Список литературы:

1. Красильников А. В. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 2006. – 242 с.
2. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / Под ред. З. М. Черниловского. – М.: Гардарики, – 1998. – 413 с.
3. Насонова И. А. Равенство граждан перед законом и судом как условие реализации справедливости в уголовном судопроизводстве // Российский судья. – 2013. – № 5. – С. 34–35.
4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, – 1984. – 432 с.
5. Ефимов В. В. Догма римского права. СПб.: Кн. маг. А. Ф. Цинзерлинга, б. Мелье и Ко, – 1901 // URL: <http://www.msn.com/ru-ru/?ocid=iehp> (Дата обращения: 26.03.2018 г.).
6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, – 1996. – 552 с.
7. Алексеев Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С., В. Г. Даев, Л. Д. Кокрев. Воронеж: Изд-во ВГУ, – 1980. – 250 с.
8. Добровлянина О. В. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, – 2010. – 270 с.
9. Кибальник А. Г. Иммуниетет в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., – 1999. – 216 с.
10. Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов. Под общ. ред. проф. В. С. Нерсесянца. – М.: «Норма», – 2001. – 813 с.

Contents

Section 1. Demography	3
<i>Sukirman Sundarso, Warsono Hardi, Hayu Ida</i> POLICY EVALUATION OF NON-FORMAL EDUCATION RELATE TO LIVE CAPABILITY IN BANJARNEGARA DISTRICT	3
Section 2. Art	18
<i>Konvaliuk Uliana Volodymyrivna</i> SOCIAL AND CULTURAL ENVIRONMENT OF BUKOVYNA AS A DEVELOPMENT FACTOR OF UKRAINIAN POP SONGS ART OF 60S-90S OF THE 20TH CENTURY	18
<i>Mambetkadirov Gayratbai Amanbaevich</i> FOLKLORNO-MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE CREATIVITY OF SCULPTORS OF KARAKALPAKISTAN	28
Section 3. Historical Sciences	32
<i>Sizenko Andrey Grigorievich, Borodulina Natalia Vladimirovna</i> ADVERTISING MAGAZINES AND NEWSPAPERS IN THE PERIODICAL PRESS OF ROSTOV-ON-DON IN 1914–1917	32
<i>Suleimanova Rima Nugamanovna</i> DISCUSSION OF THE BASIC PROVISIONS OF THE LAW ON CIVIL EQUALITY IN THE I STATE DUMA	37
Section 4. Linguistics	40
<i>Wang Weiping, Chernytskyi Volodymyr</i> REVIVING WITHERED IMAGE (METAPHOR AS A MEANS OF COGNITIVE VISUALIZATION IN EDUCATIONAL TECHNIQUES)	40
<i>Kolpashchikova Yulia Andreevna</i> THE LANGUAGE IDENTITY OF THE SPORTSCASTER IN CULTURE OF LANGUAGE OF THE SPORTS REPORT	49
Section 5. Pedagogy	54
<i>Dzhafarova Oksana Sergeevna</i> THE IMPORTANCE OF MULTIPLICATION PEDAGOGY IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE PRIMARY SCHOOL TEACHERS	54
<i>Umerova Lenie Rustemovna</i> THE TRAINING OF FUTURE TEACHERS OF LITERATURE FOR USING OF EDUCATIONAL TRANSLATION IN A BILINGUAL ENVIRONMENT	58
Section 6. Political science	62
<i>Shehu Manushaq</i> ROLE OF LEADERSHIP IN THE ALBANIAN NATIONAL STRATEGY	62

Section 7. Psychology	66
<i>Strazzeri Irene, Giusi Antonia Toto</i>	
CONTEMPORARY EMERGENCIES BETWEEN STEREOTYPES, PREJUDICES AND SYMBOLIC AND CULTURAL CONSTRUCTION.....	66
Section 8. Philology	69
<i>Glushchenko Olena Wolodimirowna</i>	
GENESE DER DIPHTHONGE UND IHRE ENTWICKLUNG IM MITTELHOCHDEUTSCHEN ANHAND DES ROMANS „TRISTAN“ VON GOTTFRIED VON STRASSBURG.....	69
<i>Selitskaya Zoya Yanovna, Yurinova Evgenia Alexandrovna</i>	
SEMIOTICS OF LEONID DOBYCHIN’S SHORT STORY <i>EUDOKIA</i>	75
Section 9. Economics and Management	81
<i>Bozhanova Viktoriia, Kononova Oleksandra</i>	
STRATEGIC APPROACH TO THE MANAGEMENT OF MODERN CONSTRUCTION ENTERPRISES	81
<i>Vasilieva Tatiana Nicolaevna, Vasilieva Irina Vitalievna</i>	
FEATURES OF VENTURE FUNDS IN RUSSIA AND THE USA.....	91
<i>Myronova Olena Oleksandrivna</i>	
FORMATION OF THE MANAGEMENT SYSTEM FOR BUSINESS PROCESSES OF AN AGRICULTURAL ENTERPRISE	98
Section 10. Jurisprudence	104
<i>Khatuaeva Victoria Vladimirovna</i>	
SOCIAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF LEGAL BENEFITS.....	104